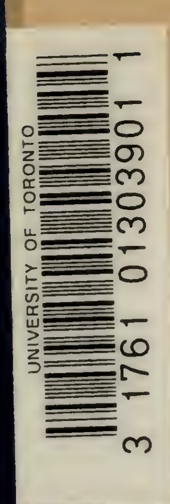

Petrov, Nikolai Ivanovich
Ocherki iz istorii
ukrainskoi literatury XVIII
vieka

ОЧЕРКИ

ИЗЪ ИСТОРІИ УКРАИНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

XVIII ВѢКА.

КІЕВСКАЯ ИСКУСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА XVIII ВѢКА, ПРЕИМУЩЕСТВЕННО ДРАМАТИЧЕСКАЯ.

Н. Петрова.

КІЕВЪ.
Тип. Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская улица, собственный домъ.
1880.

ОЧЕРКИ

ИЗЪ ИСТОРІИ УКРАИНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

XVIII ВѢКА.

КІЕВСКАЯ ИСКУСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА XVIII ВѢКА, ПРЕИМУЩЕСТВЕННО ДРАМАТИЧЕСКАЯ.

Н. Петрова.

КІЕВЪ.
Тип. Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская улица, собственный домъ.
1880.

Изъ журнала „Труды Кіевской дух. Академіи“, за 1879 и 1880 гг.

Подъ кіевской искуственной литературой XVIII вѣка мы разумѣемъ вообще южно-русскую искуственную литературу этого времени, средоточіемъ которой былъ Кіевъ съ его древнѣйшимъ училищемъ Академіею.

На южно-русскую искуственную литературу XVIII вѣка обыкновенно смотрѣли и продолжаютъ смотрѣть даже до настоящаго времени, какъ на литературу схоластическую и мертвенную, которая неспособна была интересоваться общественною и народною жизнію. И дѣйствительно, если мы будемъ разсматривать только схоластическіе учебники южно-русскихъ ученыхъ этого времени и ихъ трактаты по разнымъ отраслямъ тогдашнихъ наукъ и знаній; то почти не найдемъ въ нихъ біенія пульса общественной и народной жизни. Но мы не имѣемъ права предполагать, будто-бы схоластическіе учебники и трактаты исключительно поглощали всѣ интересы южно-русскихъ ученыхъ мужей и школьниковъ и отвлекали ихъ вниманіе отъ текущей жизни и народнаго міровоззрѣнія. Особенно нельзя этого предполагать насчетъ молодыхъ школьниковъ, которыхъ живая натура должна была высказываться въ различныхъ пѣсенкахъ, діалогахъ, передѣлкахъ народныхъ сказокъ, пословицъ и поговорокъ и тому подобныхъ литературныхъ произведеніяхъ, можетъ быть—иногда составлявшихъ для нихъ запретный плодъ и во всякомъ случаѣ не входившихъ въ кругъ ихъ

прямыхъ обязанностей и занятій. Понятно, поэтому, что такихъ произведеній не могло сохраниться много отъ XVIII вѣка; но чѣмъ они рѣже встрѣчаются, тѣмъ болѣе должны быть драгоцѣнны для насъ, какъ такіе архаическіе обломки, на основаніи которыхъ можно составить хотя слабое представленіе о живыхъ литературныхъ интересахъ южно-русскихъ школьниковъ XVIII вѣка. Притомъ же, подобныхъ литературныхъ произведеній сохранилось и не такъ мало: слѣдуетъ только тщательнѣе разыскивать ихъ и приводить въ извѣстность.

Въ разное время мы открыли значительное число южно-русскихъ искуственныхъ произведеній XVIII вѣка [1]), которыя, вмѣстѣ съ извѣстными уже памятниками этого рода, наполняютъ собою весь XVIII вѣкъ и составляютъ его литературную исторію, довольно живую и интересную. На первый взглядъ эта исторія представляется весьма пестрою и разнообразною, не имѣющею подъ собою твердой національной почвы; но, при внимательномъ разсмотрѣніи ея, оказывается, что сквозь пестроту и разнообразіе чужихъ и наносныхъ элементовъ постоянно и настойчиво пробивается элементъ національный, связывающій южно-русскую искуственную литературу XVIII вѣка съ литературными интересами сѣверной Россіи.

Разнообразіе элементовъ, входившихъ въ составъ южно-русской искуственной литературы XVIII вѣка, виднѣе всего въ пословицахъ и остроумнымъ изрѣченіяхъ, найденныхъ нами въ рукописномъ сборникѣ 1738—1743 г., писанномъ рукою ученика харьковскаго коллегіума Іоанна Ушивскаго [2]). Составитель находящагося здѣсь алфавитнаго списка пословицъ и остроумныхъ изрѣченій говоритъ, что

---

[1]) Въ первый разъ мы сообщили о такихъ произведеніяхъ въ Трудахъ Кіев. дух. Акад. за 1866—7 гг.; теперь ихъ вдвое болѣе.

[2]) Рукопись церковно-археолог. музея при Кіев. Акад., по печатному описанію № 661.

онъ выбиралъ ихъ изъ свѣтскихъ и духовныхъ книгъ; но, какъ увидимъ ниже, онъ пользовался и народными пословицами.

Изъ духовныхъ книгъ въ разсматриваемый сборникъ пословицъ и изрѣченій взяты, напримѣръ, слѣдующія пословицы: „Богъ не смотритъ на лице“; „Добро твори всякому и неблагопріятному“, „Изъ плода древо познается“, и проч. Подъ свѣтскими книгами, изъ которыхъ извлекались пословицы и изрѣченія, преимущественно разумѣлись апофтегматы, Епиктетовы изрѣченія и разныя краткія замысловатыя повѣсти западнаго происхожденія. Такъ, напримѣръ, пословицы: „Голому разбой не страшенъ“ и „Трудно тамъ брати, гдѣ нечего взяти“—объясняются слѣдующей апофтегматой: „Къ забавному бѣдняку пришли ночною порою воры. Тогда онъ, ни мало не осердясь, сказалъ имъ: не знаю, что вы можете, братцы, найти здѣсь въ такое время, гдѣ я и днемъ самъ ничего не нахожу“ [1]). „Значно волка въ овечьей кожѣ“,—эта пословица извлечена изъ соотвѣтствующей басни Езопа. На тему пословицы—„извѣснше око, нежели ухо“,—мы нашли два разсказа западнаго происхожденія,—одинъ о Сократѣ, который сказалъ однажды: „больше вѣрь очамъ своимъ, нежели скаскѣ людской“, другой о Ѳалесѣ, выразившемся подобнымъ образомъ: „гораздо то вѣрнѣе,—сказалъ Ѳалесъ,—что́ видимъ, нежели то, что́ слышимъ“ [2]). „Кто богатъ, тотъ всѣмъ братъ, кто ничего не мае, того никто не знае“,—на тему этой пословицы есть нѣсколько западныхъ разсказовъ. „Бережливый вопрошенъ,—говорится въ одномъ изъ нихъ,—для чего онъ, будучи въ глубокой старости, живетъ скупо? для того, отвѣчалъ онъ,—чтобы по смерти лучше оставить что-нибудь непріятелямъ, нежели заживо лишиться пріятелей. Разумѣлъ онъ:

---

[1]) Рукоп. церковно-археол. муз. при Кіев. Акад., № 131, л. 185.

[2]) Тамъ-же, № 131, л. 191 и 187 об.

гдѣ деньги, тамъ и друзья“. Справедливость этого изрѣченія, по западнымъ разсказамъ, доказалъ другой человѣкъ. „Нѣкто имѣлъ великой недостатокъ и, не хотя по смерти своей учинить никого наслѣдникомъ, все свое богатство расточилъ, думая, что онъ болѣе не проживетъ 80 ти лѣтъ; но послѣ, живя еще шесть лѣтъ, ходилъ по—міру, прося такъ: подайте что нибудь мнѣ бѣдному, который столь долго жить не думалъ“ [1]). Несомнѣнно западнаго происхожденія и слѣдующая пословица рукописи: „орѣхъ, оселъ и жена равной суть природы; сія вси три требуютъ биття не погоды“ [2]).

Кромѣ книжныхъ пословицъ, въ сборникѣ есть пословицы и народнаго происхожденія, хотя и довольно искаженныя. Очевидно, авторъ хотѣлъ придать имъ литературную форму и украсить ихъ школьными риѳмами; тѣмъ не менѣе онъ не могъ совершенно стереть ихъ народнаго хара тера. Между этими пословицами можно различать—польскія, собственно малорусскія и великорусскія или, по крайней мѣрѣ, такія, которыя одинаково сохранились и на сѣверѣ, и на югѣ Россіи. Къ польскимъ можно отнести слѣдующія пословицы сборника: „По шкодѣ ляхъ мудрій“, „Шляхтицъ по бабцѣ“, и др. Къ чисто малорусскимъ пословицамъ относятся въ нашемъ сборникѣ слѣдующія: „баба з воза, колесамъ легше“; „Безъ денегъ къ торгу, безъ соли до дому“. „Здався циганъ на свои дѣти“, или—„Циганъ своими дѣтми свѣдчится“; „Осмакъ копи стереже“; „Первія коти за плетень“; „Первѣйшій атаманъ, неже десятникъ“; „Шануй гори и мости, чтобъ были цѣліе кости“; „Якій панъ, такій его крамъ“, и проч. На сѣверѣ Россіи встрѣчаются слѣдующія пословицы нашего сборника: „Въ гостяхъ добре, а дома

---

[1]) Тамъ-же, л. 188 и 189.

[2]) См. рукопись того-же музея, № 162, по печатному описанію № 549.

лутче", „Гдѣ тонко, тамъ рветця"; „Зхотѣлося ему ухи дворанской"; „Із чужого коня и посредѣ грязѣ вставай"; „Лѣнивому всегда праздникъ"; „На злодѣеви (ворѣ) шапка горитъ"; „Охота пущѣ неволѣ"; „Пропало, что з воза впало"; „Собака на сѣнѣ лежитъ, самъ не истъ и другимъ не даетъ"; „Скупій два раза платитъ"; „Тихая вода береги ломитъ"; „У кія два концы"; „Чужое личко ремѣнцемъ платятъ", и проч. [1]).

То-же разнообразіе литературныхъ элементовъ, какое мы видѣли въ сборникѣ пословицъ и изрѣченій И. Ушивскаго, встрѣчается и во многихъ другихъ письменныхъ южнорусскихъ произведеніяхъ XVIII вѣка, представляющихъ удивительную амальгаму письменныхъ источниковъ всякаго рода съ произведеніями устной народной словесности. Здѣсь замѣтны прежніе элементы, унаслѣдованнные отъ XVII и предыдущихъ вѣковъ, и элементы новые, вызванные текущими обстоятельствами южно-русской жизни. Съ одной стороны, въ этой литературѣ замѣтны старыя византійскія преданія и слѣды латино-польскаго и западнаго вліянія, съ другой—стремленіе къ возобновленію живыхъ связей съ обще-русскою литературою и къ очищенію тогдашняго южно-русскаго литературнаго языка по образцу сѣвернаго. Но надъ всѣми этими элементами все болѣе и болѣе получаетъ преобладаніе элементъ національный, русскій, который имѣетъ два главные оттѣнка: племенное самосознаніе южноруссовъ и стремленіе ихъ къ единству съ сѣверно-русскою литературою.

Конечно, южно-руссы всегда болѣе или менѣе сознавали себя русскими; но мы имѣемъ въ виду не столько сознаніе ими своей народности, сколько выраженіе этого со-

---

[1]) Послѣднія мы сравнивали съ русскими пословицами въ алфавитномъ порядкѣ, по рукописи XVIII в., принадлежащей Кіевской Академіи, по печатному описанію № 449.

знанія въ соотвѣтственной литературной формѣ. Въ этомъ же отношеніи мы не можемъ сказать, чтобы южно-русскіе писатели XVIII вѣка, да и самъ южно-русскій народъ, далеко не были безукоризненны. Польскій языкъ у южно-русскихъ ученыхъ XVII и даже начала XVIII вв. нерѣдко назывался *отечественнымъ* языкомъ, на которомъ, послѣ латинскаго языка, писались всѣ остальные примѣры и упражненія. Руководства, источники и образцы указывались преимущественно латино-польскіе. Даже самый русскій языкъ школьный, появляющійся съ конца XVII вѣка, изобилуетъ полонизмами и другими иностранными словами.

Но въ XVIII же вѣкѣ изъ среды этого разнообразія элементовъ въ южно-русской рѣчи и литературы постепенно началъ выдѣляться и усиливаться элементъ чисто народный. Какимъ образомъ южно-руссы приходили постепенно къ признанію правъ русскаго языка,—это можно видѣть изъ слѣдующихъ примѣровъ: въ древнѣйшихъ кіевскихъ руководствахъ по піитикѣ почти исключительно говорилось о польскомъ языкѣ и стихѣ [1]; но въ піитикѣ 1736 года польскій и русскій стихъ имѣютъ равныя права, и послѣдній изъ нихъ исправлялся по образцу перваго. Такъ напр., въ кіев. піитикѣ 1720 г. говорится о польскомъ стихѣ слѣдующее: „нужно остерегаться, чтобы не были окончанія на—go, li, la, jo, jąc, wszy, напр. swętego, zacnego, czynili, mówili, и пр. Примѣнительно къ этому правилу, но съ толкованіемъ уже на русскій манеръ, піитика 1736 года говоритъ о русскомъ стихѣ слѣдующее: „въ славянскихъ стихахъ нужно остерегаться, чтобы не оканчивались стихи на-*го* (благаго, святаго, драгаго), на *чи* (хвалячи, знаючи, мѣчачи), на *ли* (сознали), и проч. [2]).

На основаніи приведенныхъ примѣровъ можно бы по-

---

[1]) Fons Castalius, рукопись Кіево-Соф. собора, № 446, rivus 2, quaer. 8.

[2]) Труды Кіев. дух. Академіи, іюль, 1866 года, стр. 325—7.

лагать, что развитіе русскаго языка у южно-русскихъ ученыхъ XVIII вѣка совершилось подъ вліяніемъ польскаго и по его образцу. И дѣйствительно, нельзя не признать доли участія польскаго языка въ образованіи литературнаго южно-русскаго языка, хотя это вліяніе само по себѣ могло скорѣе вести къ искаженію южно-русскаго языка и подчиненію его чужимъ формамъ, какъ это отчасти видно и изъ приведенныхъ уже примѣровъ.

Гораздо болѣе, чѣмъ польскій языкъ и польскіе образцы, содѣйствовали разработкѣ національныхъ интересовъ и развитію отечественнаго языка такъ называемое возрожденіе классицизма и гуманизмъ, имѣвшіе своихъ представителей и въ Кіевской Академіи. Возрожденіе и гуманизмъ явились прежде всего въ Италіи, выразились въ стремленіи къ изученію классическихъ образцовъ, подражаніи имъ и примѣненіи къ національнымъ интересамъ, но потомъ распространились отсюда по всей западной Европѣ и были предтечами нѣмецкой реформаціи. Изъ представителей періода возрожденія или гуманизма для насъ интересны итальянцы Понтано, Санназаро, голландецъ Еразмъ Роттердамскій и другіе, которые извѣстны были и въ Кіевской Академіи. Въ послѣдней первымъ и самымъ виднымъ представителемъ возрожденія классицизма и гуманизма является знаменитый для своего времени Ѳеофанъ Прокоповичъ. Замѣчательный по своему времени знатокъ латинскаго языка, онъ часто указывалъ въ своей піитикѣ и реторикѣ лучшія руководства и образцы въ духѣ возрожденія классицизма, сочувствовалъ пробудившемуся на западѣ Европы движенію мысли въ лицѣ Галилея, но, что всего важнѣе, старался сблизить классическія формы съ христіанскимъ и отечественнымъ содержаніемъ и заботился объ очищеніи русскаго языка отъ чуждыхъ примѣсей. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи онъ можетъ идти въ сравненіе съ Данте и особенно съ Торквато-Тассо, которые пытались въ своихъ произведеніяхъ органически сочетать классическія формы съ отечественнымъ

содержаніемъ и изложеніемъ. Повидимому, Прокоповичъ слѣдуетъ примѣру и правиламъ Тарквато-Тассо и даже воспроизводитъ ихъ въ своей піитикѣ. „Для героической (эпической) поэмы, говоритъ Тассо,—необходимы три условія: 1) выбрать содержаніе, могущее принять наиболѣе изящную форму; 2) дать ему эту форму; 3) облечь его лучшими украшеніями, какія только оно способно принять. Чтобы достичь правдоподобія, одного изъ существеннѣйшихъ условій эпоса, лучше всего взять содержаніе изъ исторіи, но только не изъ языческой; потому что ввести въ эпосъ языческую религію—значитъ уничтожить правдоподобіе, а опустить ее—значитъ опустить чудесное. Невозможно же представить себѣ, чтобы тѣ пустыя, безжизненныя божества древнихъ, которыя никогда не существовали, производили явленія, настолько превышающія средства природы и человѣческія силы. Правдоподобное и чудесное почти противоположны другъ другу, а между тѣмъ въ героической поэмѣ они составляютъ совершенно необходимыя условія. Искуство поэта заключается въ томъ, чтобы ихъ соединить. Христіанскій поэтъ можетъ достичь этого только тѣмъ, что припишетъ такія чудесныя дѣйствія только Богу, его ангеламъ, святымъ, или тѣмъ, кому дарованы сверхъестественныя силы, слѣдов. демонамъ, чародѣямъ и феямъ. Правдоподобіе же здѣсь возможно потому, что мы съ колыбели слышимъ о подобныхъ чудесахъ. Такимъ образомъ содержаніе новой эпической поэмы должно быть только или христіанскимъ, или еврейскимъ. Но его нельзя заимствовать и изъ священной исторіи, потому что всякое измѣненіе или новый въ ней вымыселъ были бы святотатствомъ. Въ христіанской исторіи можно взять содержаніе изъ совершенно древней, средней или совершенно новой исторіи“ [1]).

---

[1]) Исторія всеобщей литературы, Шерра, въ русскомъ переводѣ, стр. 262—3.

И Ѳеофанъ Прокоповичъ, указывая въ своей піитикѣ на примѣры христіанскихъ писателей, избѣгавшихъ употребленія именъ языческихъ божествъ и употреблявшихъ имена христіанскія, говоритъ о христіанскомъ поэтѣ согласно съ Торквато Тассо: „онъ (т. е. христіанскій поэтъ) не долженъ вмѣшивать языческихъ боговъ или богинь въ какое либо дѣло нашего Бога, или также героевъ, олицетворяющихъ собою какія либо добродѣтели, не долженъ употреблять имя Паллады вмѣсто мудрости, Діаны вмѣсто чистоты, Нептуна вмѣсто водъ, Вулкана вмѣсто огня,—ихъ имена употребляются только синонимически,—но онъ можетъ вводить дѣйствительныя лица Бога, ангеловъ, святыхъ, демоновъ, приписывая имъ подобныя дѣйствія. Также посредствомъ олицетворенія пусть онъ вводитъ божественныя свойства, приписывая имъ рѣчь, лицо, дѣйствіе, одежды, оружіе, инструменты, колесницы и проч. Можно также вымышлять различныя мѣстоположенія на небѣ, въ воздухѣ, на землѣ, выстраивать города, ставить дома и другія зданія“ [1]). Слѣдуя этимъ правиламъ Ѳеофанъ Прокоповичъ или перелагалъ латинскія классическія произведенія на русскій языкъ и русскіе нравы, или писалъ оригинальныя произведенія по формамъ классическимъ и, подобно Торквато Тассо, влагалъ въ нихъ отечественное содержаніе изъ древней, средней и новой русской исторіи, постоянно заботясь о чистотѣ русскаго языка и исправляя и очищая его по нормѣ церковно-славянскаго. А Ѳеофанъ Прокоповичъ имѣлъ громадное вліяніе на послѣдующую южно-русскую литературу XVIII вѣка, такъ что всѣ почти лучшіе южно-русскіе писатели этого времени отчасти ему обязаны были своею извѣстностію; слѣдовательно, гуманистическіе принципы возрожденія классицизма продолжали дѣйствовать въ южно-русской ли-

---

1) De arte poëtica, кн. 2, гл. 5, стр. 102; сн. Труды Кіев. дух. Акад., Іюль, 1866 г., стр. 315.

тературѣ въ теченіи всего почти XVIII столѣтія и направлять ее къ развитію національнаго чувства и вкуса.

Самое же могущественное и заправляющее вліяніе на судьбу южно-русской литературы XVIII вѣка и ея языка имѣла сѣверная Русь своимъ господствующимъ положеніемъ сначала въ политическомъ, а потомъ и въ литературномъ отношеніи. Малороссія формально присоединилась къ московскому государству еще въ 1654 году, при Богданѣ Хмельницкомъ, но политическія смуты и колебаніе въ разныя стороны продолжались почти до конца XVII вѣка; слѣдовательно, фактическое присоединеніе Малороссіи къ московскому государству, и притомъ не въ цѣломъ ея объемѣ, совершилось только къ концу XVII вѣка. Поэтому и результаты этого присоединенія въ литературномъ отношеніи не могли обнаружиться ранѣе конца XVII или начала XVIII вѣка. Съ присоединеніемъ Малороссіи къ Россіи, естественно, центръ политической тяжести сталъ находиться для Малороссіи въ Москвѣ или Петербургѣ, а не въ Варшавѣ и Вильнѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ и языкъ сѣверной Россіи сдѣлался господствующимъ языкомъ въ государствѣ вообще и въ частности въ Малороссіи. Съ одной стороны, южно-русскіе ученые и дѣятели часто обращались со своими нуждами на сѣверъ Россіи, къ правительству, получали отъ него оффиціальныя бумаги и нерѣдко переселялись туда для занятія іерархическихъ должностей; съ другой стороны, московскіе бояре и вельможи занимали въ Малороссіи должности воеводъ и губернаторовъ и другихъ сановниковъ и чиновниковъ, а московскія войка большими массами стояли въ Малороссіи въ теченіи всего XVIII вѣка, особенно послѣ извѣстной измѣны Мазепы. Вслѣдствіе этихъ обстоятельствъ необходимо долженъ былъ происходить живой обмѣнъ понятій, словъ и выраженій между малороссами и великороссами и клониться въ пользу послѣднихъ. Южно-русскіе ученые и писатели, отправляясь на сѣверъ Россіи на время, или для занятія іерархическихъ мѣстъ,

усиленно старались отвыкнуть отъ провинціализмовъ своей рѣчи и говорить и писать на литературномъ языкѣ сѣверной Руси. Особенно это замѣтно на одномъ изъ лучшихъ духовныхъ писателей того времени св. Димитріѣ Ростовскомъ. Будучи въ Малороссіи, онъ говорилъ и писалъ обычнымъ въ то время украинскимъ литературнымъ языкомъ. Вотъ примѣры этого языка: „Кто жь колвекъ того болѣзненного житія путь проходишъ, зостановися тутъ"; или — „Нимъ сподобится з насъ хто колись Бога во Троицы единого, Отца и Сына и Св. Духа славити з ангелами въ небѣ", и проч. [1]). Но переселившись на сѣверъ и управляя Ростовскою митрополіею, св. Димитрій писалъ свои проповѣди чистымъ славянскимъ языкомъ и болѣе просто и естественно. Съ другой стороны, московскіе люди, живя подолгу въ Малороссіи и входя въ болѣе или менѣе тѣсное общеніе съ мѣстными жителями, распространяли между ними знаніе московскаго языка и нѣкоторыя произведенія сѣверно-русской народной литературы. Къ послѣднимъ можно отнести стихи „про Хому да Ярему", носящіе на себѣ явные слѣды заимствованія съ велико-русскаго, но довольно распространенные въ Малороссіи между „старцами", т. е. нищими.

Въ послѣдствіи времени къ этимъ внѣшнимъ политическимъ обстоятельствамъ, обусловливавшимъ собою распространеніе обще-русскаго языка въ Малороссіи въ XVIII вѣкѣ, присоединились и болѣе важныя причины этого явленія, заключавшіяся во внутреннемъ содержаніи и внутреннихъ качествахъ сѣверно-русской искуственной литературы, которыхъ не имѣла южно-русская литература. Южнорусская письменная литература XVII и начала XVIII в. была богословскаго содержанія, подчинявшаго себѣ даже обще-

---

[1]) Описаніе рукоп. церковно-археологич. музея при Кіев. Акад., № 292, стр. 284—5 и 289.

образовательныя науки, и нерѣдко отличалась схоластическимъ характеромъ, между тѣмъ какъ литература на сѣверѣ Россіи со времени Петра I принимаетъ практически дѣловой, государственный и свѣтскій характеръ и затѣмъ мало по малу вводитъ русское общество въ кругъ европейскихъ вкусовъ и понятій новаго времени. Поэтому представители южно-русской учености XVIII вѣка, даже оставаясь на малорусской своей родинѣ, не могли быть равнодушными къ новому для нихъ направленію сѣверно-русской литературы и не отнестись къ ней такъ или иначе, сочувственно или несочувственно: при отсутствіи у южно русскихъ ученыхъ знакомства съ новѣйшими западно-европейскими языками, сѣверно-русская искуственная литература была для нихъ, почти до конца XVIII вѣка, чуть ли не единственнымъ источникомъ свѣдѣній объ умственныхъ и литературныхъ интересахъ современнаго запада Европы, и поэтому не могла не оказать значительнаго вліянія на южно-русскихъ ученыхъ и писателей XVIII вѣка. И мы не только увидимъ это вліяніе, но можемъ замѣчать даже въ южно-русскихъ писателяхъ XVIII вѣка нѣкоторое движеніе и смѣну понятій и мыслей, представляющія слабое отраженіе литературнаго движенія на сѣверѣ Россіи.

Такое подчиненіе южно-русскихъ писателей интересамъ сѣверно-русской литературы и очищеніе языка по нормѣ общелитературнаго не могло не отозваться и на судьбѣ собственно малорусскаго народнаго говора. Теперь онъ рѣзко отдѣлился отъ литературнаго языка южно-русскихъ писателей, какъ нѣчто искаженное, уродливое и каррикатурное, сдѣлался предметомъ насмѣшекъ и, по примѣру польскихъ писателей, сталъ употребляться только въ комедіяхъ и каррикатурныхъ пародированныхъ діалогахъ и сценахъ, въ нескромныхъ пѣсенкахъ и т. п. Такое пренебрежительное отношеніе къ малорусскому говору освящено было даже теоріею. По правиламъ піитики Митрофана Довгалевскаго, 1736 года, въ комедіи должны выводиться лица

неважныя, какъ—то: господарь (paterfamilias), литвинъ цыганъ, козакъ, еврей, полякъ, скиѳъ, турокъ, грекъ, итальянецъ", и комедіи должны писаться „слогомъ простымъ, деревенскимъ, мужицкимъ". Вотъ этотъ—то деревенскій мужицкій языкъ малорусскій, постепенно развиваясь въ комическомъ направленіи въ теченіи всего XVIII вѣка, былъ прямымъ и непосредственнымъ предшественникомъ малорусской литературы нынѣшняго вѣка, тоже начавшейся съ каррикатурнаго изображенія малорусской жизни въ Энеидѣ Котляревскаго.

Указавъ главныя условія развитія южно-русской искуственной литературы XVIII вѣка, пересмотримъ болѣе важные роды южно-русскихъ поэтическихъ произведеній этого времени, эпическихъ и лирическихъ, и особенно остановимся на драматической литературѣ, какъ болѣе полной и типической.

Въ кіевскихъ піитическихъ руководствахъ XVII вѣка въ образцы поэмы указывались большею частію польско-іезуитскія произведенія, какъ то: „Иродіада или св. младенцы за Христа мученики, жестоко избіенные Иродомъ тиранномъ", о. Іакова Бидерманна, написанная по подражанію Энеидѣ Виргилія; „Ѳиваида" изъ 12-ти книгъ и „Ахиллеида", написанная по подражанію Альду Мануцію, о. Папинія Стація; Fodines Bochnenses, Hypotyposis patientis Dei, и др. польскаго іезуита Андрея Канонъ, написанная по подражанію Папинію Стацію; „Лехіада" польскаго іезуита Альберта Инесъ, обнимающая собою исторію Польши отъ I Леха до Яна Казиміра включительно.

Каковы были эти эпическія произведенія іезуитовъ, объ этомъ дѣлаетъ отзывъ Ѳеофанъ Прокоповичъ. Онъ говоритъ о подобныхъ эпическихъ произведеніяхъ іезуитскихъ, что творцы ихъ „почитаютъ себя изучившими цѣлую науку поэтическую, если не допускаютъ въ стихѣ ничего такого, что

---

[1]) Рукопись Кіево-Михайловскаго монастыря, № 1713.

бы нарушало мѣру, хотя, возбужденные нѣкоторою страстію, все заплевываютъ непристойными мыслями и трещатъ высокопарными словами. Вотъ какъ напр. противъ этого закона погрѣшаетъ іезуитъ Канонъ: въ книжкѣ De fodinis Bochnensibus онъ выводитъ Кунегунду, дочь польскаго царя, которая умоляетъ своего отца, чтобы онъ уступилъ ей соляные рудники, и притомъ съ такимъ униженіемъ проситъ, что припадаетъ къ ногамъ царя и повергается на землю, расточаетъ заклинанія и просьбы и утомляетъ отца неотвязчивою просьбою. Къ чему такія трогательныя, плачевныя сцены? Этимъ способомъ, какимъ Кунегунда проситъ соли, ей слѣдовало бы умолять Бога за грѣхи. Ибо что неприличнѣе того, что царица и дочь проситъ у царя—отца предмета столь презрѣннаго, низкаго и дорогаго только для купцовъ? Тамъ же говорится, что та же царица уронила въ соляныя ямы свое кольцо, которое, завязнувши во время паденія въ глыбѣ соли, вытащено было вмѣстѣ съ солью; царица,—говорится здѣсь,—приняла его съ такою радостію, что приложила губки къ драгоцѣнному кольцу и разговаривала съ нимъ какъ съ живымъ, такъ что и самъ авторъ не можетъ передать ея радости“.

Своею критикою Ѳеофанъ Прокоповичъ уронилъ во мнѣніи кіевскихъ ученыхъ прежніе іезуитскіе образцы поэмы и на мѣсто ихъ указалъ другіе лучшіе. Со времени Ѳеофана Прокоповича въ кіевскихъ піитикахъ указываются слѣдующіе образцы поэмы: De partu virginis Акція Санназаро, написанная по образцу Энеиды Виргилія; Argenis, figuris Aeneidis adillustrata, Іоанна Барклая, написанная прозаическою рѣчью и имѣвшая большое употребленіе во времена Ѳеофана Прокоповича; De bello Chotinensi,—поэма на войну поляковъ съ турками 1621 года; Gofred albo wyzwolony, Ieruzalem, въ подлинникѣ принадлежащая Торквато—Тассо и переведенная на польскій языкъ Петромъ Кохановскимъ. Въ образецъ поэмы указываются также Энеида Виргилія и другія классическія произведенія.

Считаемъ излишнимъ говорить о значеніи тѣхъ эпиче-

скихъ произведеній, какія приводились въ образецъ въ кіевскихъ піитикахъ со времени Ѳеофана Прокоповича. Замѣтимъ только, что кіевскіе ученые мало по малу поднимались до пониманія поэтическихъ произведеній, имѣющихъ несомнѣнное значеніе въ литературной исторіи, каковы напр. поэмы Тассо и Виргилія. Это было большимъ шагомъ впередъ среди тогдашней образованности. Значительное развитіе литературнаго вкуса кіевскихъ ученыхъ по крайней мѣрѣ подготовляло публику на будущее время къ воспринятію народныхъ эпическихъ произведеній, а можетъ быть имѣло вліяніе и на появленіе самостоятельнаго русскаго эпоса [1]).

Переходомъ отъ чужихъ поэмъ къ отечественнымъ служитъ переводъ на русскій языкъ польской поэмы Твардовскаго о козацкихъ войнахъ, подъ заглавіемъ „Война домова", сдѣланный въ 1718 году Стефаномъ Савицкимъ, лубенскимъ полковымъ писаремъ. Изъ этой поэмы много заимствовалъ въ свою лѣтопись (1720 г.) Самойло Величко, какъ это означилъ онъ и на заглавномъ листѣ [2]). А лѣтопись Самуила Величка легла въ основаніе драматической пьесы „Милость Божія", 1728 г., приписываемой то Ѳеофану Прокоповичу, то Ѳеофану Трофимовичу, въ которой изображаются событія козацкой исторіи временъ Богдана Хмельницкаго [3]). Эта пьеса по своему содержанію и характеру довольно близко подходитъ къ козацкимъ думамъ о борьбѣ Б. Хмельницкаго съ поляками и, если не имѣла въ виду этихъ думъ, то могла вызвать собою въ памяти малороссовъ эти послѣднія. Въ самомъ дѣлѣ, авторъ „Исторіи Руссовъ", долго приписывавшейся Георгію Конисскому, пользуется въ ней уже и историческими малорусскими думами наравнѣ съ историческими матеріалами и сочиненіями. По мнѣнію составителей сбор-

---

[1]) Труды Кіев. дух. Академіи, ноябрь, 1866 года, стр. 318—352.

[2]) Собраніе сочиненій М. А. Максимовича, Кіевъ, 1876 г., т. I. стр. 526.

[3]) О ней сказано будетъ ниже.

ника „историческихъ пѣсенъ малорусскаго народа“, „авторъ исторіи Руссовъ пользовался народными думами, внося въ свою исторію то, что не подтверждается другими свидѣтельствами [1])“. Въ свою очередь „Исторія Руссовъ“ подала впослѣдствіи поводъ къ составленію цѣлаго ряда поддѣльныхъ думъ, преимущественно о времени козачества отъ Наливайки до Хмельницкаго, долго считавшихся за народныя [2]).

Наконецъ, кіевскія эпическія произведенія могутъ въ нѣкоторой мѣрѣ считаться родоначальниками и сѣверно-русскаго искуственнаго эпоса. Недоконченная поэма Ломоносова „Петръ Великій“ становится послѣдовательнымъ явленіемъ въ исторіи русскаго эпоса только въ связи съ предшествовавшимъ развитіемъ литературнаго вкуса у кіевскихъ ученыхъ, тѣмъ болѣе, что она составлена по подражанію той же Энеидѣ Виргилія, которая играла важную роль и въ южно-русскомъ искуственномъ эпосѣ.

Другой видъ искуственной южно-русской поэзіи XVIII вѣка—лирика. По тогдашнимъ правиламъ піитическимъ, она раздѣлялась на гимны, оды и элегіи. Изъ нихъ особенное развитіе имѣли элегія и ода.

До начала XVIII вѣка въ Кіевской Академіи почти исключительное употребленіе имѣла духовная элегія, выражавшаяся въ духовныхъ кантахъ. Но съ сего времени рядомъ съ нею начинаетъ возникать мало по малу свѣтская элегія. Ближайшею причиною этого мы считаемъ обращеніе кіевскихъ ученыхъ къ образцамъ классической элегіи. Θеофанъ Прокоповичъ нѣкоторыя изъ элегій своихъ писалъ по образцу классическихъ элегій. Такъ напр., онъ описалъ бѣгство Алексѣя человѣка Божія съ брачнаго пира тѣми

---

[1]) „Историческія пѣсни малорусскаго народа“, Кіевъ, т. 1, 1874 г. стр. 243.

[2]) Тамъ же, предислов., стр. XVIII—XXI.

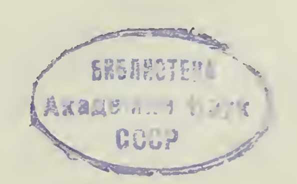
же стихами и выраженіями, какими Овидій описалъ свою ссылку въ первой книгѣ Tristium, eleg. 3. Равнымъ образомъ седьмую элегію Овидія Θеофанъ Прокоповичъ переложилъ въ слѣдующіе стихи:

Когда плугомъ по небѣ бразды водить станутъ,
А съ поверхности земли звѣзды ужь поглянутъ,
Когда отъ моря къ ключамъ своимъ пойдутъ рѣки
И прешедшіи вспять къ намъ возвратятся вѣки,
Когда Днѣпръ мимо Кіева протекать престане,
Когда въ жидовъ обману и лести не стане,
Когда Подолъ возрасте всѣхъ горъ высочае,—
Тогда развѣ въ насъ сребро любовь потеряе.

Съ XVIII же вѣка являются въ Кіевской Академіи частыя указанія на образцы классической элегіи и переводы ихъ на русскій языкъ. А указаніе на классическіе образцы элегіи, подражаніе имъ и переводы на русскій языкъ не могли не измѣнить строго религіознаго характера прежнихъ духовныхъ кантовъ и не сообщить имъ сколько нибудь свѣтскаго колорита. И дѣствительно, съ XVIII в. мы встрѣчаемъ такія элегическія произведенія кіевскія, которыя берутъ содержаніе свое уже не исключительно изъ церковно-религіозной жизни, а иногда и изъ жизни церковно-общественной и гражданской, или даже описываютъ предметы любовные [1]). Изъ лирическихъ стихотворцевъ въ этомъ родѣ извѣстны: тотъ же Θеофанъ Прокоповичъ, козакъ Семенъ Климовскій, Гарасимовичъ, Григорій Савичъ Сковорода, священникъ Григорій Лютенскій, послѣдній кошевой запорожскій Кальнашъ и другіе.

Изъ лирическихъ стихотвореній Θеофана Прокоповича обращаютъ на себя вниманіе: 1) „кто крѣпокъ на Бога уповая"; 2) „плачетъ пастушокъ о долгомъ несчастіи", начинающееся словами: „коли дождусь я весела ведра и дней красныхъ",—долго распѣвавшіяся на югѣ Россіи и особенно между духовенствомъ, и 3) „запорожецъ кающійся", написанное съ цѣлію оправдать или, по крайней мѣрѣ, изви-

[1]) Труды Кіевс. дух. Академіи, январь, 1867 г., стр. 100—102.

нить сколько нибудь запорожское козачество, замѣшанное въ измѣнѣ Мазепы. Мы приведемъ это послѣднее стихотвореніе, какъ имѣвшее ближайшее отношеніе къ тогдашнимъ обстоятельствамъ малорусской жизни. Запорожецъ здѣсь говоритъ слѣдующее:

Что мнѣ дѣлать, я не знаю,
    А безвѣстно погибаю.
Забрілъ въ лѣси непроходни,
    Въ страни гладни и безводни.
Атамани и гетмани!
    Попалъ я въ ваши обмани:
Пропадѣть ви за пороги,
    Лишь би не сбиться з дороги,
Не впасть би мнѣ въ сильни руки,
    Не принять би страшной муки.
Иду же я на путь прежднiй
    Подъ кровъ мнѣ зѣло надежнiй.
Прогнѣвалъ я самодежца
    З малоразсуднаго сердца.
Да мой же въ томъ разумъ твердiй,
    Что Богъ и царь милосерднiй:
Государь гнѣвъ свой оставитъ
    И Богъ меня не оставитъ [1]).

Подобнаго же содержанія „ревнивый плачъ" малой Россіи о сынахъ своихъ ляхолюбцахъ, соотвѣтствующій южнорусскимъ народнымъ думамъ о жидовскихъ откупахъ и войнѣ изъ за нихъ, о бѣлоцерковскомъ мирѣ и проч., въ двухъ доселѣ извѣстныхъ спискахъ помѣченный 1718—1719 годами, въ одномъ изъ нихъ съ именемъ Герасимовича [2]).

---

[1]) Эти и другія стихотворенія Ѳ. Прокоповича мы имѣемъ въ рукописи Кіев. Акад., 1748 г., по печатному Описанію № 664.

[2]) Съ помѣтой 1718 года изданъ въ журналѣ „Основа", за май, 1861 года; съ помѣтой 1719—1720 года въ Кіевскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ, 1865 г. № 18, и въ исправленномъ видѣ въ Трудахъ Кіев. дух. Акад. Іюнь 1872 г., въ третьей статьѣ „вліяніе западно-европейской литературы на древнерусскую".

Другія элегическія южно-русскія стихотворенія XVIII вѣка, намъ извѣстныя, не касаются политическихъ отношеній Малороссіи, а большею частію выражаютъ собою личное чувство и страсть автора; но, сдѣлавшись любимыми пѣсенками различныхъ слоевъ малорусскаго общества и даже простонародья, сильно окрасились мѣстнымъ южнорусскимъ колоритомъ, послужили предтечами новѣйшей южно-русской лирической поэзіи искуственной и даже доселѣ распѣваются въ Малороссіи. По старшинству происхожденія, первое между ними мѣсто занимаетъ извѣстная малорусская пѣсня „Іхавъ козакъ за Дунай", написанная въ началѣ XVIII вѣка украинскимъ козакомъ стихотворцемъ Семеномъ Климовскимъ [1]). Не меньшею популярностію пользуются въ Малороссіи пѣсни Григорія Савича Сковороды и особенно двѣ пѣсни его—„Всякому городу нравъ и права" и „Ахъ ушли мои лѣта якъ вихрь съ круга свѣта". Обѣ онѣ доселѣ распѣваются въ малороссіи *старцами*, т. е. нищими, и первая изъ нихъ вошла даже въ собраніе галицкихъ пѣсенъ Вацлава зъ Олеска и Жеготы Паули, безъ сознанія самихъ собирателей, что эта пѣсня сочинена Сковородою [2]), а вторая, насколько помнимъ, помѣщалась въ почаевскомъ уніатскомъ Богогласникѣ и въ искаженномъ видѣ записана изъ устъ *старцевъ* въ г. Радомыслѣ, Кіевской губерніи. Старцы поютъ ее въ такомъ видѣ:

Ой смерть моя дорогая,
Ты отъ Бога присланная!
Зажди мині часъ—годину,
Закіль зберу всю родину!

---

[1]) „Старосвѣтскій Бандуриста", Закревскаго, 1860 г., стр. 31—32.

[2]) См. „Украинская Старина" Гр. Данилевскаго, Харьковъ, 1866 г., стр. 84 и 92; „Слово о Сковородѣ", Н. Костомарова, въ журналѣ „Основа" іюль, 1861 г., стр. 177. Болѣе полный текстъ второй пѣсни см. при Lucubrationes Ѳ.-Прокоповича, Wratislaviae, 1743 г., въ библіотекѣ Кіевской Семинаріи

А смерть години не зождала,
Такъ я й родини не зобрала.
Не прибрата, не готова,
Иди душа хоть такова!
Ой, я въ питки, а я въ гульки;
А объ смерти вема думки.

Менѣе заслуживали и заслуживаютъ вниманія любовныя искуственныя пѣсни южно-русскія, найденныя нами въ рукописномъ сборникѣ студента Александровича, 1748 г. [1]), и въ припискахъ священника Григорія Лютенскаго къ Lucubrationes Ѳ. Прокоповича, около 1760 г. [2]); но и онѣ, по видимому представляя изъ себя школьное воспроизведеніе содержанія и тона малорусскихъ народныхъ пѣсенъ, служатъ немаловажнымъ посредствующимъ звѣномъ въ цѣпи историческаго развитія послѣдующей малорусской пѣсенной поэзіи. Одна изъ этихъ пѣсенъ въ припискахъ Лютенскаго, начинающаяся словами—„не прельщай меня, драгая, и не кажись глазамъ моимъ", въ „москалѣ—чарівникѣ" Котляревскаго влагается въ уста Финтика, какъ ходячая въ извѣстныхъ слояхъ малорусскаго общества [3]). Она, какъ и другія подобныя пѣсни того времени, при своей блѣдности и вычурной искуственности, своимъ техническимъ построеніемъ проливаетъ свѣтъ на происхожденіе многихъ малорусскихъ пѣсенъ, считавшихся за народныя. Мы преимущественно имѣемъ здѣсь въ виду сборникъ малорусскихъ любовныхъ пѣсенъ, Лавренка, 1864 года, отличающійся, впрочемъ, довольно плохимъ выборомъ пѣсенъ. Пересматривая пѣсни этого сборника, выдаваемыя за народныя, и обращая вниманіе на ихъ техническое построеніе, мы нашли, что

---

[1]) Рукописный Сборникъ Кіев. Академіи, 1748 года, по печатному Описанію № 664.

[2]) Въ библіотекѣ Кіевской духовной Семинаріи.

[3]) Тамъ же; сн. собраніе сочиненій Котляревскаго, Кіевъ, 1875 года, гдѣ, кромѣ этой пѣсни, влагаются въ уста дѣйствующихъ лицъ и пѣсни Сковороды.

на добрую треть онѣ составлены по тѣмъ же правиламъ силлабическаго стихосложенія, по какимъ и пѣсни въ сборникѣ Александровича 1748 г., и въ припискахъ Лютенскаго около 1760 г., такъ что каждый стихъ ихъ, согласно требованіямъ піитическихъ руководствъ XVII—XVIII вв., состоитъ изъ 7-ми и 8-ми силлабъ и т. д., съ риѳмою на концѣ, а иногда и съ цезурою въ рединѣ. Искуственность происхожденія подобныхъ пѣсенъ сборника Лавренка подтверждается и прямыми указаніями нѣкоторыхъ изъ нихъ. Такъ напр., здѣсь помѣщены двѣ малорусскія пѣсни изъ рукописнаго сборника конца XVIII—вѣка, изъ подъ Хорола 1): „ой у полі долина", и 2) „въ славнімъ місті Сороці", состоящія изъ правильныхъ силлабъ, съ латинскими замѣтками и приписками, свидѣтельствующими о школьномъ ихъ происхожденіи [1]).

Такимъ образомъ, искуственныя южно-русскія пѣсни XVIII вѣка, воспроизводя иногда содержаніе и тонъ народныхъ пѣсенъ, вмѣстѣ съ тѣмъ пролагали путь къ большему и большему сближенію своему съ характеромъ и языкомъ народныхъ пѣсенъ и поддѣлывались подъ ихъ тонъ. А на пѣснѣ послѣдняго кошеваго запорожскаго Кальнаша о чайкѣ можно отчасти видѣть и самый процессъ искуственныхъ передѣлокъ малорусскихъ народныхъ пѣсенъ и приспособленія къ нимъ. Эта пѣсня, изображающая подъ видомъ чайки Малороссію [2]), есть не что иное, какъ передѣлка одной чумацкой пѣсни, конечно существовавшей до Кальнаша, или поддѣлка подъ нее [3]).

Но тогда какъ въ элегіи, какъ выраженіи внутренняго

---

1) Пісні про кохання, Лавренка, Кіевъ, 1864 г., стр. 68—70.

2) „Старосвѣтскій Бандуриста", Закревскаго, 1860 г., стр. 38. Въ приложеніи къ „Словницѣ Украінськоі (або Югово—Рускоі) мови", Ф. Пискарева, Одесса, 1873 года, эта пѣсня напечатана даже съ именемъ гетмана Мазепы.

3) См. пѣсню о чайкѣ въ „чумацкихъ народныхъ пѣсняхъ", И. Рудченка, Кіевъ, 1874 г., № VI

чувства, южнорусскіе писатели XVIII в. постепенно приближались къ народной рѣчи и характеру малосуссовъ,—въ другомъ видѣ лирической поэзіи—одѣ они воспѣвали большею частію общехристіанскія или общерусскія событія и въ этомъ отношеніи совпадали съ сѣвернорусскими писателями XVIII вѣка. Впрочемъ, и въ одѣ это направленіе выработалось не вдругъ и предшествовалось панегириками схоластическаго характера.

Привѣтственные стихи и оды на югѣ Россіи не были совершенно заноснымъ и чуждымъ явленіемъ, а имѣли для себя нѣкоторую почву и подготовку въ обычаяхъ русскаго народа, который всѣ важнѣйшіе случаи семейно-общественной жизни своей сопровождалъ обрядами и пѣснями, каковы напр. колыбельныя, свадебныя, похоронныя причитанья, также присловья поздравительныя, привѣтственныя, прощальныя, застольныя и т. п., не чуждыя иногда нѣкоторой лести и восхваленія. Къ этимъ—то образцамъ бытовой народной литературы и привиты были первоначально привѣтственные стихи и оды панегирическаго характера въ Кіевской Академіи. Привѣтственные стихи и оды раздѣлялись на праздничные, родильные, имянинные, брачные, похоронные, благодарственные, застольные и проч., и въ правилахъ о составленіи ихъ нерѣдко замѣчалось, что такой—то родъ поздравленій „имѣетъ большое употребленіе въ нашемъ отечествѣ“. Главными характеристическими чертами этихъ стиховъ и одъ были съ одной стороны чрезмѣрная лесть восхваляемому лицу, съ другой самоуничиженіе говорившаго передъ тѣмъ лицемъ, къ которому обращена была рѣчь. Но эти черты южнорусскихъ панегириковъ не всегда проявлялись въ одинаковой мѣрѣ: литературный вкусъ постепенно вырабатывался и очищалъ тѣ неуклюжіе пріемы, какіе завѣщала намъ старая школа [1]). Съ теченіемъ времени южно-

---

[1]) Труды Кіев. духов. Акад., январь, 1867 года, стр. 90 и слѣд.

русскіе панегирики или принимаютъ шутливый, веселый тонъ, или же со всею серьозностію откликаются на знаменательныя событія русской исторіи. Въ первомъ отношеніи обращаютъ вниманіе: пѣсенка, распѣваемая въ черниговской губерніи въ *благородныхъ* домахъ на свадьбахъ и начинающаяся словами—„Бідну птичку уловили" [1]), и поздравительная вирша на пасху, сказанная кошевымъ запорожскихъ козаковъ Потемкину, довольно курьезнаго содержанія [2]).

Переходную ступень отъ поздравительныхъ шутливыхъ стиховъ къ одамъ серьознаго содержанія представляетъ рѣчь сына кіевскаго протопопа Леванды митрополиту Самуилу Миславскому на праздникъ пасхи, 1789 года, почти исключительно говорящая о взятіи русскими Очакова. Леванда такъ начинаетъ свою рѣчь:

Ну, проняла зима и насъ та холодами!
Да что жъ? Очаковъ взятъ, такъ и зима съ плодами.
Не видно знамьеца съ луною на валу,
Пошолъ Гюссейнъ—паша защитникъ въ кабалу.
Довольно зрѣлой плодъ, но для Стамбула киселъ;
Шестое декабря онъ вычеркнитъ изъ чиселъ [3]).

Изъ одъ въ собственномъ смыслѣ упомянемъ прежде всего оду Ѳеофана Прокоповича на побѣду надъ шведами, которая по достоинству содержанія и мыслямъ мало уступаетъ одамъ Ломоносова, напр. „на взятіе Хотина", а тѣмъ болѣе не уступитъ одѣ Тредіаковскаго на сдачу Гданска, и такимъ образомъ служитъ лучшею предвозвѣстницею одъ новой русской литературы [4]).

Когда послѣднія получили уже значительное развитіе, то по подражанію имъ являются оды и въ Кіевской Академіи

---

[1]) Сообщена Т. В. Киб—чемъ.

[2]) Изд. въ Кіев. Епарх. Вѣдом., 1877 г., № 7.

[3]) Тамъ же, 1878 г., № 7.

[4]) Труды Кіев. дух. Академіи, январь, 1867 г. стр. 94.

и замѣняютъ собою прежнія панегирическія стихотворенія. Мы имѣемъ двѣ печатныя книги одъ, поднесенныя Кіевскою Академіею въ 1796 году кіевскому митрополиту Іероѳею. Въ одной изъ нихъ, написанной въ чисто псевдоклассическомъ духѣ, говорится слѣдующее о знакомствѣ тогдашней Кіевской Академіи съ современнымъ движеніемъ западно-европейской мысли:

Колико глупъ, кто утверждаетъ:
„Себя образовать есть зло;
Такъ насъ природа съ тѣмъ рождаетъ,
Чтобъ повергать всѣхъ въ бѣдствъ жерло!“
Сія мысль душу возмущаетъ
И страхомъ сердце наполняетъ,
Чтобъ Богъ для бѣдствій насъ создалъ,
Безсмертну душу въ насъ вліявшій
И образъ свой въ насъ начертавшій,
Чтобъ фуріямъ злымъ насъ отдалъ.

Сіи-то мысли Фокіоновъ
И Лейбницевъ ума виной;
Они родили намъ Невтоновъ,
Вѣкъ просвѣщенной и златой;
Они причиной нашей славы,
Величественной той державы,
Екатерина что хранитъ.
Она умы всѣхъ просвѣщаетъ,
Палладѣ храмы воздвигаетъ,
Подвластнымъ благо всѣмъ даритъ [1]).

Третій и послѣдній родъ искуственной южно-русской поэзіи XVIII вѣка есть драма, въ область которой входятъ

---

[1]) „Радостныя чувствованія музъ изліянныя въ одахъ и разныхъ стихотвореніяхъ“ митрополиту кіевскому Іероѳею, Кіевъ, 1796 г., стр. 65—66. Сличи поздравленія кіевскимъ митрополитамъ въ Кіевскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ за 1875 годъ.

мистеріи, трагедокомедіи, интерлюдіи и діалоги. Это высшій родъ южно-русскихъ піитическихъ произведеній XVIII вѣка, какъ по ихъ количеству, такъ и полнотѣ содержанія, совмѣщающей въ себѣ эпическіе и лирическіе элементы.

Всѣхъ южно-русскихъ драматическихъ произведеній XVIII вѣка доселѣ извѣстно до 30-ти. По времени составленія, они идутъ въ слѣдующемъ порядкѣ: 1) „*Свобода*“ [1]), представленная въ Кіевской духовной Коллегіи въ 1701 года, экземпляръ которой находится теперь въ Иркутской дух. семинаріи; 2) „Мудрость Предвѣчная“, 1703 года; 3) Трагедокомедія „Владиміръ“, Ѳеофана Прокоповича, представленная 5 іюля, 1705 года, когда онъ былъ учителемъ піитики въ Кіевской Академіи; 4) трагедокомедія „Іосифъ Патріархъ“, Лаврентія Горки, 1708 года; 5—6) два разговора Ѳ. Прокоповича: одинъ „гражданина съ селяниномъ да дьячкомъ или пѣвцомъ“, и другой—*съ тектономъ или древодѣлемъ*; 7) милость Божія, Украину отъ неудобъ носимыхъ обидъ лядскихъ чрезъ Богдана Зѣновія Хмѣльницкого свободившая“, 1728 г., приписываемая то Ѳеофану Прокоповичу, то Ѳеофану Трофимовичу; 8) *Трагедокомедія Сильвестра Ляскоронскаго*, 1729 года; 9—12) мистеріи и комедіи учителя піитики въ Кіевской Академіи іеромонаха Митрофана Довгалевскаго, 1736—7 гг.; 13) Вертепъ, записанный Маркевичемъ и имѣющій родство съ пьесами Довгалевскаго; 14) „*Брань честныхъ добродѣтелей*“, Іоасафа Горленка, 1737 года; 15) „*Образъ страстей міра сего*“, 1739 года; 16) Трагедокомедія „О тщетѣ міра сего“, и проч. Варлаама Лящевскаго, около 1742 года; 17) *Панегирикъ Елизаветѣ Петровнѣ*, по случаю посѣщенія ею Кіева въ 1744 году, Михаила Козачинскаго; 18) *Благоутробіе Марка Аврелія*, по тому же случаю и того же Козачинскаго, напечат. 1745 г.; 19) *діалогъ двухъ учениковъ* предъ Елизаветою Петровною, 1744 года; 20—1) трагедокомедія

---

[1]) Означенныя курсивомъ пьесы не были приняты во вниманіе въ статьяхъ автора 1866—1867 гг.

Георгія Кониескаго о воскресеніи мертвыхъ и *интерлюдіи* къ ней или того же Кониескаго, или стихотворца Танскаго, 1747 года; 22) *Трагедокомедія Григорія Савича Сковороды;* 23) *Трагедокомедія нарицаемая Фотій*, Георгія Щербацкаго, 1749 года; 24) Діалогъ пастырей, писанный послѣ 1750 года; 25—27) Три пьесы священника Некрашевича, а именно: „*Споръ души и тѣла*“, 1773 г.; „*Ярмарокъ*“ и „*Исповѣдь*“; 28) *Разговоръ священника съ іеромонахомъ* объ ожидаемомъ улучшеніи быта духовенства, послѣ 1775 года; 29) „Интермедѣя на три персони—смерть, воинъ и хлопецъ“, 1788 года, 30) *Комедія уніатовъ съ православными*, священника Саввы Стрлецкаго (1797—1799 г.), и нѣсколько отрывковъ.

Проходя черезъ весь XVIII вѣкъ, эти драматическія произведенія довольно полно отражаютъ на себѣ умственные и литературные интересы кіевскихъ ученыхъ и различные моменты въ развитіи искуственной южно-русской литературы XVIII вѣка, что̀ съ трудомъ и не всегда можно видѣть на эпической и лирической поэзіи. Выше мы указали общія условія развитія южно-русской искуственной литературы XVIII вѣка въ національномъ направленіи, совершавшагося подъ вліяніемъ полонизма, возрожденія римской классической словесности, политическаго и затѣмъ литературнаго преобладанія Россіи и обособленія южно-русскаго говора отъ общелитературнаго языка. Эти же моменты различаются и въ исторіи южно-русской драматической литературы XVIII вѣка, которую, поэтому, можно раздѣлить на пять періодовъ. Первый періодъ, составляющій продолженіе драмы XVII вѣка, есть періодъ священныхъ мистерій и дѣйствій въ польско-схоластическомъ духѣ. Онъ продолжается до Θеофана Прокоповича, или до 1705 года. Ко второму періоду относятся собственно драматическія произведенія самаго Θеофана Прокоповича. Содержаніе свое они получаютъ изъ отечественной русской исторіи, а по формѣ подражаютъ классическимъ образцамъ. Сюда относятся трагедокомедія Владиміръ, 1705 года, и два діалога или раз-

говора Ѳ. Прокоповича. Третій періодъ южно-русской драмы XVIII вѣка, съ 1708 года, есть періодъ смѣшенія классическихъ формъ и отечественнаго содержанія, какія мы видимъ у Ѳеофана Прокоповича, съ духомъ и характеромъ прежнихъ священныхъ мистерій и драмъ. Въ четвертомъ періодѣ, при существованіи прежнихъ драматическихъ формъ и направленій, значительнымъ становится у южно-русскихъ писателей стремленіе къ умственнымъ интересамъ и литературнымъ формамъ сѣверной Руси. Этотъ періодъ начинается съ царствованія Елизаветы Петровны, открывается трагедокомедіей Лящевскаго „о тщетѣ міра сего“, 1742 г., и оканчиваются трагедокомедіей Георгія Щербацкаго „Фотій“, 1749 года. Пятый періодъ южно-русской драмы XVIII в., съ царствованія Екатерины II, есть періодъ упадка ея и совершеннаго преобладанія сѣверно-русской литературы и ея формъ.

I.

Обращаясь къ первому періоду южнорусской искуственной драмы XVIII вѣка, мы должны оговориться, что отъ него дошло до насъ только два произведенія: „Свобода“, 1701 года, и „Мудрость предвѣчная“, 1703 года; притомъ же первое изъ нихъ въ настоящее время недоступно для нашего изслѣдованія [1]). Но такъ какъ эти два произведенія

[1]) Припомнимъ обстоятельства изъ жизни Кіев. Академіи, которыя могли подать поводъ къ составленію этой пьесы. Въ 1700 г. она именовалась еще коллегіею. Въ этомъ году повторилась одна изъ крупныхъ ссоръ и свалокъ между кіевскими школьниками и горожанами. Кіевскій магистратъ жаловался государю на „убійства и разоренія“ отъ студентовъ, а кіевскій митрополитъ Варлаамъ Ясинскій и Рязанскій митрополитъ Стефанъ Яворскій били челомъ о самоуправствѣ кіевскихъ мѣщанъ надъ студентами. Вмѣстѣ съ тѣмъ митрополиты просили пожаловать ихъ собственнымъ академическимъ судомъ, какъ то было издавна, надъ провинившимися студентами и освободить ихъ отъ безчинства и дерзости кіевскихъ мѣщанъ. Въ отвѣтъ на это челобитье, 26 сентября, 1701 г. Петръ Великій далъ жалованную грамату Кіево-могилянской коллегіи. Въ этой граматѣ, впервые именующей коллегію академіей, между прочимъ предписывается обиженнымъ мѣщанамъ искать управы на студентовъ, въ случаѣ ихъ вины, у ректора и префекта. Если бы послѣдніе не удовлетворили просителей, то жалоба можетъ быть перенесена на нихъ митрополиту, и только за отказомъ митрополита разрѣшается обращаться мѣщанамъ къ общему суду кіевскихъ воеводъ (см. дѣло о семъ въ газетѣ Кіевлянинъ, 1878 г. № 4. Грамата Петра I, отъ 26 сентября, 1701 г., издана въ Памяти. Времен. Коммиссіи, Кіевъ, т. II, стр. 325). Можетъ быть, по поводу этой свободы отъ общаго суда, или съ намеками на нее, написана пьеса „Свобода“, 1701 года. Хранится въ Иркутской Семинаріи.

представляютъ изъ себя продолженіе южнорусскаго театра XVII вѣка; то исторія послѣдняго объяснитъ намъ то состояніе, въ какомъ находился южно-русскій театръ въ самомъ началѣ XVIII вѣка, до Θеофана Прокоповича.

На основаніи имѣющихся въ настоящее время данныхъ, всѣ южнорусскія драматическія пьесы можно раздѣлить по ихъ назначенію, содержанію и выполненію, на три разряда: духовныя мистеріи, ведущія начало свое отъ пассій и пріуроченныя къ днямъ воспоминанія о страданіяхъ и смерти Спасителя; весеннія и лѣтнія рекреаціонныя пьесы, рекомендуемыя и духовнымъ регламентомъ для духовныхъ воспитанниковъ, и рождественскія представленія, имѣющія тѣсную связь съ южно-русскимъ народнымъ вертепомъ.

Прежде всего явились на югѣ Россіи духовныя мистеріи, пріуроченныя къ днямъ воспоминанія о страданіяхъ и смерти Спасителя. Ближайшимъ поводомъ къ водворенію ихъ на югѣ Россіи, безъ сомнѣнія, послужили богослужебныя пассіи, заимствованныя южно-русскою церковію отъ польско-католической, въ первой половинѣ XVII вѣка. Одна темная замѣтка на рукописи Кіево-Михайловскаго монастыря, за № 1644-мъ, даетъ право предполагать, что пассіи введены въ южной Россіи при кіевскомъ митрополитѣ Іовѣ Борецкомъ, на кіевскомъ соборѣ 1629 года [1]). Сохранился и самый чинъ этой пассіи въ южно-русской рукописи XVII в. Съ нимъ имѣетъ близкое родство одно изъ древнѣйшихъ драматическихъ произведеній южно-русскихъ подъ заглавіемъ: „Дѣйствіе на страсти Христовы списанное“ [2]). Оно писано на польско-русскомъ языкѣ, а „пѣніе“ (кантъ) написано даже на чисто-польскомъ языкѣ. „Прологъ“ этой пьесы такъ выражаетъ главную мысль ея:

---

[1]) Кіев. Епарх. Вѣдом., 1874 г., № 7; сн. Руковод. для с. п., 1876 г., № 8.

[2]) Рукоп. Кіево-Соф. собора № 362.

[3]) Рукоп. Кіев. Акад., по печатному Описанію № 420, стр. 387, въ концѣ піитики.

О, смутная во свѣтѣ явися година,
Жалю неутоленнаго открыся причина:
Властительскую силу пріятъ зависть въ свѣтѣ.
О любовномъ нигдѣ же не слышатъ совѣтѣ.
Исполнися ярости единоутробныхъ
Братій сердце, егда злость движе преисподнихъ
Силы, дабы ся во всемъ свѣтѣ пространила
И единоутробныхъ братій побудила
До зазрости, иже днесь любовь преминяютъ
Въ ярость, гды ковъ на братій своихъ воздвизаютъ,
Любви своей ко любвѣ не хтятъ накланяти,
Совѣтуютъ братіи своей пострадати.
Аще нѣкіи въ паствѣ овецъ пребываютъ,
Обаче отъ истинной пути заблуждаютъ,
Егда себѣ рекоша смертію умрети
Братіи безвинной. Сей позоръ узрѣти
Изволте, гдѣ и любовь будетъ умирати,
Ея же страданія добро есть внимати.

Главное содержаніе этого „Дѣйствія", раздѣленнаго на три акта, составляетъ борьба богини вражды Ериннѣсъ съ Любовію. Въ первомъ актѣ Еринпѣсъ, разгнѣвавшись на Любовь, призываетъ изъ ада фурій и вмѣстѣ съ ними возстановляетъ Каина противъ Авеля и дѣтей Іакова противъ брата своего Іосифа. Во второмъ актѣ Еринпѣсъ хвалится своею побѣдою надъ Любовію и, окруженная міромъ и седмью грѣхами, возсѣдаетъ на престолъ. Гоноръ Божій, вмѣстѣ съ Отмщеніемъ, хочетъ погубить ихъ; но Любовь умоляетъ Отмщеніе, чтобы оно оставило жизнь злобѣ адской, потому что сама хочетъ умереть за родъ человѣческій. Въ третьемъ актѣ изображаются страданіе и смерть самой воплощенной Любви—Христа Спасителя. „Дѣйствіе на страсти Христовы" заканчивается рыданіемъ Плача объ умершемъ и во гробѣ положенномъ Христѣ и не доводится до воскресенія и вознесенія Господня, какъ это дѣлается въ позднѣйшихъ пье-

сахъ. На основаніи этого плачевнаго окончанія пьесы можно думать, что она писалась не для рекреаціонныхъ игръ и не для забавы, а для возбужденія скорби о распятомъ Господѣ, и потому болѣе всего приличествовала великопостнымъ днямъ, посвященнымъ воспоминанію страданій Спасителя.

На время написанія этой пьесы намекаютъ отчасти прологъ и нѣкоторые внутренніе признаки самой пьесы. Въ этомъ прологѣ говорится о враждѣ единоутробныхъ братій. Можетъ быть, подъ этою враждою единоутробныхъ братій разумѣются малорусскія волненія и раздѣленія, начавшіяся въ гетманство Выговскаго и кончившіяся миромъ Россіи съ Польшею въ 1686 году. Въ такомъ случаѣ „Дѣйствіе на страсти Христовы" писано никакъ не позже этого года.

Это „Дѣйствіе на страсти Христовы" имѣетъ для насъ особенную важность потому, что содержаніе его воспроизводится въ интересующей насъ мистеріи 1703 года, подъ заглавіемъ—„Мудрость предвѣчная, во едемскомъ душу разумную вертоградѣ наздавшая" и проч. [1]). Здѣсь такъ же, какъ и въ „Дѣйствіи на страсти Христовы", выводится на сцену Вражда (соотвѣтствующая Ериннѣсъ „Дѣйствія"), которая торжествуетъ побѣду надъ миромъ и радуется раздѣленію, происшедшему между Богомъ и душею человѣческою. Въ третьемъ актѣ является Любовь и рѣшается сама пострадать для примиренія души съ Богомъ. Конецъ мистеріи такъ же печальный, какъ и конецъ „Дѣйствія на страсти Христовы", и слѣдовательно указываетъ на отношеніе ея къ церковнымъ воспоминаніямъ о страданіяхъ и смерти Спасителя.

Но „Мудрость предвѣчная" 1703 года, имѣя несомнѣнное родство съ „Дѣйствіемъ на страсти Христовы", отличается отсутствіемъ классическихъ фабулярныхъ именъ, теп-

---

[1]) См. изложеніе ея въ Трудахъ Кіев. дух. Акад., ноябрь, 1866 г., стр. 362 и сл.

лотою религіознаго чувства, сравнительною живостію и лучшимъ языкомъ. Въ подтвержденіе нашего отзыва о ней, приведемъ одинъ кантъ изъ втораго дѣйствія. По поводу погибели души первозданныхъ людей, само небо въ этомъ кантѣ печалится. Въ небѣ слышится пѣніе:

„Горькія слезы точити начнѣте,
Звѣзды, планеты и солнечній свѣте!
Паде вашъ зритель, паде въ устнѣ аду
Въ смертну ограду.
Постени, земле, трепетнѣ, ужасно!
Твое падеся строеніе красно,
Падеся вѣчнѣ вся твоя оздоба
До адска гроба, и проч.

Однако эта пьеса, при всѣхъ своихъ относительныхъ достоинствахъ, не объясняетъ собою дальнѣйшаго развитія южно-русской драмы, какою она является у Ѳеофана Прокоповича, т. е. во второмъ періодѣ ея развитія. Посредствующую ступень между тѣмъ и другимъ періодомъ представляетъ изъ себя мистерія объ Алексіѣ человѣкѣ Божіемъ, 1674 года [1]). Хотя она, какъ и предыдущія, имѣетъ священный характеръ; но, будучи представлена на „публичномъ діалогѣ" и не имѣя непосредственнаго отношенія къ церковно-богослужебнымъ воспоминаніямъ и дѣйствіямъ, скорѣе могла допустить себѣ соприкосновеніе съ современной дѣйствительностію. Она написана и представлена была въ честь Алексѣя Михайловича, „въ знаменіе вѣрнаго подданства", съ предвѣщаніемъ царю въ эпилогѣ вѣрной побѣды въ предстоящей войнѣ съ турками, которая уподобитъ его Константину Великому. Подобныя мистеріи, вѣроятно, и подали поводъ Ѳеофану Прокоповичу развить, подъ вліяніемъ класссическихъ воспоминаній, тотъ родъ драматическихъ

---

[1]) См. о ней „Наука и литература при Петрѣ Великомъ", Пекарскаго, т. 1, стр. 394—6; Лѣтописи русской литературы, Тихонравова, кн. 5.

пьесъ, которыя писались не для церковно-религіознаго употребленія, и дать имъ отечественное содержаніе.

II.

Съ именемъ Өеофана Прокоповича извѣстны въ области драмы: трагедокомедія „Владиміръ", 1705 года, и два діалога или разговора, не предназначавшіеся, впрочемъ, для драматическаго представленія, а именно: „разглагольствіе тектона сиесть древодѣла съ купцемъ" и „разговоръ гражданина зъ селяниномъ да съ пѣвцемъ или дячкомъ церковнымъ". По всей вѣроятности, и эти произведенія писаны имъ по классическимъ образцамъ. О первомъ изъ этихъ произведеній Н. И. Гнѣдичъ писалъ впослѣдствіи слѣдующее: „произведеніе это для наблюдателя отечественнаго просвѣщенія есть явленіе, по своему времени чрезвычайно необыкновенное и заслуживаетъ вниманіе по многимъ отношеніямъ. Сочинителю были извѣстны образцы театра, и онъ не былъ незнакомъ съ театромъ древнихъ, по крайней мѣрѣ съ трагедіями Сенеки", и пр. [1]) Мы съ своей стороны замѣтимъ только, что трагедокомедія „Владиміръ" составлена скорѣе по образцу Плавтовой трагедокомедіи Amphitrio, упоминаемой и въ самой піитикѣ Прокоповича, чѣмъ по образцу Сенеки. Что же касается разговоровъ Прокоповича, то по всей вѣроятности они составлены по подражанію разговорамъ Лукіана Самосатскаго, одного изъ любимыхъ Прокоповичемъ авторовъ, какъ это видно изъ его реторики. Тѣмъ не менѣе, слѣдуя по формѣ классическимъ образцамъ, указанныя произведенія Прокоповича содержаніе свое почерпали изъ отечественной исторіи и жизни.

Полное содержаніе трагедокомедіи Ө. Прокоповича слѣдующее: „Владиміръ славено-россійскихъ странъ князь и

---

[1]) Письмо Н. И. Гнѣдича къ графу Н. П. Румянцеву въ Библіограф. Запискахъ 1859 г., т. II, стр. 623.

повелитель отъ невѣрія тмы въ свѣтъ евангельскій приведенній Духомъ Святымъ отъ І. Хр. 988, нынѣ же въ Православной Академіи Могилянской Кіевской на позоръ российскому роду отъ благородныхъ россійскихъ сыновъ, добрѣ здѣсь воспитуемыхъ, дѣйствіемъ, еже отъ піитъ нарицается трагедокомедія, лѣта Господня MDCCV, іюля 3 дня показаній" [1]). Трагедокомедія эта состоитъ изъ пяти дѣйствій. Главная цѣль ея —сопоставить славянское язычество съ православнымъ христіанствомъ, оправдать послѣднее раціональнымъ образомъ и, въ противоположность первому, выставить православную вѣру, какъ основаніе истиннаго просвѣщенія и успѣховъ Россіи. Язычество здѣсь представляется въ связи съ необразованностію; напротивъ, образованіе составляетъ существенную черту православія. Вотъ какъ, напримѣръ, св. Владиміръ объясняетъ коснеміе русскихъ въ грубомъ язычествѣ:

. . . родъ нашъ жестокъ и безсловный
И письменъ ненавидяй есть сему виновный.

Въ трагедокомедіи „Владиміръ" высшее сознаніе христіанское встрѣчается съ низшимъ языческимъ и представляетъ послѣднее въ комическомъ видѣ. Такимъ образомъ, соотвѣтственно названію пьесы трагедокомедіей, въ ней рѣзко выдаются двѣ стороны—комическая и высокая. По отношенію къ первой, жрецы языческіе играютъ главную роль: они представляются обманщиками, шарлатанами, невѣжами, заботящимися только о чревѣ. Лучшими въ комическомъ отношеніи мѣстами изъ разсматриваемой трагедокомедіи считались—описаніе козла, представленнаго Владиміромъ для языческой жертвы, и описаніе пресыщеннаго жреца Жеривола. „Прекрасно, — говоритъ кіевская піитика 1735 года,—описаніе козла въ трагедокомедіи славнѣйшаго Ѳеофана, гдѣ Жериволъ жалуется предъ Ярополкомъ на Владиміра,

[1]) См. о ней въ Трудахъ Кіев. дух. Акад., іюль, 1866 года.

что онъ пересталъ приносить богамъ тучныя жертвы, и поэтому подозрѣваетъ его даже въ пренебреженіи къ богамъ. Онъ жалуется такимъ образомъ:

. . . Слыши тайну странну:
Первѣе онъ ко богомъ и жерцомъ пространну
Имѣ руку: и егда жертву приношаше,—
Радость, праздникъ, торжество, веселіе наше
Бѣ тогда: волы толсти и тучніе кравы
Убиваеми бяху и довольно страви
Не бози токмо, но и жерци имѣяхомъ;
И не токмо нимало тогда не алкахомъ,
Но вѣруй ми, о княже, жрецъ Перуна бога
Добрѣ чрево исполнилъ отъ тука премнога.
Но уже тую щедрость измѣни: о студа!
Даде вчера единаго козла тако худа,
Тако престарѣлаго, тако безтѣлесна,—
Еще ножа не пріяхъ, а смерть самохотна
Постиже его. Гнѣвъ ли уби его божій?
Или яко не бѣ въ немъ кромѣ лихой кожи
И подъ кожею костей тѣлесе ни мало?
Что́ убо мнится тебѣ, кое се настало
Время? Не намъ се нужда творится, но—о студа!
Неядше измрутъ бози. . .

„Также и самъ Жериволъ, о которомъ Пѣяръ разсказываетъ Куроядy:

. . . Видѣхъ, когда напитанный многими онъ жертвами лежа́ше во хладѣ,
А чрево его бяше превеликой кладѣ
Подобное. Обаче въ ситости толикой
Знаменіе бысть глада и алчбы великой:
Скрежеташе зубами намнозѣ безъ мѣри,
Движа уста и гортань, и достойно вѣри

Слово твое, Пѣаре! время не имѣеть.
И во снѣ жреть Жериволъ, и проч.“ [1]

Возвышенную сторону трагедокомедіи представляетъ исторія обращенія св. Владиміра къ православной вѣрѣ. Въ третьемъ дѣйствіи Владиміръ съ дѣтьми, Борисомъ и Глѣбомъ, совѣтуются на счетъ философа, присланнаго къ нему отъ византійскаго императора. Жериволъ приходитъ ко Владиміру и проситъ жертвы для боговъ, которые, вслѣдствіе прекращенія жертвоприношеній, отощали и заболѣли. Владиміръ отвѣчаетъ на эту просьбу насмѣшкой и требуетъ отъ Жеривола, чтобы онъ состязался съ философомъ. Въ слѣдующей за тѣмъ сценѣ Владиміръ со своими сыновьями вступаетъ въ разговоръ съ греческимъ философомъ о православной вѣрѣ. Этотъ послѣдній подробно говоритъ имъ о бытіи Божіемъ, вѣчной жизни, будущемъ судѣ и мукахъ въ аду, и проч. По окончаніи разговора, философъ удаляется; а Борисъ и Глѣбъ совѣтуютъ отцу принять православную вѣру. Владиміръ отсылаетъ дѣтей, говоря:

Отъидите на время! Азъ здѣ совѣтую
Наединѣ со мною.—Зъ воску имутъ дѣти
Сердце, скоро ихъ на вся приклонишь совѣти.

Оставшись наединѣ, Владиміръ вступаетъ въ разговоръ съ олицетворенными гордыми и хульными помыслами, но всѣ они—противъ ученія Христова. При всемъ томъ Владиміръ твердо рѣшился оставить язычество и послѣдовать ученію христіанскаго философа. И вотъ, въ пятомъ дѣйствіи является Мечиславъ и Вождь храбрый, которые объявляютъ жрецамъ волю князя ввести въ Россіи христіанскую православную вѣру и истребить языческихъ боговъ. Жрецы, Пѣаръ съ Куроядомъ, въ страхѣ отъ ожидаемаго мщенія Перуна; но кумиръ его разбитъ безъ всякихъ знаменій, безъ

---

[1]) Praecepta de arte poëtica, 1735 года, рукопись Кіев. Академіи, по печатному Описанію № 424, кн. 1, глав. 5, § 1.

небеснаго мщенія. Пѣаръ остался очень доволенъ этимъ и проситъ храбраго Вождя разсказать ему о крещеніи Владиміра. Храбрый Вождь, описавъ торжество и величіе церемоніи, прибавляетъ: „азъ объятый страхомъ радостнымъ, забыхъ, гдѣ есмь; сердце же во мнѣ трепеташе". Въ последнемъ явленіи вѣстникъ приноситъ грамоту отъ великаго князя Владиміра, называющагося уже Василіемъ, а въ заключеніе является хоръ апостола Андрея съ ангелами, въ которомъ, между прочимъ, дѣлается привѣтствіе Варлааму Ясинскому и Стефану Яворскому, замаскированное описаніемъ или ихъ внѣшности, или гербовъ ихъ.

Св. апостолъ Андрей Первозванный и св. Владиміръ, выводимые въ возвышенной части пьесы, нерѣдко останавливали на себѣ вниманіе и прежнихъ южно-русскихъ писателей, особенно въ трудныя минуты тяжкой борьбы здѣшняго православія съ польскимъ католицизмомъ, такъ какъ первый изъ нихъ предрекъ будущее просвѣщеніе Россіи свѣтомъ православія, а другой былъ орудіемъ исполненія сего пророчества. Въ подтвержденіе этого мы имѣемъ сборникъ южнорусскихъ стихотвореній половины XVII вѣка, представляющихъ популярное изложеніе всѣхъ догматическихъ и религіозно-бытовыхъ разностей между православіемъ и польскимъ католицизмомъ. Здѣсь, между прочимъ, авторъ, обращаясь къ русскому народу и къ русскимъ монахамъ, разсказываетъ имъ о томъ, „какъ Андрей святый апостолъ пришелъ въ Кіевъ градъ къ невѣрнымъ", говоритъ „о крещеніи русскомъ" чрезъ равноапостольнаго князя Владиміра и убѣждаетъ своихъ соплеменниковъ твердо держаться отеческихъ преданій и не поддаваться латинскимъ соблазнамъ [1]). Вѣроятно, и Ѳеофанъ Прокоповичъ говоритъ въ своей трагедокомедіи о св. князѣ Владимірѣ и апостолѣ Андреѣ въ полемическихъ видахъ съ католиками. Принимая

---

[1]) Рукопись Кіев. Акад., по печатному Описанію № 234; сн. Труды Кіев. дух. Акад., іюнь, 1872 года.

во вниманіе съ одной стороны претензіи польскихъ католиковъ и особенно іезуитовъ производить начало христіанства въ Россіи изъ Рима, съ другой—непримиримую вражду Прокоповича къ іезуитамъ и папству, можно думать, что трагедокомедія эта написана, между прочимъ, съ цѣлію показать, вопреки іезуитамъ, происхожденіе христіанства въ Россіи съ востока. По крайней мѣрѣ, Ѳеофанъ Прокоповичъ между цѣлями русскаго краснорѣчія полагалъ и описаніе подвиговъ знаменитыхъ мужей отечества и церкви, „чтобы узнали наконецъ,—какъ онъ выражается,—пустѣйшіе, благоговѣющіе только предъ своими баснями враги наши, что не безплодны доблестію наше отечество и наша вѣра“ [1]). Подтвержденіе этому есть и въ самой трагедокомедіи. Въ разговорѣ греческаго философа съ Владиміромъ о православной вѣрѣ, изъ котораго, какъ болѣе интереснаго, встрѣчаются иногда выписки [2]), философъ говоритъ, между прочимъ, объ исхожденіи Св. Духа отъ единаго Отца и о страшномъ судѣ, не смягчаемомъ никакими предварительными очищеніями послѣ смерти. Самое описаніе обжорства и пьянства языческихъ жрецовъ, повидимому, намекаетъ на такіе же недостатки католическихъ монаховъ, о которыхъ Ѳ. Прокоповичъ говоритъ въ своей реторикѣ слѣдующее: „Ничто не можетъ быть обжорливѣе и пьянственнѣе этого рода людей, такъ что не безъ справедливости можно сказать о нихъ, что они—изъ стада свиней Епикуровыхъ“ [3]).

Эта трагедокомедія въ теченіи всего почти XVIII вѣка служила образцомъ для другихъ подобныхъ произведеній южно-русскихъ, какъ увидимъ въ послѣдствіи.

Менѣе замѣчательны по внутреннимъ достоинствамъ и по вниманію публики два прозаическіе

---

[1]) De arte rhetorica, кн. 1, гл. 8, въ рукоп. Кіев. Акад., по Описан. № 418.

[2]) Рукоп. Кіев. Семинар. № 616.

[3]) De arte rhetorica, Прокоповича, кн. 2, гл. 8. Послѣднее выраженіе—изъ Лукіана Самосатскаго.

діалога или разговора Прокоповича, а именно: »разглагольствіе тектона си есть древодѣла съ купцемъ« [1]) и »разговоръ гражданина съ селяниномъ да съ пѣвцемъ или дьячкомъ церковнымъ« [2]); но и эти діалоги, особенно послѣдній изъ нихъ, имѣли немаловажное значеніе въ исторіи русской литературы. Оба они, очевидно, писаны имъ уже на сѣверѣ Россіи, по нашему мнѣнію около 1716 года, направлены съ одной стороны противъ грубыхъ начетчиковъ и ложныхъ ревнителей староотеческихъ преданій, съ другой—противъ невѣжественныхъ представителей латинской учености [3]), и послужили темами для сатирическихъ произведеній Кантемира.

Разглагольствіе тектона или древодѣля съ купцомъ, вращаясь около догматической темы о вездѣсущіи Божіемъ, имѣетъ главною цѣлію своею доказать, что не грѣшно заимствоваться богословскими свѣдѣніями у иностранцевъ и особенно нѣмцевъ, и что Богъ находится вездѣ, не только въ русской землѣ, но даже и въ турецкой, хотя благодатію своею присутствуетъ только при вѣрующихъ и уповающихъ на Бога. Замѣтивъ въ купцѣ глубокія богословскія познанія, тектонъ спрашиваетъ его:

—„Когда ты, господине мой, и отъ кого изучился писаніямъ, проживая лѣта въ купечествѣ?

Купецъ. Егда бѣхъ въ нѣмецкихъ городѣхъ и тамо болѣзни ради приключшіяся полтора года неисходно пребывая, мѣсто отради книги божественныя, т. е. библію читалъ; имѣхъ такого врача, которій кромѣ тѣлесныхъ болѣз-

---

[1]) Рукопись Кіев. Акад., по печатн. Описан. № 300, л. 434.

[2]) Тамъ же, 401; сн. рукоп. № 298, стр. 597—687.

[3]) Что разговоры писаны около 1716 года, это заключаемъ изъ письма Прокоповича къ кіев. профессорамъ, 1716 г., гдѣ онъ говоритъ о грубыхъ начетчикахъ богословахъ и своемъ торжествѣ надъ клеветниками изъ латинниковъ. См. Труды Кіев. дух. Акад., январь, 1865 года.

ней и духовнія недуги, паче же ради недоумѣнія, исцѣлевати можаше, въ писаніи божественномъ зѣло искусенъ и книги отъ себе не аки отъ себе, но отъ писаній священныхъ сочиненія издавалъ по слѣдствію и съ похвалою отъ всего общества умнихъ людей“.

Но тектонъ считаетъ нѣмцевъ неправославными, еретиками, а вмѣстѣ съ ними и самаго купца, какъ получившаго отъ нихъ богословскія познанія. Купецъ старается вывесть своего собесѣдника изъ заблужденія, но всѣ его усилія не привели къ желанному результату. Тектонъ говоритъ:

—„Азъ не изслѣдовалъ тѣхъ писаній; аще когда и челъ оныя, но забылъ. Вопрошу же тя, вездѣ ли убо есть и жительствуетъ Богъ?

Купецъ. Что́ о семъ мене вопрошуеши, еже азъ многажды глаголю и утверждаю сице быти?

Тектонъ. И на небеси и на земли по всѣмъ странамъ?

Куп. Не инако.

Тект. Когда бы азъ пошолъ въ турецкую землю или индійскую область?

Куп. И тамъ би ели не празновалъ съ топоромъ.

Тект. Съ топоромъ? Ни, азъ глаголю въ той конецъ, будетъ ли и въ тѣхъ или далечайшихъ еще подъземнихъ сторонахъ и въ язицехъ Богъ со мною?

Куп. Азъ же и прошедъ уже многія и далекія земли, и нигдѣ же николи же оставилъ мя Богъ.

Тект. Богъ поспѣшествовалъ въ промыслѣ твоемъ?

Куп. Не о семъ рѣчь,—не оставилъ мя Богъ, реку, вездѣ присутствуяй.

Тект. И на морѣ пособствовалъ?

Куп. Непремѣнно! Глаголетъ бо Давидъ Псалм.: въ морѣ путіе твоя и стези твоя на водахъ многихъ.

Тект. Аще и въ невѣрнихъ язическихъ странахъ Богъ есть, то чего ради поется въ церквѣ: съ нами Богъ, разумѣйте языци и покаряйтеся, яко съ нами Богъ?

Купецъ. И се тебѣ дивно! Всякъ сіе удобь разсудитъ, что о присутствіи съ нами благодати Божіей писано, яко Богъ за нами вѣрными своими поборяетъ противу языкъ, сохраняяй насъ отъ навѣтовъ вражіихъ и спасаяй благодатію своею".

Въ „разговорѣ гражданина съ селяниномъ да съ пѣвцемъ или дьячкомъ церковнымъ" обличаются недостатки въ религіозной жизни русскаго народа, заключавшіеся или въ совершенномъ невѣжествѣ и отсутствіи основныхъ нравственныхъ правилъ жизни, или въ поверхностномъ и ложномъ образованіи. Главная роль въ этомъ разговорѣ принадлежитъ гражданину, который получилъ основательное образованіе въ латинскихъ школахъ. Селянинъ, идя съ пѣвцомъ или дьячкомъ „въ домъ питейный на кружку вина", случайно встрѣтился съ гражданиномъ и обратился къ нему съ грубымъ вопросомъ. Обиженный гражданинъ назвалъ селянина простакомъ. Слово за слово, и между гражданиномъ съ одной стороны и селяниномъ и дьячкомъ съ другой завязывается длинный разговоръ о необходимости знать молитвы даже и простолюдину, о невѣжествѣ въ религіозныхъ дѣлахъ и его тяжести, и проч., во время котораго дьячекъ незамѣтно переходитъ на сторону гражданина. Въ общемъ ходѣ разговоръ этотъ слишкомъ растянутъ и вялъ; но въ немъ есть характерныя мѣста, стоющія вниманія. Таковы особенно два мѣста: одно о невѣжествѣ селянина въ религіозныхъ дѣлахъ, другое о латинскомъ ученіи и латинникахъ невѣждахъ.

Селянинъ представляется въ разговорѣ упорнымъ невѣждою, не хочетъ ни слушать священника, если онъ говоритъ то, чего ни отцы, ни дѣды наши не знали, ни учиться грамотѣ, потому что онъ и безъ письма хлѣбъ ѣстъ; и философы, по его разсужденію, „звѣздъ не снимаютъ". Сознавая и самъ свое невѣжество, селянинъ большею частію отмалчивался, или же ворчалъ про себя: „отцы де наши не умѣли письма, но хлѣбъ довольный ѣли, и

хлѣбъ тогда лучше родилъ Богъ, нежели нынѣ, когда письменніи и латинники умножилися". Но иногда собесѣдники какъ бы невольно вовлекали его въ разговоръ, и тогда-то открывалось грубое невѣжество селянина касательно вѣры и нравственности, еще ярче оттѣняемое глубокимъ и правильнымъ взглядомъ гражданина на эти предметы. Когда собесѣдники старались убѣдить его, что за упорное невѣжество неминуемо послѣдуетъ надъ нимъ Божій гнѣвъ, селянинъ преспокойно отвѣчаетъ: „азъ никого же убилъ, ничтоже укралъ, не прелюбодѣйствовалъ,—чесо убо опасоватися имамъ на судѣ Божіемъ"? Но собесѣдники обличаютъ его въ нарушеніи всѣхъ заповѣдей Божіихъ и въ нѣкоторомъ родѣ популяризируютъ „ученіе отрокомъ" того же Ѳ. Прокоповича, гдѣ излагается ученіе о десятословіи. Между прочимъ, гражданинъ спрашиваетъ селянина, не пожелалъ ли онъ когда нибудь себѣ чужаго?

„*Селянинъ.* Безъ сего и ангелъ, аще бы былъ въ тѣлѣ нашемъ и жилъ съ нами, не пребылъ бы, уповаю; но что потому хотѣти токмо чуждаго пожеланіемъ единымъ безъ исполненія оного? Я бы усердно хотѣхъ своего сосѣда Нѣмѣна отнять дворъ помежъ моего сущій, зѣло къ потребѣ моей угодній и на пристойномъ, отвсюду издалече зримомъ и по всему красномъ мѣстѣ стоящій, при которомъ и вода течетъ, и лѣсъ густый растетъ; но Нѣмѣнъ не попускаетъ ми; развѣ когда умретъ онъ, яко часто болѣзнующій есть, тогда всячески потщуся тотъ дворъ къ своему присовокупить; ибо и причины уже нѣкоторыя къ тому имѣю.

Гражд. Какія?

Селян. Взялъ у меня нѣчто денегъ взаймы и не отдаетъ, азъ же молчу не упоминаяся.

Гражд. Не хощетъ ли отдавати денегъ?

Селян. Какъ не хощетъ! Уже и приносилъ оніе, но азъ предувѣдихъ его принести имущаго деньги, изъ дому умысльно втекалъ, а между тѣмъ срокъ отдачи пройдетъ, а потому дворъ мой будетъ, котораго давно желаю; дѣти же

Немѣновы мололѣтни суть, не умѣтимуть одстоивать за свое. Да то бѣдно мнѣ, что самъ не скоро умираетъ".

По поводу этихъ словъ, собесѣдники уличаютъ селянина въ желаніи смерти ближнему и въ мысленномъ убійствѣ.

Пѣвецъ. Однако, можетъ быть, онъ не прелюбодѣйствовалъ, уповаю.

Селян. Въ семъ я могу быть чистій; развѣ егда бѣхъ юнъ, тогда всяко случалося.

Пѣвецъ. А нынѣ никакоже?

Селян. Никакоже.

Пѣвецъ. За совѣсть рцы: аще и не младъ еси, не помышляеши ли николиже съ вожделѣніемъ жены чуждыя, наипаче егда красноличную увидиши?

Селян. О своихъ дѣлахъ вопрошуеши мене тѣхъ не свѣдущаго.

Пѣвецъ. Отнюдь?

Селян. Не глаголю отнюдь, но довлѣетъ истину рещи, яко не памятую, аще когда такое вожделѣніе имѣю, кромѣ что временемъ пьяному мнѣ чуждыя жены лобизати токмо случается безъ всякаго грѣха.

Гражд. Всуе и дерзновенно, друже, чистымъ себе нарицаеши".

Другое замѣчательное мѣсто разговора—о латынникахъ и латинскомъ ученіи. Селянинъ, уличенный своими собесѣдниками въ незнаніи самыхъ необходимыхъ религіозныхъ истинъ, обозвалъ ихъ „латинниками". По этому поводу дьячекъ, вполнѣ подчинившійся убѣжденіямъ гражданина, проситъ его разрѣшить ему нѣкоторые сомнительные пункты кательно латинскаго ученія: угодно ли это ученіе Богу, нужно ли прилагаться въ наученія странная и различная, т. е. къ чужеземной наукѣ, и занятіе философіей не будетъ ли противно словамъ св. Писанія, въ которомъ сказано: „да никто же васъ будетъ прельщаяй философіею". Гражданинъ разсѣеваетъ всѣ сомнѣнія дьячка, утверждаясь

на св. писаніи и примѣрахъ св. отецъ. „Философія,—говоритъ онъ,—не значитъ собою латинскій языкъ, ибо можетъ быть философъ и русскій человѣкъ, и на всякомъ языкѣ любомудрствовати можно... Иніи же философы не токмо никого же не прельщаютъ, но и богомудры бываютъ, употребляя ученія философская къ благому и къ пользѣ ближняго, якоже многіе и отъ св. отецъ были, которые философіи научившеся, изъ того богословію основательно уразумѣть и самую истину познать лучше возмогли“.

Но, защитивъ латинское ученіе, гражданинъ показываетъ и дурныя стороны его и особенно нападаетъ на невѣждъ изъ латинниковъ.

„*Пѣвецъ.* Аще свободно сказать истину, и латинники не вси письменніи“.

Гражд. Письменніи почитай вси суть, но не вси, сказуй, разумніи; иніи бо токмо читать или писать знаютъ и тѣмъ величаются; аще же разглагольствовать полатыни умѣютъ, уже зѣло себе мудрыхъ быти мечтаютъ, презирая гордо прочіихъ всѣхъ, неучившихся письма латинскаго.

Пѣвецъ. И таковыи убо латінники отъ числа невѣждъ суть?

Гражд. Воистину и горшіи отъ невѣждъ имѣются... между ними есть еще многорѣчивыи невѣжды, которыи егда кто отъ правоумствующихъ обличаетъ ихъ суевѣріе или неправое исповѣданіе, ничто же сильное, къ разумѣнію истины близкое глаголютъ въ отвѣтъ, но отходя далече отъ вещи, о ней же есть бесѣда, краснословесіемъ мнѣніе свое утверждаютъ, истину же самую всячески закрываютъ и слышащихъ въ другую сторону отъ нея отводятъ, умыслно пріискуя къ тому вѣтійственныя къ прельщенію на свое мнѣніе незлобныхъ сердецъ угодныя рѣчи и доводы, аще и весма неважные, однако благіе и слуху токмо пріятные (къ Римл. 16, ст. 18). Изъ того, что вдается имъ тотъ способъ разговора, торжествуютъ, и сіи суть хитроупорніе невѣжды... Есть еще злобные и завистливые невѣжды, кото-

рыи завидуя на другихъ себѣ въ чести равныхъ, а наипаче на меньшихъ хотя достоинствомъ или возрастомъ, однако правоумныхъ и силу писанія лучше себе вѣдущихъ, и за то самое ненавидя ихъ, когда что доброе сказываютъ или проповѣдуютъ истину слова Божія, отвращаются отъ нихъ и отъ Божіего словеси, не хотя ни слышати, ни разумѣти глаголемаго отъ устъ ихъ, аще и потребно быти къ наставленію своему по совѣсти знаютъ, и за симъ въ невѣденіи волею остаются.

Пѣв. Уже о сицевыхъ невѣждахъ и слышати отъ тебе неиріятно ми есть.

Гражд. Не и ты ли отъ ненависти коея глаголеши сія, якоже оніи близреченніи невѣжды?

Пѣв. Никакоже; азъ гнушаяся тѣми безсовѣстными невѣждами рѣкохъ оное.

Гражд. Обаче не могу не сказати еще, яко обрѣтаются симъ, о которыхъ рѣчь, подобніи, но всячески злобніи, которыи егда кого не любятъ, паче же и ненавидятъ, преслѣдуя его, то онаго и проповѣдію и разговоромъ гнушаются, и какъ сами ученія или рѣчи его богоразумныя не слушаютъ и слушати не хотятъ, умыслно удаляяся отъ того, такъ и иныхъ отъ слушанія отводятъ по злобѣ своей, имѣющейся къ персонѣ того, который проповѣдуетъ; ненавидяще бо его самаго, купно и слова Божія имъ сказуемаго ненавидятъ, паче же и ученіе его, аще и правое и здравое, злосовѣстнѣ охуждаютъ и въ омерзеніе другимъ того коварства ихъ невѣдущимъ подаютъ...

Пѣвецъ. О Богу мерскіи и по всему проклятіи невѣжди!"

Прежде всего, въ этихъ разговорахъ отражается личность самого Θеофана Прокоповича. Нѣтъ сомнѣнія, что подъ купцомъ, конечно ищущимъ драгоцѣннаго бисера, и подъ гражданиномъ, которые выводятся въ разговорахъ Θ. Прокоповича, прежде всего разумѣется самъ авторъ ихъ. Это доказываютъ образъ мыслей и выраженія купца и гражданина, тождественный съ образомъ мыслей Θ. Прокопови-

ча въ другихъ его сочиненіяхъ, и нѣкоторые явственные намеки на обстоятельства изъ его жизни. Особенно это нужно сказать о ѣдкихъ выходкахъ гражданина противъ невѣжественныхъ латинниковъ, завидующихъ здравому ученію меньшихъ себя по сану и возрасту лицъ и злонамѣренно охуждающихъ ихъ. Ѳеофанъ Прокоповичъ самъ испыталъ на себѣ нѣчто подобное, когда обвинялъ его въ неправотѣ ученія Стефанъ Яворскій съ подручными ему лицами, и, вѣроятно, намекалъ на это обстоятельство въ своемъ разговорѣ.

Но, отражая на себѣ личность Ѳ. Прокоповича и его убѣжденія, разговоры эти имѣютъ тѣсную связь съ эпохою царствованія Петра I, выражаютъ лучшія идеи и стремленія этого времени и въ этомъ отношеніи открываютъ собою рядъ подобныхъ имъ литературныхъ произведеній въ преобразовательномъ духѣ и особенно близко примыкаютъ къ сатирамъ Кантемира, которымъ обыкновенно начинаютъ исторію новой русской литературы. И Ѳеофанъ, и Кантемиръ,—оба одинаково стоятъ за реформы Петра I и вооружаются противъ приверженцевъ русской старины и недоучившихся латинниковъ. Такъ напр., Ѳ. Прокоповичъ въ Регламентѣ разсуждалъ о заблужденіи многихъ, почитавшихъ науку виною ересей, а въ проповѣдяхъ и діалогахъ своихъ защищалъ реформу отъ упрековъ въ противорѣчіи вѣрѣ и уставамъ церкви. Тѣхъ-же людей обличаетъ и Кантемиръ въ слѣдующихъ стихахъ:

Критонъ съ четками въ рукахъ ворчитъ и вздыхаетъ
И проситъ свята душа съ горкими слезами
Смотрѣть, сколь сѣмя наукъ вредно между нами:
Дѣти наши, что предъ тѣмъ тихи и покорны
Праотческимъ шли слѣдомъ, къ Божіей проворны
Службѣ, съ страхомъ слушая, что сами не знали,
Теперь, къ церкви соблазну, библію честь стали,

Толкують, всему хотять знать поводъ, причину,
Мало вѣры подая священному чину [1]).

У Ѳ. Прокоповича въ разговорѣ гражданина съ селяниномъ да съ пѣвцомъ или дьячкомъ церковнымъ селянинъ говорить, что онъ и безъ письма хлѣбъ ѣстъ, и что философы звѣздъ не снимають: „отцы-де наши не умѣли письма, но хлѣбъ довольный ѣли, и хлѣбъ тогда лучше родилъ Богъ, нежели нынѣ, когда письменніи и латинники умножилися". Подобное говорить и Сильванъ въ первой сатирѣ Кантемира:

Силванъ другу вину наукамъ находитъ:
Ученіе, говоритъ, намъ голодъ наводитъ;
Живали мы прежь сего, не зная латынѣ,
Гораздо обильнѣе, чѣмъ живемъ мы нынѣ,
Гораздо въ невѣжествѣ больше хлѣба жали;
Переняв чужой языкъ, свой хлѣбъ потеряли [2]).

У Ѳ. Прокоповича въ разговорѣ гражданина послѣдній, какъ мы видѣли, неодобрительно отзывается о нѣкоторыхъ неразумныхъ и многорѣчивыхъ латинникахъ, схватившихъ только верхушки ученія, гордящихся ими и презирающихъ тѣхъ людей, которые не учились письму латинскому. Подобнымъ образомъ отзывается о недоучившихся латинникахъ и Кантемиръ въ четвертой своей сатирѣ:

. . . Тотъ, кто латынью чуть помазалъ губы,
Хвастаетъ наукою и, оскаливъ зубы,
Смѣется и скучитъ всѣмъ долгими рѣчами [3]).

Особенно же много точекъ соприкосновенія между вторымъ разговоромъ Ѳ. Прокоповича и третьей сатирой Кантемира, написанной по программѣ десятословія и посвященной авторомъ любимому имъ архипастырю Новгородскому. Въ разговорѣ селянинъ невольно сознается въ грѣхахъ

[1]) Сатиры Кантемира, Спб. 1762 г., стр. 4—5.
[2]) Тамъ-же.
[3]) Тамъ-же, стр. 97.

противъ заповѣдей Господнихъ и, между прочимъ, въ желаніи смерти сосѣду Немѣну и захвата дома и въ пожеланіи жены искренняго. Тѣже самыя мысли развиваетъ и Кантемиръ въ третьей своей сатирѣ. Здѣсь, между прочимъ, говорится слѣдующее:

Не меньше мучитъ себя Зоилъ нашъ угрюмый:
Что ни видитъ у кого, то новыя думы,
Нова печаль, и не спитъ бѣдный цѣлы ночи.
Недавно закинувъ онъ завистные очи
Въ сосѣдній дворъ и видя, что домишко строятъ,
Который, хоть дорого цѣнить, ста не стоитъ
Рублей, поблѣднѣлъ весь вдругъ и, въ себѣ не воленъ,
Горячкою заболѣвъ, по сю пору боленъ [1]).

Въ другомъ мѣстѣ Кантемиръ выводитъ въ своей сатирѣ такого же похотливаго Сильвана, какимъ является у Ѳ. Прокоповича селянинъ.

. . . Чистую удачливо удитъ
Золотомъ мягкій Силванъ супругу сосѣда;
У Прокофья голоденъ вышелъ изъ обѣда [2]).

Самыя подражанія у Кантемира латинскимъ образцамъ иногда такія же, какія и у Ѳ. Прокоповича. Выше приводили мы подражаніе послѣдняго одной элегіи Овидія, начинающееся словами: „Когда плугомъ по небѣ бразды водить станутъ“. Подобное подражаніе и этой же самой элегіи Овидія мы видимъ и у Кантемира, въ слѣдующихъ стихахъ его первой сатиры:

Когда по небу сохой бразды водить станутъ,
А съ поверхности земли звѣзды ужь проглянутъ,
Когда будутъ течь къ ключамъ своимъ быстры рѣки
И возвратятся назадъ минувшіе вѣки,
Когда въ постъ чернецъ одну ѣсть станетъ вязигу,—
Тогда, оставя стаканъ, примуся за книгу [3]).

---

[1]) Тамъ-же, стр. 72.
[2]) Тамъ-же, стр. 69.
[3]) Тамъ-же, стр. 8.

Мы замѣчали выше, что Ѳ. Прокоповичъ уважалъ Лукіана Самосатскаго и, вѣроятно, слѣдовалъ ему въ своихъ діалогахъ или разговорахъ. Тому же Лукіану слѣдуетъ въ нѣкоторыхъ своихъ произведеніяхъ и Кантемиръ, какъ это видно и изъ его собственныхъ примѣчаній.

Этимъ единствомъ содержанія и тона сочиненій Ѳ. Прокоповича и Кантемира объясняется солидарность между этими писателями, въ силу которой Ѳ. Прокоповичъ написалъ нѣсколько эпиграммъ въ похвалу и поощреніе Кантемиру, а послѣдній посвятилъ Ѳ. Прокоповичу третью свою сатиру. Какъ родственные писатели, они имѣли одинаковое почти вліяніе и на послѣдующую южнорусскую драматическую литературу, сначала Ѳ. Прокоповичъ одинъ, а потомъ вмѣстѣ съ Кантемиромъ.

III.

Послѣ Ѳеофана Прокоповича прежній священный мистеріальный характеръ кіевской драмы продолжалъ еще свое существованіе; но рядомъ съ нимъ все болѣе и болѣе выдвигается національный русскій элементъ, выражающійся или въ историческомъ и бытовомъ содержаніи, или въ приспособленіи къ простонародному духу и тону: первое сказывается въ самыхъ драматическихъ произведеніяхъ, второе—въ интерлюдіяхъ или въ интермедіяхъ къ нимъ. Обычною формою драмы все болѣе и болѣе становится трагедо-комедія, хотя получившая свое начало въ классическомъ мірѣ, но вошедшая въ Кіевѣ въ моду по подражанію Ѳеофану Прокоповичу. Этотъ смѣшанный періодъ кіевской драмы продолжался до царствованія императрицы Елисаветы Петровны, или—точнѣе—до 1742 года, съ котораго стали являться пьесы съ оттѣнкомъ новаго направленія. Изъ этого періода доселѣ извѣстны слѣдующія южнорусскія драматическія произведенія: „Патріархъ Іосифъ“, Лаврентія Горки, 1708 года; „Милость Божія“, 1728 года; трагедо-комедія Сильвестра Ляскоронскаго, 1729 года; мистеріи и комедіи Митрофана Довгалевскаго, 1736—7 г., имѣющія ближайшее отношеніе къ южнорусскому вертепу; „Брань честныхъ добродѣтелей“, Іоасафа Горленка, 1737 года, и „Образъ страстей міра сего“, около 1739 года.

О первой изъ этихъ пьесъ, излагающей библейскую исторію о прекрасномъ Іосифѣ, мы не можемъ сказать ничего новаго послѣ того, что сказано о ней нами въ 1866 году. Мы разумѣемъ трагедокомедію Лаврентія Горки „Патріархъ Іосифъ". Въ ней предполагались двѣ интермедіи послѣ третьяго и четвертаго дѣйствій, которыя, безъ сомнѣнія, были бы самымъ интереснымъ предметомъ въ пьесѣ; но онѣ не дошли до насъ. Осталась собственно трагедокомедія, сухая и строгая, которая, будучи взята сама по себѣ, не можетъ свидѣтельствовать о постепенномъ развитіи кіевской драмы въ національномъ направленіи. Она замѣчательна развѣ въ томъ отношеніи, что сравнительно больше другихъ имѣетъ замѣтокъ для актеровъ, носитъ, по подражанію пьесѣ Ѳ. Прокоповича, названіе трагедокомедіи и раздѣляется на пять дѣйствій.

Однимъ изъ лучшихъ драматическихъ произведеній этого времени была пьеса, подъ заглавіемъ „Милость Божія, Украину отъ неудобь носимыхъ обидъ лядскихъ чрезъ Богдана Зѣновія Хмѣльницкаго преславнаго войскъ Запорожскихъ гетмана свободившая и дарованными ему надъ ляхами побѣдами возвеличившая, на незабвенную толикихъ его щедротъ память репрезентованная въ училищахъ кіевскихъ въ 1728 году". Высокія достоинства этой драмы и помѣщеніе ея въ сборникахъ вмѣстѣ съ сочиненіями. Ѳ. Прокоповича побудили покойнаго М. А. Максимовича приписать ее этому знаменитому архипастырю того времени. Но мы видимъ въ ней только подражаніе Ѳ. Прокоповичу, заключающееся и въ выборѣ предмета изъ отечественной исторіи, и въ формѣ пяти-актной трагедокомедіи, а самое составленіе ея приписываемъ Ѳеофану Трофимовичу, бывшему въ 1728 году учителемъ піитики въ кіевской академіи [1]). Онъ имѣлъ и средства, и достаточный поводъ къ

[1]) См. о семъ въ Трудахъ Кіев. дух. Академіи, ноябрь, 1866 года. Кромѣ указанныхъ здѣсь изданій, трагедокомедія вновь издана при II томѣ „Историческихъ пѣсенъ малорусскаго народа" и въ I томѣ собранія сочиненій М. А. Максимовича.

тому, чтобы написать трагедокомедію, достойную пера соименнаго ему Ѳеофана Прокоповича. Въ 1720 году составлена была одна изъ лучшихъ малорусскихъ лѣтописей, лѣтопись Самуила Величкп, дававшая богатый матеріалъ для изображенія эпохи Богдана Хмельницкаго, а въ 1728 году Императоръ Петръ II, вступивъ на всероссійскій престолъ, уничтожилъ учрежденную Петромъ І-мъ малороссійскую коллегію, снова позволилъ избирать гетмановъ вольными голосами, повелѣлъ составить сводъ правъ Магдебургскихъ и Статута литовскаго, коими прежде руководилась Малороссія, и такимъ образомъ какъ будто хотѣлъ возвратить Малороссію къ прежнимъ временамъ, ко временамъ Богдана Хмельницкаго. Совпаденіе этихъ обстоятельствъ подогрѣвало надежды малорусскихъ патріотовъ и вызвало на свѣтъ разсматриваемую нами пьесу, въ которой авторъ превозноситъ похвалами Петра II-го и новоизбраннаго гетмана Даніила Апостола, и съ благоговѣніемъ воспоминаетъ Богдана Хмельницкаго, какъ идеальную личность въ козацкой исторіи. При этомъ онъ пользуется готовымъ историческимъ матеріаломъ и особенно лѣтописью Самуила Величка, но раскрашиваетъ ее цвѣтами собственной фантазіи.

„Милость Божія" состоитъ изъ 5-ти дѣйствій съ эпилогомъ. Къ первому, третьему и пятому дѣйствіямъ присоединяется еще „хоръ". Въ началѣ пьесы „Богданъ Хмельницкій долю козацкую оплакуетъ и новые совѣты въ умъ пріемлетъ".

„Егей,—говоритъ онъ,—славы нашея упадокъ послѣдній!
Чего въ свѣтѣ живучи дождалъ козакъ бѣдный!
Докозаковалися и мы подъ ляхами;
Чого намъ не дѣлаютъ ляхи и зъ жидами!
Честь и славу въ нивочто нашу обращаютъ,
Козацкое потребить имя помышляютъ.

Сея ли мы отъ тебе, ляше, ожидали
Платы, егда вѣрности нашей показали
На земли и на морѣ знаменія многа,
Бодуща тя враговъ си сокрушая рога?
Се ли достойная мзда? Сія ли заплата
За службу нашу? Се ли зыскъ нашъ и интрата
За неисчислимые пріятые раны,
За смерти различные на различной брани,
За толикіе и толь славные побѣды
Терпѣли толикіе, толь тяжкіе бѣды:
Грабленія, насильства, утиски, досады,
Узы и прочая, безъ всякой отрады?
О, и вспоминати то, воистину студно;
А якъ самимъ дѣломъ намъ терпѣти не трудно!
Что такъ безумни есмы, что такъ помраченни,
Что спимъ аки летаргомъ якимъ омраченни?
О, жалю мой незносный! больше ли чекати?
Крайней ли погибели еще выглядати
Будемъ? Не видимъ что̀ ся грядетъ? Окаянни,
Егда стеная молчимъ, тако поруганни
Суще. О, нечувствія нашего! Страдати
Кая нужда есть? Еще честь за честь воздати
Можемъ! Татаре, Турки и Нѣмцы бывали
Нестрашни: и Ляхи ли ужасни намъ стали!
Сверѣпые львы, тикгры, вепря побѣждати
Удобъ было: отъ зайцовъ ли станемъ втекати?
Когда шабля при насъ есть,—не совсѣмъ пропала
Многоименитая оная похвала
Наша; доказовала чуждой славы много
Она: студажъ своего не отмстить такого!
Не отобрали еще Ляхи намъ остатка:
Живъ Богъ, и не умерла козацкая матка!

Въ хорѣ перваго дѣйствія „Муза и Аполло грядущую ляхомъ погибель предвозвѣщаютъ". Здѣсь поэтъ воодушев-

ляется до пророчественнаго паѳоса. По нашему мнѣнію, это—самое лучшее мѣсто изъ всей драмы. Муза и Аполло говорятъ:

Не видишь, Поляче,
Кто на тебе плаче,
Кого обиждаешъ,
Кому досаждаешъ?
Славу ти сотворшихъ
Побѣды порождшихъ
Тщишся погубити,
Славу испразднити.
Гдѣ жъ услуга тая,
Егда вся благая
Своя оставляли,
Тебѣ воевали;
Крови не жалѣли.
Головъ не щадѣли,
Тебе заступая,
Тебе прославляя?
О, что жъ ожидаетъ,
Кая месть чекаетъ,
Яко за благое
Воздаеши злое!

Коль лютое время,
Коль тяжкое бремя
Пошлетъ на тя вскорѣ
Судяй правду горѣ!
Се твоя предѣлы
Пройдутъ свозѣ стрѣлы,
Солнце зайдетъ въ хмуры,
Вдарятъ на тя бури;
Шкуры тебѣ дерти,
Главы будутъ терти,
Шіи вытягати,
Въ ярмо закладати,
По лѣсахъ гонити,
По рѣкахъ топити,
Зъ склеповъ выдирати,
Ажъ за Вислу гнати.
Прійдутъ на тя злая
Непремѣнно сяя;
Богъ бо тебѣ судитъ,
Судъ его не зблудитъ.

Дѣйствительно, судъ Божій не „зблудилъ“: Ляхи побѣждены; Украйна освобождена отъ нихъ.

При описаніи борьбы Богдана Хмельницкаго съ поляками и предшествовавшихъ ей обстоятельствъ, авторъ часто пользуется историческими сказаніями, а иногда сближается съ малорусскими историческими думами. Такъ напримѣръ, Богданъ Хмельницкій разсматриваемой пьесы, перечисляя передъ запорожцами заслуги ихъ для Польши и выставляя на видъ неблагодарность послѣдней, между прочимъ указываетъ на подвиги козацкіе при разореніи Синопа, Трапезунта и окрестностей Цареграда:

Свѣдѣтель есть Трапезонтъ, на пень посѣщенный,
Свѣдѣтель есть и Сынопъ, съ землею смѣшенный.
Являютъ и славные оные подходы
Ажъ подъ Константинополь....

Этотъ набѣгъ на турецкія владѣнія лѣтописи Самовидца и Грабянки приписываютъ запорожскому гетману Богдану Рожинскому, который въ 1575 году разорилъ Синопъ, Трапезунтъ и окрестности Цареграда[1]).

Далѣе, въ драмѣ говорится о дѣятельномъ участіи козаковъ въ войнѣ Хотинской, 1621 года:

. . . Что же и колику
Вѣрность свою свѣдчили, уже и недавно
Того доказовали подъ Хотинемъ явно.
И сами ляхи сіе, чаю, намъ признаютъ,
Любъ и не токмо славѣ нашей зазрощаютъ,
Но и всегда худыми словами, елико
Возможно, умаляютъ умыслне толико.
И Османовы войска когда напирали
Найпаче на козаковъ, ясно показали,
Что лядская вся при насъ была оборона,
Которую если бы избили, корона
Польская давно бъ уже до чорта пропала,
И сама своего бы слѣду не позвала.
А козаки первые когда мужественно
Выдержали инкурсы, тогда дерзновенно
Великій во воинствѣ его учинили
Падежъ, и самый ему обозъ разорили.
Тако о силѣ своей гордящеся зѣло,
Османа посрамили и мира всецѣло
Искати понудили“.

---

[1]) „Историческія пѣсни малорусскаго народа“, Кіевъ, 1874 г., т. 1, стр. 167.

Согласно съ этимъ описывается Хотинская война и въ лѣтописи Самуила Величка. По ея извѣстію, турки съ первыхъ дней напирали особенно на козацкій обозъ, стоявшій на челѣ къ обозу султанскому и укрѣпившійся окопами. Но козаки, послѣ жаркихъ пушечныхъ перепалокъ, дали наконецъ сильный отпоръ и, гонясь за ними, ворвались было въ турецкій обозъ и только потому не овладѣли имъ вполнѣ, что коронной гетманъ отказалъ въ подмогѣ. Война Хотинская длилась пять недѣль и кончилась тѣмъ, что грозный Османъ, не смотря на многочисленность своего войска, пожелалъ мира, который и заключенъ былъ на условіяхъ, выгодныхъ для Польши [1]).

Причины войны Хмельницкаго съ поляками представлены въ пьесѣ согласно съ свидѣтельствами малорусскихъ историческихъ думъ. Причиной войны, по представленію пьесы, были притѣсненія со стороны поляковъ.

. . . „Видите,—говоритъ пьеса,—якъ намъ за сія платили
И платятъ услуги; коль тяжко угнѣтили
Бѣдную Украину тыми очковыми,
Поемщизнами тыми, тако жъ роговыми.
Повымышляли къ тому уже и ставщизны,
А при иныхъ поборахъ и сухомельщизны.
Власное наше добро въ очахъ передъ нами
Арендуютъ, и въ своемъ не вольни мы сами.
И уже по времени а ни дѣтей родныхъ,
Ни женъ власныхъ нашихъ намъ не будетъ свободныхъ
Что жъ говорить о иныхъ бѣдахъ нашихъ большихъ?
Что о безчестіяхъ, о укоризнахъ горшихъ?
Козака и за жида не важатъ: милѣйшій
Имъ жидъ, нежели русинъ, и весьма честнѣйшій;
Съ жидомъ они ѣдятъ, пьютъ, бенкеты справляютъ,
А козака бѣднаго за нѣзащо маютъ.

---

[1]) „Лѣтопись Самоила Величка“, Кіевъ, 1848 г., т. 1 въ приложеніи—„Дневникъ Матѳея Титлевскаго о Хотинскомъ походѣ поляковъ“. Сн. „Собраніе сочиненій М. А. Максимовича“, т. 1, стр. 369—370.

И что горше: которымъ поклонъ отдавали
Турки и татаре, а многи не востали
Никогда же, егда разъ наклонили выи,
Нынѣ,—срамно и казать,—нынѣ сами сіи
Жидамъ кланяются и шапку въ рукахъ носятъ
Передъ ними, и ихъ якъ пановъ якихъ просятъ, и проч.

Подобнымъ образомъ описываются польскія притѣсненія и въ народныхъ думахъ объ эпохѣ Хмельницкаго:

. . . „Стали жиди великий одкуп давати—
Стали один од одного на милю оранды становити...
Як іде украінський козак, то й корчму минае,
А жид вибігае, та украінського козака за чуб хватае,
Та ще єго двома кулаками по потилиці затинае:
—„Козаче—левенче! за що я буду ляхам рату платити,
Що ти мимо корчми йдеш,
Та й корчму минаеш?. ."
Коло украінського козака всю зброю одбирае...
А на Украіні козак за жидом похожае,
Ще єго й вельможним паном называе...
Ще жъ і тим жидове не сконтентували,
Що три річки в одкуп закупляли...
Що мав би чоловік піти та риби піймати,—
То ще вінъ до річки не добігае,
Уже він жидові за одкупъ найкраще обіцае...
Ще ж і тимъ жидове не сконтентували—
Де була яка річка велика, мости в одкуп забрали:
Од верхового по два шаги брали,
А од пішого по шагу,
А од бідного старця, що він випросить,
То одбирали пшоно да яйця" [1]).

Во второмъ явленіи третьяго дѣйствія кратко упоминаются выдающіяся подробности первой войны Хмельницкаго,

---

[1]) „Историческія пѣсни малорусскаго народа". т. II, стр. 25—26.

до битвы подъ Берестечкомъ и вызваннаго ею Бѣлоцерковскаго мира 1651 года, а именно: битва при Желтыхъ Водахъ и Корсунѣ 1648 года, плѣнъ польскихъ гетмановъ Потоцкаго и Калиновскаго и отдача ихъ татарамъ, подвиги полковниковъ и предводителей козацкихъ загоновъ, и проч.

Но, освободивъ Украину отъ ляховъ, Богданъ Хмельницкій совѣтуетъ козакамъ, изъ опасенія потерять свою независимость и снова подчиниться Польшѣ, поддерживать свой воинственный козацкій духъ и болѣе дорожить оружіемъ и воинскими занятіями, чѣмъ мирною гражданскою и хозяйственною дѣятельностію. Онъ говоритъ козакамъ:

„А желѣзо доброе важте и надъ злато,
Злато бо потемнѣетъ безъ него, яко блато.
Что злато и чтó сребро ляхомъ пользовало?
Коликіе жъ богатства желѣзо побрало?
Зъ сребныхъ полумызъ отцы наши не ѣдали,
Изъ золотыхъ пугаровъ они не пивали:
О желѣзѣ старались, желѣзо любили
И велику тѣмъ себѣ славу породили.
Оныхъ путемъ идите, оныхъ подражайте,
Славы ища, богатство вы за ничто майте.
Не той славенъ, который многа лѣчитъ стада,
Но иже многихъ враговъ своихъ шлетъ до ада;
Сему едино токмо желѣзо довлѣетъ,
А злато или сребро ничтó же успѣетъ.
Что Богъ дастъ, тѣмъ довольни суще, никоея
Не обидите ничимъ братіи своея:
Кто лѣсокъ добрый, или хуторецъ порядный,
Кто ставъ, кто луку, кто садъ имѣетъ изрядный,
Болѣть, или завидѣть тому не хóтите,
Якъ бы его привлащить къ себѣ—не ищите!
Ибо когда козаки уже обнищаютъ,
То недолго остатки ваши потрываютъ.
Откуду коня, или ручницы, откуду
Инный порядокъ возьмутъ, аще не оттуду?

А безъ тыхъ приборовъ, что мните, по насъ будетъ?
Слава, безъ сомнѣнія, наша не прибудетъ.
Напослѣдокъ глаголю: сами не купчуйте;
Лука, стрѣлки, мушкета и шабли пильнуйте.
Куплями бо обвязанъ житейскими воинъ,
Имени сего весьма таковъ недостоинъ.
И дѣтей своихъ, скоро отправлятъ науки,
До сей же обучайте козацкой штуки.
Тако творя, вражія потрете навѣты:
Радость сію на многи удержите лѣты".

Но встрѣчающіяся здѣсь наставленія Богдана Хмельницкаго не захватывать чужихъ имѣній являются въ его устахъ преждевременными: они скорѣе относятся къ слѣдующимъ за нимъ поколѣніямъ и особенно имѣютъ въ виду современные автору пьесы украинскіе порядки или, вѣрнѣе, безпорядки. Гетманщина мало по малу становилась „корпораціей генеральныхъ старшинъ, которые, вмѣстѣ съ выбраннымъ отъ царя гетманомъ, дѣлили между собой войсковое имущество, не заботясь о благѣ народа, которые окружали себя родственниками, подъ названіемъ генеральной канцеляріи, и потакали имъ въ самыхъ вопіющихъ несправедливостяхъ относительно беззащитной части малороссійскаго населенія, которые роздали своимъ пріятелямъ и распродали перекрещенцамъ изъ жидовъ и разнымъ выходцамъ полковничьи и сотничьи мѣста почти съ неограниченною властью надъ подчиненными. А судопроизводство по литовскому, магдебургскому и саксонскому праву давало просторъ произволу и изворотливости судей, во вредъ несвѣдующаго въ законахъ населенія Малороссіи" [1]. На захватъ козацкихъ земель старшиною козацкою въ началѣ

[1]) Журналъ „Основа", май, 1861 г., примѣчаніе къ „Липовымъ пущамъ". См. записку Гр. Ник. Теплова „о непорядкахъ въ Малороссіи" во II томѣ „Записокъ о Южной Руси", Кулиша, и критику на нее М. А. Максимовича въ собраніи его сочиненій, т. I, стр. 545 и слѣд.

XVIII вѣка, по всей вѣроятности, намекалъ Ѳ. Прокоповичъ въ „разговорѣ гражданина съ селяниномъ да съ пѣвцемъ или дьячкомъ церковнымъ“, когда выводилъ на сцену селянина, старавшагося захватить у сосѣда Немѣна его имѣніе: описаніе усадьбы Немѣновой здѣсь чисто въ малорусскомъ вкусѣ. На такой же захватъ намекаетъ и авторъ разсматриваемой пьесы, защищая общіе интересы козачества противъ его старшины.

Въ „заключеніи“ смотрѣніе Божіе предсказуетъ Украинѣ незыблемое ея блаженство подъ крѣпкою непобѣдимыхъ монарховъ россійскихъ рукою и добрымъ рейментарскимъ правленіемъ. Украина съ радостію принимаетъ это извѣстіе, но ужасается при имени Петра Великаго:

Увы мнѣ окаянной, убо мя порушитъ!

Петръ Великій дѣйствительно былъ страшенъ для Малороссіи. „Отважное предпріятіе Мазепы, — говоритъ одинъ украинскій писатель, — открыло уму Петра для его государства страшную перспективу, которой онъ не могъ забыть во всю жизнь. Возможность разрушенія созданной въ умѣ и принятой очень близко къ сердцу имперіи слишкомъ сильно поразила тогда его воображеніе, и онъ, съ свойственной ему одному геніальностью, создалъ планъ постепеннаго разрушенія гетманщины“ [1]). Но Петръ Великій выведенъ въ пьесѣ только для того, чтобы его тяжелому для Малороссіи царствованію противопоставить ожидаемый золотой вѣкъ царствованія Петра II и гетманства Даніила Апостола. Смотрѣніе Божіе говоритъ Украинѣ:

Стой, не бойся! за камень первый сокрушенный
Камень другій, не меньшій, будетъ положенный,
Петръ, глаголю, имени вторый таковаго,
Монарха Всероссійскій Бога всеблагаго
Милостію увѣнчанъ, не дастъ ти упасти,
Не дастъ и славѣ твоей всячески пропасти.

---

[1]) „Основа“, май, 1861 года, примѣчаніе къ „Липовымъ пущамъ“.

Тотъ еще малъ отрокъ сый, но не дѣтоуменъ,
Къ пользѣ державы своей вельми остроуменъ;
Совершеннаго мужа въ юности являя.
Великихъ по себѣ дѣлъ знаки подавая,
Подасть ти Данiила, вождя изряднѣйша,
Не токмо благородствомъ надъ иныхъ краснѣйша,
Но и дѣлы храбрыми славнаго, который
Супостатомъ Хмельницкiй твоимъ будетъ вторый...
Но Богъ тя во воинскомъ искуствѣ и штуцѣ
Прославивый, прославитъ Той же и въ науцѣ.
И сiе Коллегiумъ чрезъ Петра Могилу
Основавъ, произведетъ въ толику силу,
Что отъ него вѣтiи красноглаголивы,
Богословы, сильнiи и дѣломъ и словомъ
Проповѣдники, стадо пасущи Христово,
Пастырiе премудри, святи, преподобны,
Древнимъ онымъ церковнымъ свѣтиламъ подобны,
И инны изряднiи мужiе изыйдутъ,
Къ тому начатки сiи совершенство прiймутъ.
Тако ти, миръ ли будешь, или брань имѣти,
Надъ врагомъ твоимъ главу будешь возносити.

Совершенно одинаковую цѣль съ размотрѣнною пьесою „Милость Божiя“ имѣла „Трагедокомедiя, изданная въ Академѣи Кiевской честнимъ iеромонахомъ Сильвестромъ Лясковонскимъ, учителемъ школи поетики, 1729 года“ [1]), хотя далеко ниже первой по внутреннему достоинству. Трагедокомедiя Ляскоронскаго тоже имѣла въ виду прославить Петра II и Верховный совѣтъ. Здѣсь, въ восьмомъ явленiи третьяго дѣйствiя, фигурируетъ намекающiй на тогдашнiя отношенiя Россiи къ Персiи „орелъ монаршiй“, который перунами побиваетъ льва, ангеломъ поющимъ:

---

[1]) Издана въ Трудахъ Кiевской дух. Академiи С. Т. Голубевымъ, за сентябрь, 1877 года, но довольно небрежно.

Даяй царемъ побѣду крѣпкій въ бранехъ Боже,
Его же противится крѣпости никтоже,
Даждь Царю православному крѣпки супостати
Побѣдити до конца, да не могутъ стати!
Крѣпкой его десницѣ даждь сокрушити
Вся брани подъ нозѣ ему покорити,
Подаждь силу на ярость враждебнія брани;
Отъ тебе же да будетъ щитъ и мечъ поданній,
Да сотрется днесь врагу высокая глава,
Да будетъ же во вѣки окрестнія слава
Православному Царю на многіе лѣта
Страшна всѣмъ супостатомъ во всехъ концехъ, свѣта!

Есть здѣсь и похвала Верховному совѣту, состоявшему изъ вельможъ и потентатовъ.

„Орфей играетъ на гусли, хоромъ поющимъ:
Богомъ увѣнчанніе царскіе полати,
Да будете во вѣки славою сіяти!
Буди ваша отселѣ всезлатіе лѣта
Торжествомъ исполненни всемірнаго свѣта!
Соплети вѣнецъ красенъ сіяя побѣди,
Крѣпкій Марсе россійскій, заграждая слѣди
Непреступныхъ супостатъ, и вспять поверженны
Да будутъ! Воскликнемъ днесь пѣсни торжественны:
Торжествуйте весело россійскіе трони,
Воскликнѣте побѣди златіе корони!
Возвисися рогъ силенъ князей с потентати,
Да будутъ надъ врагами всегда обладати!
Пурпуровидними днесь шати одѣянни,
Торжествуйте пресвѣтлѣ святительски санп!
Буди вамъ честь и слава въ слонце одѣянна,
При мирномъ долгоденствѣ съ небеси поданна!“

По какому случаю составлена эта пьеса и при какой обстановкѣ она исполнялась, это отчасти можно видѣть изъ самаго содержанія нѣкоторыхъ отдѣльныхъ явленій ея.

Во второмъ дѣйствіи, послѣ пятаго явленія, выводится на сцену вельможа съ тремя ближними, и затѣмъ слѣдуютъ новыя четыре явленія, отъ 6-го по 9-е, почти безъ всякой связи съ предыдущимъ и послѣдующимъ. Это отсутствіе связи и заставляетъ предполагать въ этой эпизодической сценѣ о вельможѣ и въ четырехъ слѣдующихъ за ней явленіяхъ вставочную сцену, которая, не имѣя органической связи съ трагедокомедіей, назначалась для воздаянія почести высокопоставленнымъ слушателямъ и указывала вмѣстѣ съ тѣмъ на торжественный день, въ который исполнена была трагедокомедія. Вельможа представляется сидящимъ за закускою со своими друзьями.

Вельможа. Вся мнѣ благопріятна, вся мнѣ благонадежна,
Дни мои вся и лѣта всегда безмятежна,
Даде ми Богъ веліимъ властителемъ бити,
Но ничто же такъ благо мнѣ себѣ имѣти
Надъ любовь и афектъ ближнихъ пожоданній,
Его же зрю во тебѣ, друже здѣ собранній,
Яко же во области ближних моих ваю
Съ полнимъ любве милости сердцемъ оглядаю.
За туюжде милость и за любовь вашу
Исполню проздравіе всѣхъ васъ полну чашу:
Жійте щасливій вѣкъ, яко Сатурнъ новій!
Воскликнѣте сладку пѣснь сладчайшіе хори!

Ближній 1. За сицевія твоя ко намъ благодати
Даждь ти вишня десница въ сей жизни вѣкъ златій,
Да умножитъ ти Господь во области славу!
Зичливу мою днесь склонивши ти главу,
Благостини твоей болшъ не имамъ отвѣта:
Да дастъ тебѣ въ сей славѣ Господь многа лѣта!
(Хори поютъ многа лѣта).

Ближній 2. Равна тебѣ возможетъ воздати никтоже,
Воздаждь благости твоей небесный чертоже!
Провождай въ долготу дній вѣкъ златъ и щасливый!

Сіцевая, вельможе, тебѣ другъ зичливій
Отъ всеусердія си моего желаю;
Проздравіе же твое къ другу препиваю.
(Хори поютъ многа лѣта).

Ближній 3. Сладкіе хори еще воскликнѣте,
Зичливую пѣснь вельможѣ дадѣте,
Да достигнетъ чрезъ сія многія лѣта, вѣчнаго свѣта!
(Хори поютъ многа лѣта).

Кто былъ этотъ вельможа, архіепископъ ли кіевскій Варлаамъ Ванатовичъ, или другой кто, объ этомъ не можемъ сказать ничего опредѣленнаго. Можно полагать только, что слѣдующія за этой застольной сценой четыре явленія, въ которыхъ выводятся апостолы Петръ и Павелъ, вставлены въ трагедокомедію въ честь этихъ апостоловъ и указываютъ на праздникъ ихъ 29 іюня, какъ на время исполненія трагедокомедіи. Это былъ день тезоименитства императора Петра II [1]). Слѣдовательно, пьеса написана была на день тезоименитства Петра II и исполнялась въ Кіевѣ въ присутствіи какого-то вельможи.

Остальное содержаніе пьесы довольно блѣдно и безцвѣтно. По замыслу своему, она живо напоминаетъ собою священныя мистеріи перваго періода кіевской драмы XVII и начала XVIII в. и особенно „Мудрость Предвѣчную" 1703 года, съ которой мѣстами почти буквально сходна. Мы приводили кантъ изъ втораго дѣйствія этой послѣдней пьесы:

„Горькія слезы точити начнѣте,
Звѣзды, планети и солнечній свѣте!"

Подобнымъ образомъ рыдаетъ изгнанное изъ рая естество въ первомъ дѣйствіи трагедокомедіи Ляскоронскаго:

---

[1]) Матеріалы для отечественной исторіи, М. Судіенка, Кіевъ, 1853 года, т. I, стр. 76.

„Райскіе рѣки, лійте моя слези,
Идѣже ваша соисходятъ стези!
Очи кровію смѣшенніе рѣки лийте во вѣки!“ и проч.

Общій планъ пьесы высказывается въ прологѣ, гдѣ говоритъ авторъ слѣдующее:

Первіе здѣ явити тайну смертна плода
Восхотѣхъ, како бысть паденіе рода
Адамля, что коснуся плодъ райскаго ясти
Заповѣданна древа отъ Божія власти;
Послѣжде же, яко ей въ первой благодати
Даде . . . . . вѣчно обитати
Чрезъ своя смертни рани и волнія страсти
Изведенной до рая отъ адской пропасти.

Соотвѣтственно ходу домостроительства Божія, трагедокомедія раздѣляется на три дѣйствія: въ первомъ излагается исторія искушенія человѣка въ раю, паденія и изгнанія его отсюда; во второмъ—выводятся на сцену Моисей, изводящій евреевъ изъ Египта, и пророкъ Іона, извергнутый изъ чрева китова, какъ прообразы Спасителя; въ третьемъ—„являются страсти, смерть, погребеніе, воскресеніе и свобожденіе человѣческаго рода“. Но въ частностяхъ этотъ планъ далеко незаконченъ и неотдѣланъ. Въ третьемъ дѣйствіи нѣкоторыя явленія нисколько не развиты и имѣютъ одни только заглавія, напр.: „явленіе 1-е: молящагося Господа емлютъ и ведутъ въ преторъ къ Пилату; явленіе 2-е: отъ ранъ на крестѣ распятаго изливается кровь въ чаши отъ ангелъ держимы; явленіе 6 е: ангелъ Господень отваливаетъ камень и стражей устрашаетъ“.

Въ царствованіе Анны Іоанновны для Кіевской Академіи настали лучщія времена благодаря Ѳеофану Прокоповичу, оказавшему императрицѣ важную услугу утвержденіемъ ея самодержавія. Начало ея царствованія Прокоповичъ привѣтствовалъ слѣдующими стихами:

Прочь уступай, прочь
Печальная ночь!
Солнце восходитъ,
Свѣтъ возводитъ,
Радость родитъ.
Прочь уступай, прочь
Печальная ночь!
Коликій у насъ мракъ былъ и ужасъ!
Солнце Анна возсіяла,
Свѣтлый намъ день даровала.
Богомъ вѣнчанна
Августа Анна!
Ты намъ ясный свѣтъ ,
Ты красный цвѣтъ.
Ты красота,
Ты доброта,
Ты веселіе
Веліе.
Твоя держава
Наша то слава.
Да вознесетъ Богъ
Силы твоей рогъ,
Враги твоя побѣждая,
Тебя въ бѣдахъ заступая.
Рцыте всѣ люди:
О, буди, буди! [1])

Въ политическомъ отношеніи заслуживаютъ вниманія два факта изъ царствованія Анны Іоанновны, имѣвщіе большое значеніе для тогдашней Малороссіи, именно: война съ турками 1736 года и вмѣшательство Россіи въ дѣла Польши и участіе ея въ избраніи новаго польскаго короля. Въ 1734

---

[1]) Ѳеофанъ Прокоповичъ, Чистовича, и Истор. Россіи, Соловьева, т. XIX, стр. 314—315.

году, предъ турецкой войной, императрица Анна Іоановна простила запорожцамъ, которые послѣ измѣны Мазепы передались Турціи и хану крымскому и основали свою Сѣчь въ Алешкахъ, на „поляхъ татарскихъ, межь кочевисками агарянскими", и разрѣшила имъ возвратиться въ предѣлы Россіи, гдѣ и основали они Новую Сѣчь Запорожскую [1]). Съ этихъ поръ они получають возможность снова тревожить Польшу и сводить съ ней свои старые національные и религіозные счеты. Эти обстоятельства не могли не отозваться и на тогдашней литературѣ.

Что же касается собственно Кіевской Академіи, то въ царствованіе Анны Іоанновны она пользовалась особеннымъ вниманіемъ и заботливостію Ѳеофана Прокоповича, который сдѣлалъ кіевскимъ митрополитомъ сподручника своего Рафаила Заборовскаго и самъ внимательно слѣдилъ за его дѣйствіями относительно Кіевской Академіи. Принадлежа къ положительнѣйшимъ людямъ своего времени, Рафаилъ Заборовскій обратилъ особенное вниманіе на Кіевскую Академію, разстроенную при его предшественникѣ. Извѣстно и то, что Ѳеофанъ Прокоповичъ часто давалъ ему уроки касательно академическаго благоустройства, сильно возставая въ своихъ письмахъ къ нему на прежнюю распущенность въ академіи и мало удовлетворяясь мѣрами его [2]). Вслѣдствіе этого, значительно возрасло матеріальное благосостояніе академіи, получившей теперь названіе Кіево-Могило-Заборовской, а вмѣстѣ съ тѣмъ возвысился и уровень науки и образованія. Драматическія пьесы этого времени отличаются сравнительною живостію и отзывчивостію на современныя событія и нерѣдко составляются въ духѣ и вкусѣ Ѳеофана Прокоповича.

Первыми изъ пьесъ этого рода являются драматическія

---

1) Истор. Россіи Соловьева, т. XX, стр. 77.

2) Письма Ѳ. Прокоповича въ Трудахъ Кіев. духовн. Академіи, октябрь, 1865 года.

произведенія учителя пінтики въ Кіевской Академіи, іеромонаха Митрофана Довгалевскаго, 1736—7 годовъ, а именно: 1) „Комическое дѣйствіе“ на Рождество Христово съ пятью интерлюдіями, 1736 г., и 2) „Властотворный образъ человѣколюбія Божія“, пасхальная пьеса, тоже съ пятью интерлюдіями, 1737 года [1]). Пятеричное число актовъ въ этихъ пьесахъ и прямое предписаніе пѣть одинъ кантъ на тонъ канта Ѳ. Прокоповича—„Коли дождуся весела ведра“—обличають въ Довгалевскомъ поклонника и подражателя Ѳеофану Прокоповичу.

Общее содержаніе „Комическаго дѣйствія“ слѣдующее. „Прологъ, въ его же мѣсто выходитъ Валаамъ и хваляся пророчествуетъ о пришествіи Христовѣ и предсказуетъ кратко о всемъ комическомъ слѣдующемъ дѣйствіи, въ четырехъ явленіяхъ заключенномъ. Явленіе 1-е, предшествующей звѣздѣ, выходятъ три царіе, внуки Валаамовы, для разсужденія о видѣнной необычной звѣздѣ на востоцѣ. Явленіе 2-е, выходятъ царіе со дары кланятися, до которыхъ Иродъ приходитъ и о шествіи ихъ, камо путь творятъ, вопрошаетъ; посемъ Иродъ молитъ ихъ, да возвращшеся отъ пути возвѣстятъ и ему, гдѣ царь новъ родися. Явленіе 3-е, выходитъ Иродъ царь и зѣло яряся печалуетъ о погубленіи царства и невозвращеніи къ нему вспять царей, до котораго выходитъ Гнѣвъ и поощряетъ его, да вскорѣ пославъ своя воя въ Виѳлеемъ, избіетъ дѣти; посемъ выходитъ Декретъ Божій и призываетъ Смерть и Діавола, да умерщвлятъ Ирода за младенцевъ неповинное убійство. Явленіе 4-е, выходитъ Человѣколюбіе Божіе, объявляя посланіемъ единороднаго Сына милость, сотворшуюся роду человѣческому, гдѣ приходитъ и царь Давидъ съ пророками, благодаря, яко не тощное бысть пророчество ихъ о пришествіи Христовомъ; посемъ приходятъ ангелы и

---

[1]) Рукопись Кіево-Мих. монастыря, № 1713; см. Труды Кіев. духовн. Акад. февраль, 1865 г., и ноябрь, 1866 года.

благодарственный поютъ кантъ, и вси купно съ пѣніемъ отходятъ".

Не представляя само по себѣ несомнѣннаго драматическаго интереса, „Комическое дѣйствіе" Митрофана Довгалевскаго важно по своимъ отношеніямъ къ южнорусскому народному театру, какъ это увидимъ впослѣдствіи. Болѣе живаго народнаго элемента представляютъ интерлюдіи къ этому „Комическому дѣйствію", воспроизводящія собою народныя южнорусскія сказки и мѣстами возвышающіяся до политическаго самосознанія Малороссіи въ ея отношеніяхъ къ сосѣднимъ племенамъ и народамъ. Южнорусскій народный комизмъ, вѣроятно, пробивался и въ прежнихъ интерлюдіяхъ Лаврентія Горки, до насъ не дошедшихъ, насколько можно гадать о нихъ по современнымъ интерлюдіямъ или „междувброшеннымъ игралищамъ" изъ сѣверно-русскаго быта [1]); но тогда этотъ комизмъ не освященъ былъ школьною теоріей и потому не имѣлъ, такъ сказать, законнаго права на свое существованіе. Теперь же сама теорія, какою она является въ піитикѣ М. Довгалевскаго, требуетъ, чтобы „въ комедіи выводились лица низкія, какъ то—господарь (pater familias), литвинъ, цыганъ, козакъ, еврей, полякъ, скиѳъ, турокъ, грекъ, итальянецъ", и чтобы комедіи писалися „слогомъ простымъ, деревенскимъ, мужицкимъ". Соотвѣтственно этому требованію, въ рождественскихъ интерлюдіяхъ М. Довгалевскаго выводятся на сцену: поляки, мужики, литвины, цыгане, козаки, москали, жиды и проч., какъ и въ народныхъ комическихъ сказкахъ и присказкахъ, и каждый изъ нихъ говоритъ своимъ языкомъ, нарѣчіемъ и говоромъ.

Въ первой интерлюдіи „выходитъ астрономъ и хвалится своею наукою, до котораго выходятъ два мужика, литвинъ, цыганъ, и проженутъ."Во второй интерлюдіи „выходитъ му-

---

[1]) Лѣтописи русск. литературы, Тихонравова, 1859 года, кн. III.

жикъ, сонъ росказуе и прикликае до себе еще двоихъ; потомъ призоветь бабу и циганку; циганъ пріиде за циганку; всѣхъ пропудитъ", и т. п. Особенный интересъ представляютъ интерлюдіи третья и четвертая.

Въ третьей интерлюдіи „виходитъ козакъ, до которого виходитъ ляхъ на влови; козакъ схоронится; потомъ виходятъ къ тому жъ ляху подданіи съ поклономъ". Интерлюдія начинается думкою козака, который былъ у турка подъ руками, а у татаръ въ оковахъ, и только что воротился (1734 г.) на родину:

Мати моя старенкая, Чи ты мнѣ раденкая
Моей молодости 2.
Бувъ у турка подъ рукамы, А въ татаровъ з кайданами
У самой жалости 2.
Да вже правда теперь нема добра всюди,
Дармо пряцуемъ, виставляемъ груди.
Богъ виручивъ мя оттуда, а теперь мѣсця не найду.
В дому не сидѣты.
Лѣсы, поля спустошенни, Лугы, сѣна покошенни,
Пороспускавъ дѣты 2.
Толко жъ правда, що треба взираты на Бога,
Той всѣмъ есть въ добичи простая дорога.
Пойду знову на Сѣчь, маты! Пойду долѣ внизь шукати,—
Козацкая доле! 2.
А че и буду потугою, а въ москаля заслугою.
Мати жъ моя Олее! 2.
Спитаю, чи не буде хочь на низу добра,
Чи не трапится де пойматы лиса або бобра.
Буду турковъ воеваты, мечемъ слави добувати,
Буду воеваты 2.
Кармазини з луданамы, шати драты з султанамы,
Совсѣмъ буду брати, з очей не спускаты 2.
Егей колибъ впять якъ була козацкая слава,
Щобъ роспустилась всюди якъ перами пава,

І щобъ зацвѣла знову якъ рожа у лѣтѣ,
Якъ Богъ поволитъ побрать турецкіи дѣты,
Або ляховъ на той часъ трапится поимати
І сѣмъ кіемъ козацкимъ по ребесамъ дати.

Къ концу этого монолога выходитъ ляхъ на полеванье и высказываетъ желаніе, чтобы его подданные поднесли ему еще новаго сокола, для ловли перепелокъ. Въ отвѣтъ на его желаніе являются литвины, его подданные, на поклонъ своему господину. Старшій изъ нихъ предварительно учитъ младшихъ, какъ привѣтствовать пана: „ото такъ буду гавариць: на здоровье табе пане! нехай и панеи стане і всѣмъ дзіеткамъ вашимъ, нехай станіесе гето тутъ приходомъ нашимъ“! Но ихъ простое, незатѣйливое привѣтствіе показалось для пана оскорбительнымъ,—и онъ приказываетъ бить ихъ проволочными веревками:

Возми-ка, хлопче, самого войта, какъ старшаго!
Бей, тузь, валяй, паляй, бей хорошенько также и другаго!
Что за диво мнѣ и какая бѣда—хлопа забить, убить,
какъ скурвего сына?
Лит. Нужъ, моспане, и мене еще прохварасцѣ,
А прохварасцѣвши тай до дому пусцѣ!
Ляхъ. Хорошо! Иди жъ, хлопче, дай же и тому,
Сто кіевъ отмѣряй также и другому!

Расправившись съ подданными, ляхъ дивится хлопской отвагѣ: „знать москаль либо козакъ ему помогаетъ!“ Имя козака вызываетъ у него воспоминаніе о прежней славѣ Польши, когда у него „подданство въ Кіевѣ бывало, гдѣ онъ былъ губернаторомъ“, и онъ строитъ завоевательные планы насчетъ Украины, хвастаясь, что поляки могутъ отобрать не только Кіевъ, но и села до города Глухова:

То вшистко мечемъ, огнемъ завоевать можемъ,
А Лещинскаго короля снова изберемъ [1]),

---

[1]) Станиславъ Лещинскій, избранный въ короли польскіе 1705 г. и 1709 г. принужденный бѣжать изъ Польши, въ 1733 г. пытался снова занять польскій

И тотчасъ привлечемъ туда мощнаго Гектора,
И на помощь намъ пришлетъ отъ своего двора
Король французскій тысячу другую—третью.
Мы соберемся вмѣстѣ до 100 тысячь больше
И будемъ воевать до самой Полтавы,
Чтобъ отобрать прежній гоноръ нашей славы".

Ляхъ призываетъ другихъ пановъ для войны съ козаками и напередъ хвалится своею побѣдою надъ ними; но является козакъ, призываетъ на помощь москаля,—и сцена перемѣняется. Москаль говоритъ:

Козакъ! пріймайся, не бойся, бери з плечей двоихъ!
А я тотъ часъ уберу долгополихъ отъ тихъ.
А што здесь о рубежахъ они споминали,
Будто ляшонки Украину в областяхъ держали,—
Дабро вотъ,—покажемъ рубежи кнутамы на спинѣ!

Коз. І добре, земочку, щобъ другій памятовавъ,
Да и дѣдчой своей дитинѣ заказавъ.

Въ четвертой интерлюдіи „выходитъ мужикъ з жидомъ на ярморокъ, до котораго выходятъ ксензы три: езуита, крижакъ да бернадимъ; до всѣхъ ихъ пріидетъ москаль и запряжетъ двоихъ, а съ третьимъ сядетъ, и отыдутъ". На ярмаркѣ жидъ расположился со своимъ шинкомъ. Проходятъ мимо три ксендза; жидъ зазываетъ ихъ къ себѣ:

Жидъ. Прошу на водочку, прошу, извольте пить!

Ксен. Дай, жизю, на этотъ шостакъ битый!
Мы не такой людъ, какъ схизма проклята.

2 Ксен. Прошу, отче, скажи,—откуда та вѣра взята?

3 Ксен. А что тутъ будешь о вѣрѣ разсуждать!
Слышу, идетъ москаль, будетъ штурмовать.

престолъ, но въ 1736 году долженъ былъ вторично отказаться отъ него. По этому случаю Ѳ. Прокоповичъ написалъ двѣ колкія эпиграммы на двукратное избраніе Лещинскаго въ короли, помѣщенныя при печатной его піитикѣ. Конечно, и здѣсь говорится о вторичномъ избраніи Лещинскаго въ короли въ насмѣшку полякамъ.

Моск. Што здѣсь за шумъ, что за крыкъ? да нѣтъ ли раз-
діоровъ?
Ксен. Чекай но, васпанъ, мы не въ твоимъ двору.
Моск. Што болтаешь? ты меня называешь воромъ,
Да еще хвалишься здѣся своимъ дворомъ?
Полно болтать! мнѣ нада дать скоро падводу.
Ксен. Ми, моспане, естеми не такего роду.
Моск. Какъ тіе завутъ,—гавари,—кака въ тіе манета?
Ксен. Я, моспане, естемъ вчоний езуита—
Моск. А тебе другъ какъ завутъ, знать ли ты полякъ?
2 Ксен. Добрже згаднолъ, моспане, же я естемъ крижакъ.
Моск. Тіебіе третой какъ завутъ, да и ты ли съ нимъ?
3 Ксен. О, я естемъ польскего закону барнадимъ.
Моск. Побратимъ? Садись, поганяй! вить мнѣ не даліоко:
Въ Броварахъ почту смѣнимъ или въ Платавѣ,
Тамъ васъ пущу кармитця на доброй отавѣ.

Вся эта пьеса, съ комическими интерлюдіями къ ней, имѣетъ ближайшее отношеніе къ малорусскому народному вертепу, по крайней мѣрѣ въ томъ его видѣ, въ какомъ онъ записанъ у г. Маркевича [1]). Вертепъ этотъ раздѣляется на двѣ части, изъ коихъ въ первой, соотвѣтствующей своимъ содержаніемъ „Комическому дѣйствію" Довгалевскаго, представляется исторія рожденія Спасителя, поклоненіе волхвовъ, избіеніе Виѳлеемскихъ младенцевъ и послѣдняя судьба Ирода, а вторая представляетъ изъ себя рядъ комическихъ сценъ, похожихъ на рождественскія интерлюдіи Довгалевскаго. Особенно замѣтно сходство между комическимъ дѣйствіемъ и первою частію вертепа. Для примѣра, приведемъ одно параллельное мѣсто. Въ „Комическомъ дѣйствіи" декретъ Божій призываетъ смерть, а смерть—дьявола.

Смерть (къ Ироду). Не годѣ будетъ сего, яко посѣцу тя,
Но горѣе будетъ ти, яко во адъ возму тя;
Се приглашу и друга, что дѣлать съ тобою,

1) „Обычаи, повѣрья, кушанья и напитки малороссіянъ", Маркевича, 1860 года, стр. 31 и слѣд.

И возмемъ тя отсюду на жилье съ собою.
Пріиди друже искренній, первѣйшій владыко,
И увиждь снѣдь готову, намъ сладку толику!
Долгое бо мы время сего ожидали,
Дабы въ руцѣ Ирода убійцу пріяли.

Дьяволъ. О гостя вожделънна, о друга прелюбезна!
Давно тя ожидастъ глубочайша бездна! и проч.

Въ вертепѣ есть очень сходныя съ этимъ мѣста. Здѣсь смерть говоритъ Ироду:

Що ты, Ироде несытый,
Почто се болтаешь
И мене убиты
Воямъ повелѣваешь?
Изъ пропасти ада
Будешь ты знаты,
Неповинны чада
Якъ убиваты!
Выйды, брате, друже,
Мени пособыты,
Кровопыйцю Ирода
Огъ земли стребиты!

Чортъ (къ смерти). Почто, моя другиня, зовешь на пораду?
Тотчасъ умерщвлю и препоручу аду.

(И затѣмъ, хватая Ирода въ объятія, говоритъ:)
Друже мій вирный, друже прелюбезный!
Довго ждавъ я тебе въ глыбочайшей бездни.

Меньше сходства между интерлюдіями Довгалевскаго и второю частію вертепа, представляющею болѣе сближенія съ народною комикою; но и между ними есть значительное соотвѣтствіе, а мѣстами и буквальное сходство. Такъ, во второй и пятой интерлюдіяхъ Довгалевскаго выводятся на сцену цыгане. И въ началѣ второй части вертепа представлена забавная семейная сцена цыгана съ женой и сыномъ,

согласная съ народными представленіями о цыганахъ [1]). Третьей интерлюдіи Довгалевскаго соотвѣтствуютъ сцены запорожца съ полякомъ и другими. На сцену выходитъ хвастливый, гордящійся своею родовитостью ляхъ. „А цо, панове!—говоритъ полякъ,—

Же бы вы знали, цо я естемъ зъ дзяда
И зъ прадзяда шляхтичь уродзоный.
Я былемъ во Львовѣ,
Былемъ и въ Краковѣ,
Былемъ и въ Кіовѣ,
Былемъ и въ Варшавѣ,
Былемъ и въ Богуславѣ.
Падамъ до ногъ ясневельможнаго пана,
Зычу здрувья и многа лята!—

Какъ и въ другихъ сценахъ, полякъ встрѣчаетъ свою подругу и танцуетъ краковякъ. Когда какой-то мальчикъ, подкравшись сзади, передразниваетъ ляха, послѣдній грозно обращается къ нему и гнѣвнымъ голосомъ говоритъ: „а пудзь до дзембла, лайдакъ! батогами забію!“ Но его рѣчь смолкаетъ при появленіи запорожца. Еще за сценой раздается его голосъ, напѣвающій любимую украинскую пѣсню: „Да не буде лучше, да не буде краще, якъ у насъ да на Украини“. Выходитъ онъ и начинаетъ рядъ шалостей, первымъ предметомъ которыхъ, какъ и во второй интерлюдіи Довгалевскаго, является ворожея цыганка, которая, заговаривая рану запорожца, въ тихомолку желаетъ ему погибели. Затѣмъ онъ издѣвается надъ жидомъ и двумя чертями.

Четвертой интерлюдіи М. Довгалевскаго соотвѣтствуетъ вертепная сцена запорожца съ уніатскимъ попомъ. Къ запорожцу подходитъ уніатскій попъ и хочетъ его исповѣдать:

---

[1]) Сн. „Малорусскія народныя преданія и разсказы“, Кіевъ, 1876 года, стр. 193.

Признавай грихы предо мною, покайся,
Предъ схизматскыми попы не признавайся!
Запорожець. Чого соромляться, паноче! раскажу, що знаю.
Уніатскій попъ. Благо сотвориши, аще ничего не утаиши.
Запорожець. Я зъмалку мандрую по свиту,
Я бивъ . . . .
Не бивъ уніатскихъ я попывъ,
Съ живыхъ зъ іхъ кожу я лупывъ.
Воны надъ козакомъ ждуть смерты,
Щобъ въ домовыну скорійше заперты;
Таскаютъ, спиваютъ, сміются,
А на помынкахъ якъ напьются,—
Дакъ тылько не танцюютъ,
Мовъ кони козацки гарцюютъ.
Уніатскій попъ (дрожащимъ голосомъ):
Треба тоби до косціола ходыть,
Часты поклоны треба быть.
Запорожець. Э! бачъ? я зъ віку въ косціолъ не ходывъ,
Поклонывъ не бывъ, хиба тебе побью.
Уніатъ бѣжитъ со всѣхъ ногъ.

Послѣ того, запорожецъ издѣвается надъ двумя чертями и одного изъ нихъ, поймавъ за хвостъ, тащитъ къ свѣту:

Що се я піймавъ? чи се птычка?
Чи перепелычка?
Чи се тая сынычка,
Що вона й не дыше,
Тылько хвостыкомъ колыше?

Эти слова почти буквально встрѣчаются и въ первой интерлюдіи Довгалевскаго. Здѣсь мужикъ Пархимъ обращается съ подобными словами къ поляку—астроному:

А що бакъ ти у чорта и скажи за птиця,—
Чи мишь, чи кажанъ, чи перепелиця?

Близкая связь и соотношеніе „Комическаго дѣйствія“ и рождественскихъ интерлюдій Довгалевскаго съ записаннымъ у Маркевича вертепомъ показываютъ, что или по-

слѣдній произошелъ отъ драматическихъ пьесъ М. Довгалевскаго и только измѣнился и оразнообразился въ теченіи 100 слишкомъ лѣтъ (отъ 1736 г. до времени записанія вертепа Маркевичемъ), или же и вертепъ, и пьесы Довгалевскаго произошли изъ одного и того же источника. Во всякомъ случаѣ можно считать несомнѣннымъ, что существенное содержаніе свое и основныя формы свои вертепъ получилъ приблизительно около того же времени, къ которому относятся и пьесы Довгалевскаго; потому что съ этого времени вертепныя рождественскія представленія теряютъ кредитъ и болѣе и болѣе переходятъ въ низменныя сферы училищной и общественной жизни. Въ томъ же 1736 году Ѳ. Прокоповичъ, указывая Рафаилу Заборовскому экономическія средства для содержанія академіи, неблагопріятно отозвался о студенческихъ „мированьяхъ", составлявшихъ, вмѣстѣ съ вертепными представленіями, источникъ доходовъ для бѣднаго студенчества. Ѳ. Прокоповичъ писалъ, что, при улучшеніи академическаго хозяйства, „не будетъ нужды нѣкіихъ скудныхъ, да и еще и неосновательныхъ подаяній нищетнымъ образомъ вымирковывать" [1]). Что замѣчаніе Ѳ. Прокоповича принято было къ свѣдѣнію, это видно какъ изъ отсутствія въ послѣдующее время рождественскихъ пьесъ, соотвѣтствующихъ вертепу, за исключеніемъ одного отрывка, такъ и изъ положительнаго свидѣтельства, что съ этого приблизительно времени вертепныя представленія пренебрегались лучшими студентами и сдѣлались достояніемъ пьяныхъ пѣвчихъ. Въ одномъ спискѣ шутливаго „правила увѣщателнаго пияницамъ", 1779 г., но встрѣчающагося гораздо ранѣе, говорится слѣдующее: „Радуйтеся, пиворѣзы, и паки реку радуйтеся! се радости день приспѣваетъ, день—глаголю—праздника рождественскаго сближается. Востаньте убо отъ ложей своихъ и вос-

---

[1]) См. письмо отъ 8 марта, 1836 г., въ Трудахъ Кіев. дух. Акад. октябрь, 1865 года.

пріимите всякъ по своему художеству орудія, *содѣлайте вертепи*, склейте звѣзду, составьте партесы! егда же станете по улицахъ со звукомъ бродя, ищущи сивухи, пріймутъ васъ подъ кровы своя". „Достойно и праведно,—говорится въ другомъ мѣстѣ правила, — похулити подвиги и труды ваши, голкопійцы; обтекаете бо вселенную аки орли во облацѣ парящіе отъ града въ градъ, отъ веси въ весь, творяще лядопивство, и гдѣ изобиліе шинковъ и винныцъ жители имѣютъ, тамо... возгнѣздитесь, а идѣже по желанію вашему не получите, то тамо и прахъ отъ ногъ своихъ отрясше, дерзаете возглашати безумніи апостольское слово"[1]). Къ этому-то отребію студенческой корпораціи и должны быть относимы пластическія изображенія миркующихъ и ходящихъ съ вертепомъ бурсаковъ у Нарѣжнаго и Гоголя, но никакъ не къ большинству кіевскихъ студентовъ XVIII вѣка.

Но если въ тридцатыхъ годахъ прошлаго вѣка вертепныя представленія стали выходить изъ употребленія въ Кіевской Академіи; то это не значитъ, чтобы вообще прекратили развитіе комическія сцены изъ народной южнорусской жизни. Напротивъ, онѣ получили еще большее развитіе, но стали пріурочиваться къ пасхальнымъ и рекреаціоннымъ пьесамъ. По крайней мѣрѣ, мы имѣемъ на лицо двѣ такія комическія пьесы и нѣсколько указаній на существованіе подобныхъ пьесъ, до насъ не дошедшихъ. Одно изъ первыхъ мѣстъ между ними занимаютъ пасхальныя пьесы того же М. Довгалевскаго, 1737 года.

Подобно рождественскимъ, пасхальныя пьесы М. Довгалевскаго раздѣляются на мистерію и комическія интерлюдіи къ ней.

Мистеріяноситъ слѣдующее длинное заглавіе: „Властотворній образъ человѣколюбія Божія всемирной дѣля ра-

---

[1]) Рукопись церковно-археологическаго музея при Кіев. Академіи по печатному Описанію № 665, сн. № 422.

дости пяточисленнимъ явленіемъ обновленій въ честь и прославленіе искони единосильный совѣтъ давшему единому отъ Троицы Сыну Божію, яко сотворити благоволившему и отъ небытія во бытіе перваго человѣка приведшему, его же ради сей яко заповѣдей преступника за крайное благоутробіе воплотися, пострада даже до смерти крестнія и всемощною божества силою тридневно воскресе, и паки сего и всѣхъ клятвѣ его виновнихъ на первое вѣчнія свободи и радованія возведе блаженство". Она раздѣляется на пять явленій или дѣйствій: въ первомъ —Совѣтъ Божій, Правосудіе и Милость Божія намѣреваются сотворить человѣка; во второмъ—Милость Божія вводитъ человѣка въ рай и даетъ ему первую заповѣдь, но Прелесть склонила его нарушить эту заповѣдь; въ третьемъ — правосудіе Божіе отдаетъ преступнаго человѣка „въ работу и плѣнъ смерти и діаволу"; въ четвертомъ—показывается торжество діавола и смерти надъ человѣческимъ родомъ, а въ пятомъ — Милость Божія выводитъ человѣка изъ ада и возвращаетъ его къ первобытной свободѣ. Хотя, по примѣру Ѳ. Прокоповича, пьеса состоитъ изъ пяти дѣйствій, но она скорѣе похожа на „Мудрость Предвѣчную", 1703 года, и далеко уступаетъ слѣдующимъ за ней интерлюдіямъ, которыя имѣютъ такой же жизненный интересъ, какъ и разсмотрѣнныя уже рождественскія интерлюдіи Довгалевскаго, и стоятъ въ близкой связи съ южнорусскими народными преданіями и разсказами.

Въ первой пасхальной интерлюдіи мужики - литвины смѣются надъ ксендзомъ и папой и въ заключеніе прогоняютъ ксендза. Ксендзъ вышелъ къ литвину, воскресшему изъ мертвыхъ, „пытатися, що на томъ свѣтѣ дѣется".

Лит. Брешешь ти! тамъ все святцѣ (т. е. праздники), то
въ піеклѣ дзіее.

Ксен. Якъ же се тамъ нашему папижу поводзи?
Лит. Памѣнай ужо якъ звалѣ: пропавъ іонъ да и годзѣ.

Ксен. Свентый же бы былъ въ пеклѣ, -- щекашь (лжешь)
ти, старушку!
При нимъ еще была ласка Христусова.

Лит. Правда, правда! угадавъ ти:
Сагнувшись саматужки прецъ до піекла дрова,
А хваришняки акругъ скачуць и играюць,
Гетакими дубцями вотъ такъ поганяюць.

Подобное разсказывается въ южнорусской народной сказкѣ о безсчастномъ Иванѣ, какъ панъ послалъ его довѣдаться на тотъ свѣтъ въ пекло. Воротившись оттуда, Иванъ разсказываетъ пану, что „покойный пан старий, того пана батько, дрова возить у пекло“ [1]).

Въ третьей пасхальной интерлюдіи „віиздитъ мужикъ на торгъ и зъ синомъ, и оставивши сина, пойдетъ торговати“. Въ отсутствіе его приходятъ къ сыну московскіе „яриги“ и показываютъ видъ, будто хотятъ снять рога съ вола. Сынъ старался защитить воловьи рога, но они не нужны были яригамъ и остались цѣлыми, за то пропали съ воза пироги съ мѣхами. Тотъ же пріемъ отводить хозяину глаза отъ предмета поживы и при такой же обстановкѣ встрѣчается въ малорусской сказкѣ: „чоловікъ з масломъ и москалі“. Мужикъ выѣхалъ на торгъ продавать масло, поставилъ его на землю и самъ сѣлъ на него. Замѣтили его два москаля и сговорились между собою: зайди ты сзади, — говоритъ одинъ, а я подойду къ нему и начну говорить. Подходитъ москаль къ мужику и все присматривается къ нему, какъ будто узнаетъ его, и наконецъ говоритъ: здоровъ, Иванъ!—Здоровъ!—отвѣчаетъ мужикъ. Слово за словомъ, и москаль такъ разговорился съ мужикомъ, какъ будто дѣйствительно былъ знакомъ съ нимъ, и наконецъ объявилъ мужику, что пришелъ царскій указъ, чтобы му-

---

[1]) „Народныя южно-русскія сказки“, Рудченка, Кіевъ, 1869 года, вып. I, стр. 95.

жика взять въ солдаты: только не знаю, прибавилъ москаль,—годишься ли ты; потому что нужно, чтобы былъ такого росту, какъ эта палка. Встань, помѣряю!—мужикъ всталъ. Москаль нѣсколько разъ мѣрялъ его, но нашелъ, что мужикъ не подходитъ подъ мѣру, и пошелъ прочь. Между тѣмъ мужикъ оглянулся назадъ и тутъ только замѣтилъ пропажу своего масла [1]).

Пятая пасхальная интерлюдія М. Довгалевскаго рисуетъ безчеловѣчныя отношенія пановъ - поляковъ къ своимъ крестьянамъ и месть за послѣднихъ со стороны козаковъ и скорѣе производитъ трагическое впечатлѣніе. Ляхъ вывозитъ мужика въ клѣткѣ на торгъ и запродаетъ его жиду за 100 злотыхъ. Онъ уже не жалѣетъ больше схизматицкой крови:

Пусть же, когда ужъ такая перемѣна стала,
Что до сихъ поръ святая вольность трвала (продолжалась),
А теперь наши хлопы противъ насъ бунтуютъ
И козаки на польскую корону вотуютъ,
Чтобъ искоренить всякія ея цноты (доблести)
И отобрать до себя шляхетски клейноты,
И такую-то пораду себѣ всеймовали,
Чтобъ наши подданные на насъ и повстали,
Не дождутся того, чтобы то такъ было,
А будемъ воевать, лишь бы счастье служило.
Подданство свое продамъ, ужъ теперь не треба,
А въ войскѣ какъ нибудь найду кусокъ хлѣба,
И буду самъ воевать, пока силъ станетъ.

Къ ляху приходитъ жидъ и спрашиваетъ его о цѣнѣ.
Ляхъ. Немного я, жизю, хочу за своихъ подданныхъ.
Жидъ. А якъ много цирвониxъ, казы, васецъ пане!
Ляхъ. Чтобы не торговаться, дай, жизю, 100 злотыхъ!
А когда мнѣ война случится,

---

[1]) Тамъ же, вып. II, стр. 167—168.

И чтобы въ тотъ часъ были деньги готовы:
Вразъ червоными платить будешь голову въ голову.

Сторговавши мужиковъ, жидъ опасается, чтобы они не обокрали его ночью, и потому выпрашиваетъ у пана позволенія вязать имъ на ночь руки и ноги и связывать одного съ другимъ.

Ляхъ. Я, орендарю, тебѣ такъ и приказую:
Пусть одинъ и другой съ нимъ связаны ночуютъ.
Муж. А будь ласкавъ, паночку, змилуйся надъ намы!
Хочъ самы мы будемо володать руками.
А то несвѣцкій соромъ прійшлося терпѣты,
Несподѣване лихо ось в турмѣ сидѣты
Прійшлось, а теперь моя нещасная доле:
Тилко що бувъ бичаткомъ выихавъ у поле,—
Ажъ ось ти, пане, бѣжишь до мене на ниву;
А минѣ казалы бика запрягати.
Дакъ я вже то сюд, то туд, да и покинувъ жаты,
І посовтавъ до дому, да всовтався въ лихо:
Нѣкуды вже бѣнчати, тѣлко сидѣть тихо.
Козакъ. Щобъ то се за причина, и якъ розважати,
Що ляхи шилихвости людій продавати
Почали? Да не знаю, шо то с того війде,
Якъ на ляха година нещаслива прійде
За те, що хрестьянску кровь жидамъ орендуютъ.
Десь-то на себе лихо якесь вѣщуютъ.
Да ще будетъ имъ лихо, нехай пождутъ трохы;
Бо мы вже взнали добре ляховецки здохы.
Тулки ихъ помаленку будемо нуздати,
То вони заречутся хрестянъ продаваты.

Увидѣвъ козака, мужикъ проситъ его „вызволить з сего лиха“ и разсказываетъ ему о другихъ жестокостяхъ своего пана:

Ще ото маюсь: хотѣвъ заслать на каналы
Якъ на работу,—такъ іого стали мы просити,

Щобъ не славъ туди,—ажъ жидъ пришовъ, щоб купити
Насъ, а вунь и запрягъ у ярмо Потапа,
А надо мною знучавсь—собачая лапа,
Да ще уперъ у турму, щоб тутъ намъ сидѣти".

Козакъ вызволяетъ мужиковъ изъ неволи и самого ляха съ жидомъ запрягаетъ въ ярмо.

Единовременно съ пасхальными интерлюдіями и мистеріей М. Довгалевскаго явилось въ Кіевѣ и другое драматическое произведеніе на Пасху, хотя и не назначенное для представленія на сценѣ. Это — аллегорическая „брань честнихъ седми добродѣтелей зъ седми грѣхами смертними, въ человѣцѣ путнику такъ всегда, яко найпаче въ дни святия великія четиридесятницы резидуючая, по чину седмицъ ея імагинацѣею пѵітическою и риѳмомъ описанная 1737 года, априля 9 дня", экзаминатора іеромонаха Іоасафа Горленка, посвященная митрополиту кіевскому Рафаилу Заборовскому [1]). Мотивъ этого произведенія—древній, такъ какъ олицетвореніе седми смертныхъ грѣховъ встрѣчается еще въ „Дѣйствіи на страсти Христовы", XVII вѣка; но Горленко писалъ свою „Брань" не для великопостныхъ дней, а на праздникъ Пасхи. Общій ходъ произведенія Іоасафа Горленка, которое состоитъ изъ 7-ми главъ, слѣдующій:

Человѣкъ пришлецъ въ свѣтѣ, сей на земли странній
  Прохождаше вся окрестъ вселеннія страни,
Ищуще безсмертія въ временной сей жизни,
  Въ немъ хотя положити часть своей отчизни.
И се абіе врагъ нань пападе на пути,
  Врагъ хотяще убити, зѣло зѣло лютій.
Онъ же брань съ нимъ сотворивъ, не по своей силѣ,
  Противъ крипчайша бо ставъ въ немощномъ симъ тѣлѣ,
Зъ седми грѣхи смертними началъ воевати,
  Обаче не возможе плоть духа попрати.

---

[1]) Рукопись Кіев. дух. Академіи, по печатному описанію № 664.

Уязвленный грѣховными стрѣлами, человѣкъ призвалъ на помощь семь добродѣтелей—смиреніе, благоутробіе, цѣломудріе, любовь, постъ, кротость и побожность, которыя и вступили въ борьбу съ противоположными грѣхами—гордостью, лакомствомъ, блудомъ, завистью, обжирствомъ, гнѣвомъ и лѣностью. Различныя перипетіи этой войны пріурочены къ извѣстнымъ седмицамъ и днямъ великаго поста. Однажды добродѣтели были побѣждены и прогнаны съ поля битвы.

Тогда добродѣтелей грѣхи съ поля збивши,
Вскочили къ человѣку въ обозъ и, вловивши,
Въ плѣнъ послали далеко, въ страну свѣта инну,
Въ работу тоя страни люту гражданину.

Между тѣмъ добродѣтели, потерпѣвъ пораженіе, послали на небо Молитву съ просьбою о помощи и, получивъ ее, снова начали войну со врагомъ. Заступленіемъ Матери Божіей и силою честнаго креста онѣ побѣдили войско грѣховное. Но торжество побѣды омрачалось неизвѣстностью о судьбѣ человѣка, изъ за котораго была война; ибо никто не зналъ той страны, куда онъ отведенъ былъ въ плѣнъ. Искали его всюду, и по пустынямъ, и наконецъ отъ Маріи Египетской получили извѣстіе, что—

Страна тая
Далеко есть, да ктому жъ къ ней дорога злая
Небезпечна; лежитъ бо чрезъ смертни предѣли,
Въ той путники не едни глави положили.

Тогда добродѣтели посылаютъ разъ, другой и третій въ эту страну для освобожденія плѣннаго человѣка, но посланные не возвращаются; посылаютъ затѣмъ Лазаря, но и онъ не возвратился назадъ. Наконецъ само Слово Божіе идетъ на освобожденіе плѣнника, отдаетъ плоть свою на снѣденіе сухореброй смерти, а само душею проникаетъ сквозь врата ада, побѣждаетъ его и освобождаетъ плѣнника изъ оковъ. Тогда оно снова облекается въ побѣдонос-

ное свое тѣло и воскресеніемъ своимъ творитъ всемірную радость.

Послѣднее драматическое произведеніе разсматриваемаго періода есть пьеса, подъ заглавіемъ „Образъ страстей міра сего образомъ страждущаго Христа исправися", состоящая изъ трехъ актовъ. Г. Голубевъ, въ первый разъ издавшій эту пьесу, положительно утверждаетъ, что она „сочинена не для представленій въ Кіевѣ", и предполагаетъ, что она составлена однимъ изъ кіевскихъ піитовъ, вызванныхъ въ Смоленскъ тамошнимъ епископомъ Гедеономъ Вишневскимъ въ качествѣ наставника поэзіи въ новоустроенную имъ коллегію. „Если принять во вниманіе, — говоритъ онъ,—что сборникъ, откуда заимствована означенная пьеса, поступилъ въ академическій музей изъ Смоленской семинаріи, то подобному предположенію нельзя отказать въ правдоподобіи" [1]). По нашему же убѣжденію, пьеса написана именно для представленія въ Кіевской Академіи, посвящена кіевскому митрополиту Рафаилу Заборовскому и съ достаточнымъ основаніемъ можетъ быть отнесена къ 1739 году. Мы не говоримъ уже о томъ, что въ реторическихъ и піитическихъ отрывкахъ сборника прямо указывается на кіевское происхожденіе его [2]), такъ какъ пьеса могла имѣть только случайную связь съ ними; но въ самой этой пьесѣ есть указанія на то, что она написана въ честь кіевскаго митрополита Рафаила Заборовскаго и представлена была въ Кіевской Академіи. Въ пятой сценѣ третьяго акта пьесы заключаются привѣтствія слушателямъ ея, съ опредѣленнымъ указаніемъ ихъ фамильныхъ гербовъ. Здѣсь на разные лады варьируется описаніе герба, состоящаго изъ креста съ сердцемъ и діадемою. А это есть гербъ польской фамиліи Заборовскихъ изъ которой про-

---

[1]) Труды Кіев. дух. Академіи, сентябрь, 1877 г., стр. 577—8.

[2]) Описаніе рукоп. церковно-археологич. музея при Кіев. Акад., № 660

скодилъ Рафаилъ Заборовскій, усвоившій себѣ этотъ гербъ. Въ піитическомъ руководствѣ 1736 года мы находимъ слѣдующее описаніе герба Рафаила Заборовскаго: „діадема, крестъ съ сердцемъ гербъ есть Рафаила, имъ же его знамена крестоносна сила“ [1]). Но такъ какъ фамилія Заборовскихъ раздѣлялась на нѣсколько вѣтвей и входила въ родственныя связи съ другими фамиліями; то въ пьесѣ описаны гербы и нѣкоторыхъ изъ этихъ отраслей, а также гербы фамилій Покоръ и Дуниновъ, о послѣдней изъ коихъ несомнѣнно извѣстно, что она находилась въ родственныхъ связяхъ съ фамиліей Заборовскихъ [2]). Такимъ образомъ въ пьесѣ представлена довольно полная генеалогія фамиліи митрополита Рафаила Заборовскаго, въ честь котораго и должна быть написана пьеса. Послѣднее подтверждается и самымъ содержаніемъ пьесы, имѣющимъ непосредственное отношеніе къ Рафаилу Заборовскому и его времени.

При слабомъ предшественникѣ его Кіевская Академія пришла въ упадокъ. Рафаилъ возвысилъ ее въ ученомъ и экономическомъ отношеніяхъ. „Радѣя всячески объ успѣхѣ и процвѣтаніи роднаго своего училища, — говоритъ одинъ изъ историковъ академіи,—митрополитъ Рафаилъ положилъ перенести въ него все, что было лучшаго въ тогдашнихъ европейскихъ университетахъ. Для этого, избравъ способнѣйшихъ воспитанниковъ, онъ отправилъ ихъ за границу, снабдивъ собственно отъ себя всѣмъ нужнымъ“ [3]). Эти-то и подобныя заботы Рафаила Заборовскаго о поднятіи научнаго уровня въ Кіевской Академіи и представляетъ пьеса въ слѣдующихъ стихахъ:

Пойду убо поищу учителя зрадна
Моимъ чадомъ, во всякой добротѣ отрадна

---

[1]) Рукопись Кіево-Михайлов. монастыря, № 1713.

[2]) Herbarz polski, Несецкаго, t. X, стр. 10—12, подъ фамиліей Zaborowski.

[3]) „Кіевъ съ его древнѣйшимъ училищемъ Академіею“, Аскоченскаго, т. II. стр. 88—89.

Да на путь ученія добрѣ ихъ наставитъ
И во всемъ исполненныхъ предъ всѣми явитъ.
Не хощу бо ихъ быти тмою помраченныхъ
Неразумія, но да вижду просвѣщенныхъ
Разумомъ и мыслію и всякими дѣлы,
Пойду искать учаща во своя предѣлы (т. е. въ Псковъ, гдѣ Рафаилъ былъ епископомъ).

Не меньше Рафаилъ заботился и о внѣшнемъ благосостояніи академіи. Обветшавшія зданія академическія требовали поддержки и перестройки. „Рафаилъ Заборовскій вноситъ своихъ тысячу шесть сотъ сорокъ рублей и начинаетъ перестройку академическихъ зданій. Въ короткое время, вмѣсто старыхъ и обветшалыхъ, являются новыя помѣщенія для учениковъ, изъ которыхъ бѣднѣйшихъ онъ принимаетъ на свое собственное иждивеніе. На мѣстѣ бывшей сначала гостинницы, обращенной потомъ Петромъ Могилою въ пристанище для сиротъ и другихъ странниковъ, Рафаилъ возводитъ *Великую Бурсу*, такъ названную въ отличіе отъ бурсъ, находившихся при церквахъ приходскихъ... Кромѣ этого, надъ каменнымъ корпусомъ, построеннымъ еще Мазепою, Рафаилъ возводитъ второй этажъ, по плану архитектора Шейдена, съ огромною колоннадою Тосканскаго ордена, и созидаетъ тамъ же Благовѣщенскую академическую церковь“. Нынѣшняя академическая церковь, библіотека и конгрегаціонная (портретная) зала — все это дѣло рукъ Рафаила Заборовскаго. „17 іюля, 1739 года, въ первый разъ происходило торжественное собраніе во вновь устроенной залѣ. Чтобъ увѣковѣчить это событіе и доказать глубочайшую свою признательность архипастырю-благодѣтелю, академисты на публичномъ диспутѣ поднесли Рафаилу отличнѣйшую картину, сочиненную и исполненную однимъ изъ воспитанниковъ сего училища Григоріемъ Левицкимъ“ [1]). Это-то новое зданіе, а не новоустроенную

---

[1]) Тамъ же, стр. 80—81 и др.

въ Смоленскѣ школу, и слѣдуетъ понимать въ разсматриваемой пьесѣ, которая, поэтому, можетъ быть отнесена къ тому же 1739 году.

Имѣя ближайшее отношеніе къ личности Рафаила Заборовскаго, пьеса — „Образъ страстей міра сего" касается и внутренняго состоянія тогдашней Кіевской Академіи, и даже политическаго положенія современной Украины, а потому имѣетъ для насъ двойной интересъ.

Впрочемъ, не всѣ части пьесы одинаково интересны. Первый актъ имѣетъ цѣлію доказать суету міра и вѣчность мудрости:

Тако непостоянна, тако неключима
Въ мірѣ суетою вся уничижима.
Едину токмо мудрость отъ сихъ раздѣляю,
Сію бо едину азъ вѣчну быти знаю.

Суета міра доказывается классическими и библейскими примѣрами. Въ шести сценахъ перваго акта поочередно выступаютъ Гераклитъ и Демокритъ, Каинъ и Авель, фарисей и мытарь, свѣтъ въ гордости и славѣ и плоть съ діаволомъ; Атлантъ, Іовъ, евангельскій богачъ и убогій Лазарь, евангельскій купецъ, впадшій въ разбойники и проч.

Со втораго акта собственно начинаются бытовые и историческіе намеки. Какъ и въ первой рождественской интерлюдіи Довгалевскаго, здѣсь прежде всего выступаетъ на сцену астрономъ и разсматриваетъ кругъ небесный. По нему онъ предусматриваетъ, что въ текущемъ году будетъ плодородіе, не будетъ вреда здравію и храбрости и не предвидится голоду. Къ астроному приходитъ Россія и спрашиваетъ у него: „удобно ли есть время, еже избираю, мнѣ ко наученію". Астрономъ находитъ, что она избрала самое благопріятное къ тому время, и предсказываетъ будущее поведеніе и успѣхи ея дѣтей въ ученьи:

Не еденъ разумъ всѣмъ зрю, госпоже, быти;
Богу бо возлюбися тако устроити:

Едину убо разумъ благъ и умъ дадеся,
Другому же инако отъ небесъ послеся.

После этого Россія идетъ искать изряднаго учителя для своихъ дѣтей и встрѣчается съ Палладой, которая слѣдующимъ образомъ хвалится своею мудростію:

Азъ госпожа премудрости всѣми есмь славима;
Всякъ, иже мене не вѣсть, слѣпъ есть очима.
Кто убо таковъ можетъ когда обрѣстися,
Бы безъ моего моглъ дара вознестися?
Нѣсть царь, нѣсть вождь, нѣсть крѣпкій, славенъ и богатій,
Даби безъ мене сія улучилъ пріяти.
Кто мудрости моея аще и во брани
Возыскуетъ, любезнѣ побѣждаетъ страни, и проч.

Она сама предлагаетъ Россіи свою помощь, беретъ ея дѣтей подъ свое покровительство и приглашаетъ на совѣтъ къ себѣ Аполлона, Туллія и Аристотеля, представителей поэзіи, краснорѣчія и философіи. Но, согласно предсказанію астронома, не всѣ дѣти Россіи съ одинаковою охотою внимали урокамъ мудрости.

„Два сына Россіи похваляютъ мудрость“, но третій сынъ тяготится ею и вступаетъ въ сообщество непослушанія, преслушанія и Бахуса. Подъ этимъ третьимъ сыномъ разумѣются тѣ самые лѣнтяи-бражники, о которыхъ мы говорили выше, и которые весьма часто обличаются въ школьныхъ письменныхъ упражненіяхъ XVIII вѣка. Этотъ блудный сынъ Россіи такъ отзывается о тогдашнемъ ученіи:

Аще кто таковую скорбь претерпѣваетъ,
В чемъ на семъ свѣтѣ яко въ мудрости бываетъ?
Къ сей мя болѣзни нынѣ прилѣпила мати;
Ниже что изучихся, кромѣ злѣ ридати.
Се ми мучительница, се узница бяше,
Кромѣ мя умертвити премудрѣ хотяше.

Избѣгохомъ бо отъ руки мучителя злаго,
Его же нарицаютъ учителя благаго.
Аще хощу пребывати живущи во мірѣ
Преблаго: не дамъ убо симъ злонравнымъ вѣры.
Пойду лучше въ погибель весма погибати,
Неже премудрость сію мнѣ воспріяти.

Такое же раздѣленіе въ мнѣніяхъ о мудрости существуетъ и внѣ школьныхъ стѣнъ. Здѣсь съ одной стороны является премудрый Соломонъ, къ которому приходитъ царица Савская съ дарами, съ другой Неронъ со свитою пороковъ, затыкающій уши отъ наставленій мудрости.

Въ послѣдней сценѣ втораго акта являются Беллона и Марсъ, поступающій въ ея державу. „Бунтъ жалѣетъ отвращенія Марсова", т. е. о подчиненіи его Беллонѣ, и обѣщается составлять бунты. Къ нему приходятъ обѣщаніе и отмщеніе. Послѣднее говоритъ:

Что глаголеши дерзко въ себѣ, о трекляте,
Душепагубній всѣми россійй супостате?
Гдѣ еси таковую своея державы
Воспріялъ крѣпость, яко претишь наша славы?
Не боиши ли ся сій противящъся власти?
За сіе ти требѣ есть воскорѣ препасти;
Всякъ, противяйся власти, противится Богу;
Вижду, яко отъ него казнь пріимеши многу.

Наконецъ бунтъ смиряется предъ обѣщаніемъ и отмщеніемъ и проситъ у нихъ милости, но напрасно: его связываютъ, „да не избѣгнетъ отъ руку, но да пріиметъ казнь и горькую муку".

Подъ Беллонной нужно разумѣть здѣсь Россію, къ которой присоединился украинскій Марсъ при Алексіѣ Михайловичѣ. Долго существовало недовольство этимъ союзомъ въ нѣкоторыхъ частяхъ Малороссіи и наконецъ разрѣшилось измѣной Мазепы, послѣ которой запорожскіе козаки передались Турціи и хану Крымскому. Но въ 1734 году,

какъ мы уже знаемъ,—императрица Анна Іоанновна простила запорожцамъ и разрѣшила имъ возвратиться въ предѣлы Россіи, гдѣ и основали они новую Сѣчь Запорожскую. По всей вѣроятности, въ пьесѣ и разумѣется этотъ новый союзъ Запорожскаго Марса съ всероссійскою Беллоной, съ указаніемъ на предшествовавшія ему смутныя обстоятельства въ козацкой исторіи.

Въ третьемъ актѣ „исходитъ Любомудріе, желая видѣти премудрости". Ангелъ извѣщаетъ его, что Мудрость уже знаетъ о желаніи Любомудрія и сама идетъ къ нему на встрѣчу. Она оставляетъ небесный престолъ свой, чтобы видѣть землю и повеселиться съ людьми, и исходитъ, поддерживаемая подъ руки дочерьми своими — Вѣрой, Надеждой и Любовію, представительницами богословскаго образованія. Подошедши къ „сѣни", она говоритъ, намекая на новыя постройки Рафаила:

Се покой мой, ту вселюся во вѣки
  И всегда назираяй буду съ человѣки.
Се во жилище прежде обрахъ себѣ благо,
  Се сотвору во вѣки, се предпочту драго.
Ко Вѣрѣ, Любви и Надеждѣ глаголетъ:
  И вы дщери, вонь же азъ вселихся, пріидѣте,
  Предуготовленній мнѣ покой предузрѣте!
Веселитися вамъ нынѣ благо есть со мною,
  Да пребудемъ во вѣки купно со собою

Вѣра, Надежда и Любовь изъявляютъ полное согласіе и вмѣстѣ съ матерью вселяются въ приготовленномъ для нихъ покоѣ. Къ нимъ приходятъ на поклонъ Любомудріе, Смиреніе и Чистота. Затѣмъ „исходитъ церковь тріумфующая", подъ которой можно разумѣть какъ восточную церковь вообще, такъ и академическую церковь, устрояемую Рафаиломъ Заборовскимъ. Къ церкви приходитъ прелесть, какъ представительница римской церкви, но ангелъ прогоняетъ ее и утверждаетъ церковь. Наконецъ „исходитъ

единомысліе и желаетъ весь міръ въ согласіи быти“. Вражда гнѣвается на единомысліе и говоритъ къ нему словами Овидія:

Что се? что, что хощеши въ свѣтѣ исправити?
Воистинну вся отъ моря вспять пойдутъ рѣки,
Мира же не исправишь между человѣки.
Слонце въ тму преминится, луна не дастъ свѣта,
Миръ же не будетъ во всякіе лѣта.
Удобѣе есть землю въ небо претворити,
Неже повсюду миру устроенну быти.

Но приходитъ благоустроеніе и заботится о томъ, чтобы „единаго Бога купно всѣ знали, въ тишинѣ и мирѣ и вѣрѣ единѣ живуще“. Оно препираетъ вражду и заключаетъ братскій союзъ съ единомысліемъ. Въ послѣдней сценѣ пьесы „ангелъ благовѣствуетъ миръ всѣмъ ближнимъ, отъ смерти Господа нашего Іисуса Христа исполненній“, и описываетъ фамильные гербы Рафаила Заборовскаго, о которыхъ мы говорили выше.

IV.

Четвертый періодъ Кіевской драмы XVIII вѣка обнимаетъ собою время царствованія Елизаветы Петровны (1741—1761 г.). Это время ознаменовано было поворотомъ русской политики въ національную сторону и процвѣтаніемъ сѣверно-русской литературы, главнымъ представителемъ которой и пѣвцомъ Елизаветинскаго царствованія является Ломоносовъ. Къ этому же времени получили всеобщую извѣстность и сатиры Кантемира. Вліяніе же этихъ лучшихъ по тогдашнему времени представителей русской литературы не могло не отразиться и на современной южно-русской литературѣ, и между прочимъ—драматической. Прежнее обаяніе Ѳ. Прокоповича еще не исчезло; но рядомъ съ нимъ мы видимъ теперь въ Кіевской Академіи возрастающее уваженіе къ Кантемиру и Ломоносову, проглядывающее какъ въ частыхъ выпискахъ изъ ихъ произведеній, такъ и въ нарочитомъ подражаніи имъ.

Къ этому времени относятся слѣдующія южно-русскія драматическія произведенія: 1) Трагедокомедія Варлаама Лащевскаго „о награжденіи въ семъ свѣтѣ пріисканныхъ дѣлъ мзды въ будущей жизни вѣчной", около 1742 года; 2) Панегирикъ Елизаветѣ Петровнѣ, по случаю посѣщенія ею Кіева въ 1744 году, Михаила Козачинскаго; 3) „Благоутробіе Марка Аврелія", по тому же случаю и того же Козачинскаго; 4) Діалогъ двухъ студентовъ предъ Елизаветою Петровною, 1744 года; 5) Трагедокомедія Григорія Савича Сковороды, къ сожалѣнію недоступная для нашего изслѣдованія [1]; 6—7) Трагедокомедія Георгія Конисскаго о воскресеніи мертвыхъ, съ интерлюдіями къ ней, 1746 года, и 8) Трагедокомедія, нарицаемая Фотій, Георгія Щербацкаго, 1749 года.

Первымъ драматическимъ произведеніемъ этого періода была „трагедокомедія о тщетѣ міра сего, составленная Варлаамомъ Лащевскимъ и репрезентованная въ Академіи Кіевской", или „о награжденіи въ семъ свѣтѣ пріисканныхъ дѣлъ мзды въ будущей жизни вѣчной", около 1742 года [2]. Трагедокомедія эта—переходнаго характера. Самымъ названіемъ своимъ напоминая любимую Ѳ. Прокоповичемъ драматическую форму, она мѣстами съ большою точностію повторяетъ его мысли, но вмѣстѣ съ тѣмъ представляетъ и новый элементъ въ южно-русской драмѣ.

Мы видѣли, какъ въ „разговорѣ гражданина съ селяниномъ да съ пѣвцомъ или дьячкомъ церковнымъ" Ѳеофана Прокоповича гражданинъ отзывался о недоучившихся латинникахъ: „письменніи почитай вси суть,—говорится здѣсь о латинникахъ,—но не вси, сказуй, разумніи; иніи бо токмо читать или писать знаютъ и тѣмъ величаются; аще же раз-

[1]) Свѣдѣніе о ней см. въ „Украинской Старинѣ", Гр. Данилевскаго, Харьковъ, 1866 года, стр. 91.

[2]) Изд. въ „Лѣтописяхъ русск. литературы", 1859 г. т. I, отд. III, стр. 3—10; ср. Описан. рукоп. Церковно-археологич. Музея, № 477. Что она писана около 1742 г., это заключаемъ изъ того, что въ этомъ году авторъ былъ учителемъ піитики. См. „Кіевъ съ его древнѣйшимъ училищемъ Академіею", Аскоченскаго, т. II, стр. 109.

глагольствовать по-латыни умѣютъ, уже зѣло себе мудрыхъ быти мечтаютъ, презирая гордо прочіихъ всѣхъ, неучившихся письма латинскаго". Тоже говоритъ и Варлаамъ Лащевскій въ своей трагедокомедіи:

Иніи букварь токмо в375учать единій,
Да когда еще знаютъ что и отъ латини,
Запроси отъ писаній вездѣ сочиняютъ,
Аки-бы всѣхъ мудрѣйши были притвораютъ.
А спросить къ спасенію нужнѣйшаго слова,—
Безотвѣтна увидишь того суеслова.

Въ другомъ разговорѣ „тектона си есть древодѣла съ купцомъ" Ѳ. Прокоповичъ старается показать различіе между церковію рукотворенною и нерукотворною. Тоже доказываетъ въ своей трагедо-комедіи и Варлаамъ Лащевскій, говоря отъ лица церкви:

Нѣсмь азъ церковь, яко мнятъ, отъ древъ нечувственныхъ,
Но отъ людей во Христовъ духъ соединенныхъ.

Но вмѣстѣ съ тѣмъ Варлаамъ Лащевскій имѣетъ въ виду и противодѣйствіе деистическому и атеистическому образу мыслей, не признававшему видимой церкви и отрицавшему личное безсмертіе человѣка. Лащевскій, довершившій свое образованіе за границей, могъ и тамъ непосредственно познакомиться съ деизмомъ; но могъ видѣть поверхностное и грубое отраженіе его и въ самой Россіи, гдѣ еще Кантемиръ обличалъ невѣруюшихъ въ бытіе Божіе, и гдѣ въ темное царствованіе Анны Іоанновны былъ полный просторъ практическому невѣрію и распущенности нравовъ. Поэтому Лащевскій съ одной стороны старается доказать личное безсмертіе человѣка и отвѣтственность его въ загробной жизни, съ другой—обличить распущенность современыхъ нравовъ и сдержать ее угрозами наказаній въ загробной жизни, а вмѣстѣ и поощрить праведниковъ въ ихъ бѣдствіяхъ. Вслѣдствіе этого, вся трагедокомедія носитъ на себя строгій, даже суровый характеръ.

Она раздѣляется на пять небольшихъ явленій. Въ пер-

вомъ изъ нихъ Церковь жалуется на своихъ невѣстъ и на скудость людей, перечисляетъ свои бѣдствія, претерпѣнныя ею въ лицѣ ветхозавѣтныхъ мучениковъ и исповѣдниковъ, и особенно останавливается на современномъ своемъ положеніи, какъ бы намекая на бѣдственное свое положеніе въ предыдущее царствованіе. Церковь говоритъ:

Симъ убо погибшимъ, папа возбѣсися,
 От папы Лютръ, отъ Лютра Калвѣнъ уродися:
Сіи нынѣ найпаче коль на мя зѣваютъ,
 Поглотить мя образи всѣми промышляютъ.
Слава Спасу моему, яко въ щитъ мя нынѣ
 Благовѣрной Россійской вручи монархинѣ!
И отецъ ея Петръ бысть въ щитъ мнѣ непостидній,
 И внукъ его тожь будетъ по ней Петръ наслѣдний.
Абы за благовѣрной токмо ихъ державы
 Въ благочестіи обще пожили всѣ правѣ.
Но то бѣда, что нинѣ множайшіи бывше
 Отъ числа хрістіановъ, мене жъ оставивше,
Овъ на куплю, овъ въ село, овъ же за женою, —
 Вси пошли во слѣдъ міра, вси за суетою.

Во второмъ явленіи выходитъ на сцену Міръ, гордится множествомъ своихъ послѣдователей и тѣмъ подтверждаетъ жалобы Церкви на скудость истинно вѣрующихъ сыновъ ея. Вспомянувъ о древнемъ идолопоклонствѣ, Міръ замѣчаетъ слѣды его и между христіанами:

Да и между самими христіанской вѣри
 Коликіе остались и доднесь кумири!
Вси, иже знахорствуютъ, шепчутъ, обаяютъ—
 Идоловъ моихъ въ помощь себѣ призиваютъ.
Да отъ тѣхъ же хрістіанъ пріятъ часть премнога
 Собственное чрево свое вмѣсто Бога,
Ему же множайшіи толма работаютъ,
 Яко и животъ свой весь на то изнураютъ,
Какъ бы е аки юнци сластьми упитати,
 Откуду бы щоденно пири составляти.

Которому едина нива угобзися,
И той глаголетъ чреву: яждь, пій, веселися!
Множайшіи отъ утра до вечера піютъ,
Маліе имъ стакани вовся не довлѣютъ,
Болшими наливати какъ барило тѣло,
То ихъ чрезъ все житіе едино дѣло.
Протчіи вмѣсто боговъ протчое избраша,
Множайшіи честь тую плоти своей даша.
Сице Содомли дщери ревности служаху:
Что сердце вожделѣло, то любодѣяху.
Нѣтъ ли плоти и нынѣ во людехъ Содому?
Содомъ дѣется едва не во всякомъ дому:
Что вижу шинки? Токмо Содомскіе двори.
Что слишу гласъ въ *перезвахъ*[1])? гласъ иній Гомори", и пр.

Въ третьемъ явленіи „благодать Божія, въ потѣшеніе Церкви, и въ укореніе Міра: будущая воздаянія праведнимъ и грѣшнимъ припоминаетъ". Въ четвертомъ явленіи раскрывается картина загробной жизни. „Виходитъ два лица женскаго полу, една отъ благодати, другая отъ муки, благочестива и злочестива", одна съ веселіемъ, другая съ жалобою на свою участь. Оказывается, что обѣ онѣ были дочери нѣкоего Вротоса (смертнаго), гражданина города Космополя, изъ коихъ одна называлась Агафіей, а другая—Фавлей. Агаѳія вела себя скромно и честно, а Фавля разсказываетъ о себѣ слѣдующее:

Знаю, и я знаю,—
Какъ многихъ своимъ, было, образомъ прелщаю:
Вимивахся по всякъ часъ, не ступихъ безъ мила,
Благовонніе краски, драгіе бѣлила
Устроевахъ на тварѣ (лицѣ), очерня все цвѣти
Прилѣпляхъ зловонніе мушки на ланити.

---

[1]) Перезва—визитъ новобрачныхъ родителямъ невѣсты, на другой день послѣ брака.

А нинѣ, яко зриши, тваръ оная бѣла
Какъ жупелемъ геенскимъ вовся очернѣля?
Краски моя суть нынѣ огнь неугасимій,
Аромати въ тлѣніи смрадъ неистерпимій,
Мушки живіе—печаль, червь неусипаяй
По тварѣ и всемъ тѣлѣ сидитъ угризаяй...
Уви мнѣ, яко ходихъ по игрищахъ всюду,
По улицяхъ, по валахъ разхождахъ повсюду!
Уви мнѣ, яко всяко искусна бѣхъ лстити
И самима очима умѣхъ говорити!
Уви, яко на умѣ мнѣ танци да пляси,
Музики, студни лики бѣху по вся часи!
Уви, яко въ перезвахъ безъ всякаго срама
Срамословихъ и воплихъ и плескахъ рукама!

Затѣмъ Фавля снова описываетъ свои мученія, сходныя съ мученіями грѣшницы въ старинныхъ русскихъ повѣстяхъ, и проситъ сестру свою Агаѳію, не можетъ ли она дать ей какую либо малую отраду. Но послѣ смерти уже нѣтъ покаянія и избавленія,—и обѣ сестры расходятся по своимъ мѣстамъ.

Въ пятомъ явленіи выходятъ два юноши, бывшіе свидѣтелями свиданія сестеръ, и разсуждаютъ о наградахъ и наказаніяхъ на томъ свѣтѣ, выводя нравоученіе для различныхъ классовъ и слоевъ общества. Между прочимъ, они обличаютъ неправедныхъ судей, любострастныхъ женщинъ, нерадивыхъ и корыстолюбивыхъ пастырей и проч.

Второй. Аще бы здѣ судія какій присмотрѣлся,
Какъ преславно во синѣхъ Божіихъ вмѣнился
Судившій людемъ право, впротивъ обидящій
Какъ безъ милости во огнь осужденъ горящій,—
Отселѣ не снѣдалъ бы вдовичого дому,
Не хотѣлъ бы обиди творити нѣкому.

Первый. Оби вняли прилежно дѣвици и жени,
Какъ цѣломудра внійде на бракъ торжественній,
Юрода же, по стогнахъ плясавшая градскихъ,

Какъ стенетъ безутѣшно въ узилищахъ адскихъ.—
Беззаконно бы дѣвство свое не теряли,
Въ супружествѣ оное бъ чисто сохраняли.
Второй. Дабы и вси внушили пастиріе стаду,
Коль пастиръ вѣренъ бывшій взя мзду безъ прикладу,
Расточивій же овци пастырь неключимій
Стенетъ нынѣ лютими муками томимій,—
Хранилъ бы всякъ тщаливо своея огради
Страха Божія паче, не доходовъ ради...
Онъ же. Видѣть безъ слезъ не мощно, что глаголи жизни
Нынѣшній вѣкъ приведе вконецъ укоризни.
Елико кощунствуютъ кощуни безстудни,
Гдѣ канти, комплементи слагаются блудни,—
Матерія сь писаній кощуномъ готова,
Въ кантахъ студнихъ начало отъ Божія слова.
Первый. Въ крайной и тѣ имѣютъ оное огидѣ,
Кои слышаще слово у другихъ въ бесѣдѣ,
Называютъ коеюсь—то пиворѣзнею.

Въ заключеніе оба юноши рѣшаются неуклонно слѣдовать по правому пути добродѣтелей, дабы достигнуть вѣчнаго блаженства.

Послѣ трагедокомедіи Варлаама Лащевскаго, кіевская драма принимаетъ два различныя между собою направленія: одно свѣтское, параллельное съ свѣтской сѣверно-русской литературой того времени, другое—духовно-нравственное въ прежнемъ тонѣ, но мало по малу подчиняющееся первому изъ сихъ направленій. Къ свѣтскимъ произведеніямъ этого времени относятся стихотворенія Михаила Козачинскаго и діалогъ двухъ студентовъ, 1744 года; къ духовно-нравственнымъ и религіознымъ—трагедокомедіи Георгія Конисскаго и Георгія Щербацкаго.

Въ 1744 году императрица Елизавета Петровна предприняла путешествіе въ Кіевъ на богомолье. По этому случаю Русскіе Аѳины, т. е. Кіевская Академія, озаботились достойно встрѣтить и привѣтствовать императрицу. Пре-

фектъ Академіи, іеромонахъ Михаилъ Козачинскій, сочинилъ панегирикъ изъ нѣсколькихъ риѳмовъ или одъ и пьесу „Благоутробіе Марка Авреліяˮ, а студенты произнесли стихотворный діалогъ предъ императрицею.

Панегирикъ Козачинскаго Елизаветѣ Петровнѣ [1]) не относится къ драматическимъ произведеніямъ, но по своимъ характеристическимъ чертамъ имѣетъ важное значеніе для объясненія пьесы того же автора—„Благоутробіе Марка Авреліяˮ,

Самое названіе риѳмовъ панегирика „одамиˮ [2]) сближаетъ его съ одами Ломоносова въ честь Елизаветы Петровны. Есть пункты соприкосновенія между Ломоносовымъ и Козачинскимъ и въ стихосложеніи. Вотъ напр., начало первой оды Козачинскаго:

Безначальный и всехвальный!
Милость Твою, Боже,
Кто есть силенъ, изобиленъ
Сказать? Ей, никтоже.

Повидимому эти стихи, за исключеніемъ послѣдняго, написаны тоническимъ хореемъ. Въ дѣйствительности же это есть не что иное, какъ силлабическіе леонинскіе стихи, сущность которыхъ состоитъ не въ тоническомъ размѣрѣ, а въ риѳмѣ. Сначала этотъ леонинскій стихъ состоялъ въ томъ, что имѣлъ риѳму или въ окончаніи каждаго стиха, или въ окончаніи обоихъ полустишій его, раздѣляемыхъ цезурою. А такъ какъ риѳма требовала сходства двухъ, по крайней мѣрѣ, слоговъ и словъ болѣе или менѣе созвучныхъ и равномѣрныхъ; то леонинскій стихъ имѣлъ какъ бы нѣкотораго рода тоническій размѣръ. Такими леонинскими стихами написано первое стихотвореніе Ломоносова:

Весна катитъ, зиму валитъ
И ужъ листикъ съ древомъ шумитъ, и проч. [3])

---

[1]) Панегирикъ этотъ изданъ въ Кіевѣ, въ 1744 году.

[2]) Риѳмъ 1, лист. 12.

[3]) Мы пользовались имъ въ рукописи Кіевск. Академіи, по опис. № 661.

Въ послѣдствіи времени стали дѣлить леонинскій стихъ на три части и для каждой изъ нихъ требовать особенной риѳмы, а слѣдовательно и большаго числа созвучныхъ словъ, расположенныхъ на опредѣленномъ мѣстѣ, вслѣдствіе чего леонскій силлабическій стихъ естественно переходилъ въ тоническій, какъ это мы видимъ на вышеприведенныхъ стихахъ М. Козачинскаго, такъ что одинъ изъ историковъ Кіевской Академіи, повидимому, признавалъ леонинскіе силлабическіе стихи Козачинскаго за тоническіе [1]. Такимъ образомъ силлабическій южно-русскій стихъ мало по-малу сталъ сближаться съ Ломоносовскимъ тоническимъ стихомъ и пролагать послѣднему дорогу въ южно-русской литературѣ.

Приближаясь къ стиху Ломоносова, Михаилъ Козачинскій проводилъ въ своихъ одахъ тѣ же мысли и чувства, какія высказывалъ и Ломоносовъ въ своихъ одахъ. Оба эти писателя были выразителями общихъ чувствъ людей русскихъ, видѣвшихъ въ Елизаветѣ свою родную государыню, освободившую ихъ отъ иноземнаго владычества. Въ своихъ одахъ Козачинскій описываетъ стѣсненное положеніе Елизаветы и печальное состояніе Россіи по смерти Петра Великаго и Екатерины I, желаніе видѣть на престолѣ Петрово племя и радость при исполненіи желанія.

Гдѣ бо волны бѣдъ злыхъ полны
    Страшныя якъ въ морѣ?
Расточились, премѣнились
    Словомъ суща горѣ.
Онъ бо силный вопль умилный
    И гласъ внушилъ слезный,
Еще жъ нужный страхъ окружный,
    Якъ отецъ любезный.
Что жъ творитъ, да ускоритъ
    Въ помощь? Приникаетъ

---

[1]) Кіевъ съ его древнѣйшимъ училищемъ Академіею, Аскоченскаго, т. II. стр. 55.

Онъ незримо съ небесъ сѣмо
И тако вѣщаетъ:
Еда-ль ковы неистови
На Петровъ восташа
Домъ державный, міру славный?
Коль тщетна мысль ваша!
Съ нимъ азъ буду, пребузбуду,
Въ немъ азъ воцарюся
Вожделѣнно, непремѣнно
Здѣ во вѣкъ вселюся [1]).

Самое восшествіе Елизаветы на престолъ описывается слѣдующимъ образомъ: Богъ—

Елисавети повелѣ дерзати
И всероссійскій скипетръ воспріяти:
Людемъ отъялъ страхъ, да сердце излiютъ
И мысль открыютъ.
Іспусти жъ противъ враговъ нечаянно
Бурю и смутилъ ихъ непостоянно.
Се есть измѣна вышняго десницы:
Врагъ есть въ темницѣ.
Аки воды, людѣ стогны загустили,
Какъ гласъ оружный купно возопили:
Віватъ ты наша Монархиня нова,
Духъ, кровь Петрова [2]).

Вслѣдъ за вѣстію о воцареніи, послѣдовали различные указы, благодѣтельные для Россіи:

Единъ обиды щедро награждаетъ:
Другій невинныхъ отъ узъ свобождаетъ:
Превращаетъ же кирхи иновѣрны
Въ храмъ благовѣрный.
Рабомъ смертію претитъ—посты святы
Съ еретиками впредь не оскверняти.

---

[1]) Панегирикъ, л. 8.
[2]) Тамъ же, л. 26 на обор.

Ежели жъ ино что внесоша врази,
Спразнятъ указп [1]),

Подобные стихи встрѣчаются и въ другомъ произведеніи Михаила Козачинскаго на прибытіе Елизаветы въ Кіевъ, именно въ пьесѣ „Благоутробіе Марка Авреліяˮ [2]); но здѣсь они играютъ служебную роль, какъ привѣтственныя пѣсни или канты. Одинъ изъ нихъ начинается такъ:

Доброгласныхъ
Музъ прекрасныхъ
Что́ за гласы
Въ сіи часы?
Въ стрѣчъ собранны красны лики
Гримлятъ славно риторъ крики.
Россы зрите,
Вси внушите:
Се Елисаветъ,
Коей равной нѣтъ,
Градъ свой Кіевъ посѣщаетъ,
Зракъ пресвѣтлый свой являетъ
Всѣмъ во немъ живущимъ
Правовѣрнымъ сущимъ, и т. д.

Но общій тонъ и ходъ пьесы мало разнится отъ предшествовавшихъ мистерій и трагедокомедій и отличается развѣ свѣтскимъ содержаніемъ и сравнительною чистотою славяно-русскаго языка.

Эта пьеса, состоящая изъ трехъ дѣйствій, кромѣ пролога и эпилога, представлена была въ день тезоименитства Елизаветы Петровны, 5 сентября, 1744 года, „при тщаніи и досмотрѣ іеромонаха Михаила, академіи Кіевской префектаˮ.

---

[1]) Тамъ же, л. 27.

[2]) Экземпляръ есть въ церковно-археологическомъ музеѣ при Кіев. Академіи. Изложеніе этой пьесы—въ Кіевскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ за 1871 г., № 1.

Прологъ состоитъ изъ трехъ явленій. Первое явленіе начинается споромъ Гнѣва съ Благоутробіемъ, повидимому олицетворяющими тяжелыя времена Россіи послѣ смерти Екатерины I и до восшествія на престолъ Елисаветы Петровны и благодушное царствованіе послѣдней. Благоутробіе одолѣваетъ. Являются пять добродѣтелей Ея Величества: „Милость и Истина срѣтаются", потомъ „Правда и Миръ облобызаются", а потомъ Мужество къ нимъ приходитъ съ слѣдующею рѣчью, въ которой намекается на обстоятельства восшествія Елисаветы на престолъ и на характеръ ея царствованія:

Почто аки смятени? Что вси суть унылы,
Аки бы потеряли чувства и вся силы?
Милость ускаржается, истина рыдаетъ,
Будьто ихъ съ предѣлъ Росскихъ неправда згоняетъ.
Правда такожде скорбитъ, а Миръ печалуетъ,
Аки бы онъ съ протчими того и не чуетъ,
Что по часѣ толь лютомъ, по часѣ пребѣдномъ.
Россія на престолѣ сидящу наслѣдномъ
Имѣетъ Елисаветъ. О Россійска мати!
Кій языкъ, кое слово сильно показати,
Елисаветъ Петровна, ты въ дѣлѣ и словѣ
И во всемъ подобишся первому Петровѣ.
Онъ бо Кіевъ посѣщалъ, ты тожде твориши;
Нѣсть раба, подданна въ комъ не благоволиши.
Съ тобою милость, правда, съ тобою миръ златый,
Въ сердцы Богъ почиваетъ въ милости богатый.
Аще убо Богъ съ нами, то кто уже на ни?
Елисаветъ страхъ творитъ и надъ Агаряни.

Второе явленіе пролога состоитъ изъ анаграммъ, представленныхъ перемѣщеніемъ тѣхъ же буквъ „чрезъ сальты, глаголемые тарчовые".

Явленіе третіе началось выѣздомъ олицетвореннаго Кіева на золотомъ возѣ, о которотъ, па основаніи „Исторіи Россовъ" псевдо—Конисскаго, до 1870 года существовало

сбивчивое представленіе. Въ этой исторіи разсказывается о встрѣчѣ Елизаветы Петровны Кіевлянами слѣдующее: „Отъ Кіевской Академіи, помощію выписанныхъ машинъ и своего изобрѣтенія дѣланы государынѣ разныя удивительныя явленія къ ея удовольствію; между прочимъ выѣзжалъ за городъ важный старикъ самаго древняго виду, великолѣпно прибранный и украшенный короною, но сдѣланный съ молодаго студента. Колесница у него была божескій фаетонъ, а въ него впряжены два піитическіе крылатые коня, называемые пегасы, прибранные изъ крѣпкихъ студентовъ. Старикъ сей значилъ древняго основателя и князя Кіевскаго Кія. Онъ встрѣтилъ государыню на берегу Днѣпра, у конца мосту; привѣтствовалъ ее важною рѣчью и, называя ее своею наслѣдницею, просилъ въ городъ, яко въ свое достояніе, и поручалъ его и весь народъ русскій въ милостивое ея покровительство". Между тѣмъ оказывается, что нѣчто подобное было не при первой встрѣчѣ государыни Кіевлянами, а гораздо позже, 5 сентября, въ день ея тезоименитства, и притомъ выѣзжалъ не древній кіевскій князь Кій, а олицетворенный театральный городъ Кіевъ, какъ это видно изъ третьяго явленія пролога разсматриваемой пьесы. Выѣхавъ на золотомъ возѣ, Кіевъ говоритъ:

Кіевъ днесь, градовъ мати, радость ощущаю
И для того на златомъ возѣ поѣзжаю.
Отъ радости вопію: чада, поспѣшайте,
Елисаветъ Петровну со мной встрѣчайте!
Се въ славномъ величіи съ побѣдою прійде,
Съ ею радость новая съ небесъ на насъ снійде.
Се Ея Величество прійде обновити,
Аки бы первый княжескъ престолъ сотворити

Вспомянувъ о древнихъ князьяхъ и о Петрѣ I-мъ, онъ говоритъ о недавней побѣдѣ надъ Шведомъ, доставившей Россіи Финляндію:

Се жъ паки днесь первые наступили вѣки,
Се же побѣда надъ Свѣемъ, миръ златъ съ человѣки;

Седмъ сотъ сорокъ четвертый годъ златый сіяетъ,

Дщеръ Петра Елисаветъ Кіевъ посѣщаетъ...

Въ заключеніе онъ говоритъ

Пойду убо отверзу заключенны двери;

Да изыдутъ здесь въ привѣтъ россійскіе дщери.

И вотъ, эти россійскіе дщери поютъ привѣтственную пѣснь, *разнопестрыя* на пирамидѣ переплетая узоры.

Затѣмъ слѣдуютъ самыя дѣйствія, представляющія исторію Марка Аврелія, въ примѣненіи ея къ Елизаветѣ Петровнѣ. Въ первомъ дѣйствіи Маркъ Аврелій „торжествуетъ о Киликіи, Сиріи, Египтѣ, Іудеи и надъ Сарматы побѣдитель". Вождь его Кассій привѣтствуетъ его и обвиняетъ фельдмаршала Вера „въ слабомъ содержаніи команды", вслѣдствіе чего кесарь поручаетъ власть Кассію и затѣмъ отходитъ. Между тѣмъ этотъ послѣдній, получивъ власть, гордится ею, велитъ повѣсить одного воина, не слушаетъ увѣщаній своего отца и даже изгоняетъ его и провозглашаетъ себя императоромъ. Дѣйствіе заканчивается *сальтами шабельными* и *интерлюдіумомъ* 2". Во второмъ дѣйствіи Маркъ Аврелій узнаетъ о замыслѣ Кассія, но не вѣритъ полученнымъ отъ Луція свѣдѣніямъ и даже хвалитъ Кассія, который между тѣмъ обманываетъ Египтянъ, будто бы Маркъ Аврелій умеръ, а сынъ его Коммодъ неспособенъ къ управленію. Воины жребіемъ выбираютъ кесаря, но жребій падаетъ на Аврелія, показывая тѣмъ, что Аврелій живъ. Несмотря на эго, Кассій провозглашаетъ себя кесаремъ и повелѣваетъ писать объ этомъ къ сыну своему, въ Александрію. „Здѣсь салти металніи и інтерлюдіумъ 3". Въ третьемъ дѣйствіи Маркъ Аврелій, узнавши о злоумышленіяхъ Кассія, пишетъ о немъ въ сенатъ, который присуждаетъ Кассія къ смерти; но кесарь не рѣшается исполнить постановленіе сената, несмотря на убѣжденія сына его Коммода, и проситъ боговъ, чтобы они сдѣлали двери къ тайникамъ человѣческаго сердца. Философъ Момъ говоритъ, что онъ уже много потратилъ на это времени, но сердца

человѣческаго узнать не можетъ, и совѣтуетъ кесарю распознавать людскія сердца расторопностію и разумомъ. На этомъ совѣтѣ и успокоивается кесарь, предоставляя месть Кассію богамъ. Философы Гераклитъ и Демокритъ чудятся непостоянству свѣта, фигурируя точно такъ же, какъ и въ „образѣ страстей міра сего", 1739 года. Боги дѣйствительно отомстили Кассію, Онъ старается разжечь вражду Антипатра Ирода на кесаря, но не успѣвъ въ этомъ, самъ обѣщается всѣми силами добиваться власти. Маркъ Аврелій случайно приходитъ во время этого разговора Кассія съ Антипатромъ Иродомъ, и Кассій въ страхѣ бѣжитъ. Воины преслѣдуютъ его и, отрубивши ему голову, приносятъ ее къ кесарю, который однако высказываетъ имъ свое неудовольствіе, велитъ голову похоронить съ честію и на вѣки прощаетъ Кассіеву дому. „Народи, сему удивившеся, благодарственную поютъ пѣснь, уравнителнѣ и благоутробію Ея Величества". Здѣсь, между прочимъ, говорится:

Во правду Аврелій толь монархъ былъ велій,
Что равна нѣту на цѣломъ свѣту.

Только ему точна едина восточна
Імператріца, Росска денница,
Ей неложно.

Елисаветь мати, свѣтъ Россіи злати
Съ природной доброты

Ко всѣмъ благосердна, ко всѣмъ милосердна
Всѣмъ свои щедроты
Обилно являетъ.

Былъ Риму даръ велій Тітусъ и Аврелій,
Августъ въ покою, Тіверіушъ въ бою
И до днесь славятся; но съ ними сравнятся
Можетъ Елисаветъ, златъ Россіи свѣтъ
Безъпримѣрно.

Петрови бо слѣди третъ лаври побѣди
Духомъ своимъ смѣлимъ, разумомъ же зрѣлимъ

Скипетръ добрѣ правитъ, миръ отчеству ставитъ.
То ея радость, то ея сладость
Жити мирно...
Се жъ намъ радость нова, что внука Петрова
Россомъ учредила наслѣдника мила,
Въ коемъ сила будетъ, слава преизбудетъ,
Сотворитъ Петрови, намъ побѣди нови.
О, дай Боже!
Ибо недалеко отъ сосцъ съсущихъ млеко
Плодъ ихъ отпадаетъ, древо се являетъ;
Корень бо каковій, то и плодъ таковій.
Се же непремѣнно, а вовся отмѣнно
Быть не може
Се бо младъ Петръ лѣти, какь мужъ знаменитій
Наслѣдникъ готовій
По имени стати дѣла подражати преславни Петрови,
Его бо есть крови.
Тѣмъ тя молимъ, Боже, яко у его же се власти и силы,
Да сія двоица аки голубица подъ твоимы крилѣ
Во вѣки царствуетъ.

Дѣйствіе заканчиваютъ „салты сатіровіи, столцовіи и интерлюдіумъ 4“.

Въ эпилогѣ, соотвѣтственно пяти добродѣтелямъ императрицы въ прологѣ, „пять главныхъ свойствъ вѣрныхъ подданныхъ изображаются, а именно вѣра, надежда любовь, искреннисть, веселіе. Музы Россійскіе поютъ пѣснь и благодарствуютъ за авдіенцію, польскимъ діалектомъ краткими слоги, посемъ писмены славенскими... и латинскими... Іллюминація окончеваетъ дѣло“.

Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ интерлюдій къ этой пьесѣ, которая, по этому сама по себѣ представляется довольно вялою и безцвѣтною.

Судя по извѣстію, сообщаемому у Аскоченскаго, что Елизавета въ день тезоименитства своего (5 сентября)

осчастливила своимъ посѣщеніемъ Кіевскую Академію [1], надо полагать, что пьеса исполнялась въ стѣнахъ самой Академіи.

По тому же извѣстію, черезъ три дня императрица снова прибыла въ Кіевскую Академію и изволила присутствовать на торжественномъ диспутѣ, нарочно устроенномъ для Ея Величества [2]). На этотъ разъ она встрѣчена была въ академіи діалогомъ между двумя студентами, который мы относимъ къ этому времени потому, что въ немъ самомъ есть указаніе на то, что императрица второй разъ посѣщаетъ академію. Этотъ діалогъ носитъ слѣдующее заглавіе: „Стихы по вопросамъ и отвѣтамъ сложеннія отъ двоихъ учениковъ предъ великою монархинею сказованнія". Одинъ изъ учениковъ говоритъ:

Нинѣ должно сколь возможно украсить рѣчь словы,
Духъ подвижній, умъ постижній имѣть и готовій.

Другой ученикъ считаетъ безразсуднымъ намѣреніе воспѣть достойнымъ образомъ все величіе императрицы и ея наслѣдника, ея успѣхи въ войнѣ и недавній миръ со Швеціей, ея великій духъ, обширный умъ, ея высокія добродѣтели, и проч. Первый сознается въ трудности выполненія своего намѣренія, но находитъ ободреніе для себя въ милосердіи императрицы. Онъ говоритъ:

Елисаветъ, кой точной нѣтъ, мать есть благосерда,
Всѣмъ надежда, безмятежна сѣнь, стѣна всетверда:
Врагомъ злобнимъ, безутробнимъ жизнь даде свободно;
Всѣхъ гонившихъ, зло творившихъ прости благородно;
Разгна волни страха полни, вставшія противно;
Взятъ побѣди, напослѣди миръ даже предивно;
Тепла въ вѣри не по мѣрѣ, къ Богу вся горяща;
Любве сила ю плѣнила вѣчно горѣ зряща.

---

[1]) „Кіевъ съ его древнѣйшимъ училищемъ академіею", Аскоченскаго, т. II, стр. 96.

[2]) Тамъ же.

Та вождь правій, та настави, укрѣпи ко труду,
Пьше ходитъ и посѣтитъ сію лавру къ чуду.
Сверхъ то внушимъ и разсудѣмъ, коль къ ученій свѣту
Зримъ щедротну, доброхотну мать Елисавету,
Будемъ въ доводъ отъ рода въ родъ сѣмо ми собранни,
Да ученій плодъ блаженній, плодъ пожнемъ избранній;
Кто бо здѣ зналъ, или слихалъ мудростніи рѣки?
Не имѣли и не зрили вси прошедши вѣки.
Кто когда мнѣлъ, даби процвѣлъ вертоградъ здѣ плодній
Ума зрила, съ слова дѣла и въ немъ плодъ свободній?
Се же чудна неоскудна милость монархинѣ,
Изліяла, показала разума быстрини.
Се насади и огради всѣхъ щедротъ оплотомъ
Цвѣти благи, къ жизни драги щадя доброхотомъ,
И да полній цвѣтъ доволній всегда будетъ въ славѣ,
Дождь богатій благодати изливаетъ явѣ
Сама зрити, досмотрити второе приходитъ,
Посѣщая мать благая, сладку радость родитъ.
Сіе внявши, трудъ отнявши, разсуди, сколь можно,
Убѣгати, или стати предъ матерью должно?“

Второй ученикъ внялъ убѣжденіямъ своего товарища, и оба вмѣстѣ воспѣли они императрицѣ хвалебную пѣснь, довольно впрочемъ безцвѣтную [1]).

---

[1]) Рукоп. Церковно-археол. музея по печатн. опис. № 477, л. 37 и сл. Здѣсь есть и другіе стихи въ честь Елизаветы Петровны, между которыми обращаютъ вниманіе слѣдующіе:

Перва планета доброта свѣта—
Фебъ златоокій на кругъ высокій неба всходитъ,
Вездѣ катаетъ, чуднѣ блистаетъ,
Играя смѣло, смѣясь велело міръ обходитъ.
Такъ мать державна, на кругъ преславна
Россійска неба возшедши, Феба подражаешь,
Всѣмъ благодати лучи всезлати, обходя гради
И вся огради, изливаешь.
Течетъ съ тобою свѣтлъ добротою

По удаленіи императрицы Елизаветы Петровны изъ Кіева, жизнь Кіевской Академіи вступила въ обычные берега свои и въ драматической области выражалась въ прежнихъ трагедокомедіяхъ духовно-нравственнаго содержанія; но въ теченіи своемъ она постепенно захватывала новые и новые элементы и все болѣе стала тяготѣть къ общерусскому центру. Въ драматической области это направленіе выразилось въ двухъ послѣдующихъ кіевскихъ трагедокомедіяхъ царствованія Елизаветы Петровны, Георгія Конисскаго и Георгія Щербацкаго, особенно же перваго изъ нихъ.

Георгію Конисскому принадлежитъ распространенная въ спискахъ пьеса, подъ заглавіемъ—„Воскресеніе мертвыхъ, обще убо всѣмъ будущее, но страждущимъ всѣмъ неповинно въ вѣцѣ семъ блаженно, а обидящимъ гибельно, въ пяти дѣйствіяхъ въ пользу чающихъ онаго показанное Георгіемъ Конѣцкимъ 1746 года“, съ пятью комическими интерлюдіями къ ней, писанными или самимъ Конисскимъ, или стихотворцемъ Танскимъ [1]). Какъ человѣкъ любознательный и съ универсальными стремленіями, Конисскій съ одной стороны старался совмѣстить въ своей пьесѣ всѣ почти прежніе элементы южно-русской драмы, съ которыми имѣетъ многоразличныя отношенія, съ другой—былъ однимъ изъ усерднѣйшихъ проводниковъ вліянія сѣверно-русской литературы на южно-русскую, „много заботясь,—по словамъ

Петръ на полудень славы всечуденъ, течетъ красно.
Путь вамъ свободній, духъ благородній!
Тецѣте прямо, блистайте тамо во вѣкъ ясно!

Мысли въ этихъ стихахъ—тѣже, что и въ знаменитой рѣчи Г. Конисскаго—„Оставимъ астрономамъ доказывать, что земля вокругъ солнца обращается“.

[1]) Годъ составленія означенъ въ рукописи церковно-археол. Музея. 1779 года, по описанію № 447, а интерлюдіи находятся въ рукописи того же музея, по Опис. №№ 659 и 664. Трагодокомедія издана въ „Лѣтописяхъ Русской литературы“, Тихонравова, а интерлюдія—въ „Древней и Новой Россіи“, за ноябрь, 1878 года.

Максимовича,—о водвореніи русскаго языка между малороссіянами по образцамъ Ломоносовскимъ" [1]).

Прежде всего, пьеса Г. Конисскаго, принадлежа по содержанію своему къ священнымъ мистеріямъ, составлена по плану трагедокомедіи Ѳ. Прокоповича, состоявшей изъ пяти дѣйствій и заключавшей возвышенный и комическій элементы. Далѣе, индерлюдіи къ этой пьесѣ составлены по тѣмъ піитическимъ правиламъ, какія мы видѣли въ 1736—7 годахъ у Митрофана Довгалевскаго, и весьма сходны съ интерлюдіями послѣдняго. Объ этихъ интерлюдіяхъ нѣкто Лобысевичъ писалъ въ 1794 году Георгію Конисскому слѣдующее: „Не за моей памяти, а можетъ быть годомъ передъ моимъ пріѣздомъ въ Академію Кіевскую, играна тамъ трагедія сочиненія Вашего Преосвященства „о воскресеніи мертвыхъ". Оную имѣю, но не имѣю и нигдѣ достать не могу къ оной трагедіи интерлюдій, бывшихъ сочиненія Вашего Преосвященства или славнаго Танскаго, природнаго стихотворца, во вкусѣ площадномъ, во вкусѣ Плавтовомъ. Когда способность была достать и имѣть, тогда ребяческая несмысленность о томъ не помышляла; довольствовались изъ чужаго рта питаться, слышать отъ другаго стиховъ нѣсколько. А когда познаніе добротъ цѣну онымъ открыло, тогда уже способность удалилась. Едина вѣрна надежна на книгохранилище Вашего Преосвященства, въ которомъ не быть сему сочиненію не можно. Какъ во всякомъ покроѣ платьевъ, такъ во всякомъ нарѣчіи языковъ есть своя красота; а къ тому, когда и дымъ отечесва сладокъ, то сія воня благоуханія мыслей отечественныхъ есть наисладчайшая. Для чести націи, матери нашей, всегда у себя природою и ученостію великихъ людей имѣвшей, столько свѣтовъ выпустившей для любимаго нашего отечества, для знающихъ подъ корою просторѣчія находить драгоцѣнности мыслей, прошу Вашего Преосвященства велико одолжить меня—ин-

[1]) Собраніе сочиненій М. А. Максимовича, т. I, 1876 г., стр. 529.

терлюдіи. Танскаго—то, или ваши, приказавъ списать, по почтѣ мнѣ въ С.-Петербургъ доставить, да дастъ величіе отечеству своему нашъ Плавтъ, нашъ Мольеръ, ежели что не болѣ. Ибо я помню нѣкоторые стихи: описаніе великодня, бѣгство сатаны и смерти, смерть Іуды,—прекрасныя описанія" [1]). Но въ дошедшихъ до насъ интерлюдіяхъ къ трагедокомедіи Георгія Конисскаго ничего не говорится ни о великоднѣ, ни о бѣгствѣ сатаны и смерти, ни о смерти Іуды; слѣдовательно Лобысевичъ смѣшалъ интерлюдіи къ трагедокомедіи Г. Конисскаго съ какими-то другими интерлюдіями, до насъ не дошедшими. Тѣмъ не менѣе, его ошибка весьма важна для насъ въ томъ отношеніи, что, кромѣ интерлюдій Конисскаго, она указываетъ на другія подобныя интерлюдіи въ простонародномъ духѣ. Стихи этихъ интерлюдій разучивались и произносились наизусть. На На нихъ изощряли свой литературный вкусъ и поэтическое чутье такіе изъ учениковъ Конисскаго, каковъ напр. былъ Іоиль Быковскій, сохранившій для насъ въ своей библіотекѣ Слово о полку Игоревѣ [2]). Интерлюдіи эти имѣютъ нѣкоторую связь и съ новѣйшею русскою литературою со временъ Гоголя. Между авторами интерлюдій упоминается у Лобысевича „славный Танскій, природный стихотворецъ". А Танскій приходится родственникомъ нашему Гоголю и по крови, и по характеру и направленію поэтической дѣятельности. Дѣдъ Н. В. Гоголя Аѳанасій Гоголь женатъ былъ на Танской [3]), можетъ быть дочери автора интерлюдій, вслѣдствіе чего въ фамиліи Гоголей издавна сохранялись поэтическія традиціи. Извѣстно, что отецъ нашего поэта, Василій Аѳанасьевичъ Гоголь, не только былъ дирижеромъ домашняго

---

[1]) Археографическій сборникъ документовъ, относящихся къ исторіи сѣверо-западной Руси, т. II, стр. 147.

[2]) См. „О словѣ о полку Игоревѣ" А. Смирнова, вып. 1, 1877 г. стр. 3; сп. Опис. рукоп. церковно-археол. музея Кіев. Акад. подъ фамиліей *Быковскій*.

[3]) „Лицей князя Безбородко", С.-Петербургъ. 1859 г., отд. II, стр. 29.

театра у бывшаго министра Д. П. Трощинскаго и главнымъ его актеромъ, но и ставилъ на сцену пьесы собственнаго сочиненія на малороссійскомъ языкѣ [1]). Самъ Н. В. Гоголь въ своихъ малорусскихъ повѣстяхъ и разсказахъ, въ которыхъ г. Кулишъ не видитъ этнографической почвы [2]), воспроизводилъ юмористическія народныя сказки малорусскія, лежавшія въ основѣ интерлюдій XVIII вѣка, и имѣлъ нѣкоторое родство съ этими послѣдними.

Несмотря однако на важное значеніе комическихъ интерлюдій при трагедокомедіи Кониськаго, онѣ, повидимому, не имѣли въ свое время большой популярности, какъ это можно заключать изъ малочисленности списковъ ихъ, и выдвинуты Лобысевичемъ на видъ только впослѣдствіи, при другихъ литературныхъ вкусахъ. Ближайшіе же современники Кониськаго, повидимому, выше цѣнили его трагедокомедію, извѣстную теперь во множествѣ списковъ, такъ какъ она была на югѣ Россіи лучшею выразительницею литературныхъ вкусовъ Елизаветинскаго царствованія и сообщила дальнѣйшее развитіе тѣмъ общерусскимъ стремленіямъ, какія мы видѣли въ трагедокомедіи Лащевскаго и въ стихотворныхъ произведеніяхъ М. Козачинскаго. Трагедокомедію Лащевскаго Г. Кониській читалъ въ классѣ, дѣлалъ изъ нея выписки въ своей піитикѣ [3]) и избралъ для своей трагедокомедіи тотъ же самый предметъ. Но у Кониськаго еще болѣе пробивается стремленіе обличить и поразить невѣріе, все болѣе и болѣе развивавшееся въ Россіи [4]). Въ

[1]) Тамъ же, стр. 31; сн. Основу, февраль, 1862 года и Записки о жизни Гоголя Н. М., въ началѣ 1-го тома.

[2]) Основа, Май, Сентябрь и Ноябрь, 1861 года.

[3]) См. піитику Г. Кониськаго, рукопись Кіев. Акад., по описи 426. Здѣсь Кониській, приведши изъ трагедокомедіи Лащевскаго рѣчь церкви о претерпѣнныхъ ею бѣдствіяхъ отъ враговъ своихъ, замѣчаетъ: caetera, si vicabit, in schola.

[4]) Извѣстны отвѣты Г. Кониськаго на письмо г. Вольтера къ учителямъ церкви и богословамъ. См. „Домашнюю Бесѣду“ за 1867 годъ, №№ 46—48.

этомъ отношеніи Конисскій сходится въ нѣкоторыхъ пунктахъ съ Кантемиромъ, сатиры котораго нерѣдко встрѣчаются между сочиненіями нашего автора[1]). Кантемиръ въ первой пѣснѣ своей слѣдующимъ образомъ обличаетъ безбожниковъ:

Тщетную мудрость міра вы оставьте,
Злы богоборцы! обративъ кормило,
Корабль свой къ брегу истины направьте!
Теченье ваше досель блудно было.
Признайте Бога, иже управляетъ
Тварь всю своими созданну руками! [2]).

Въ другомъ мѣстѣ Кантемиръ указываетъ любостяжателю, что путемъ неправедныхъ прибытковъ онъ не войдетъ въ рай:

Еслибъ я видя кого, что съ рукъ не спускаетъ
Часовникъ, и пятью въ день въ церковь побываетъ,
Постится, кладетъ свѣчи и не спитъ съ женою,
Хоть отнявъ у бѣднаго ту, что за душою
Одну рубашку имѣлъ, нагимъ ходить нудитъ;
Еслибъ я видя сказалъ: дружокъ, умъ твой блудитъ;
Тѣмъ путемъ не войдешь въ рай, и буде радѣешь
Душу спасть, отдай назадъ, чѣмъ худо владѣешь,
Вспылавъ, ревность мою наградитъ симъ отвѣтомъ:
Напрасно, молокососъ, суешься съ совѣтомъ[3]).

Подобнымъ образомъ Георгій Конисскій порицаетъ невѣрующихъ въ воскресеніе, называя ихъ „стократъ безумными", и обличаетъ безсовѣстныхъ богачей, силой—неправдой отнимающихъ чужія имѣнія и недумающихъ о судѣ Божіемъ. Самыя греческія имена дѣйствующихъ лицъ въ трагедокомедіи Конисскаго, повидимому, употреблены имъ по подражанію Кантемиру.

---

[1]) См. Описан. рукоп. Церковно-археол. Муз., №№ 87 и 664.
[2]) Сочиненія Кантемира, изд. 1762 г., стр. 143.
[3]) Тамъ же, сатира 7-я, стр. 115—116.

Отъ М. Козачинскаго Георгій Конисскій усвоилъ леонинскій стихъ, роднящій силлабическое стихосложеніе съ тоническимъ Ломоносовскимъ, и отъ перваго сдѣлалъ еще новый шагъ къ послѣднему. Въ своей піитикѣ Георгій Конисскій приводитъ въ примѣръ тоническіе стихи изъ оды Ломоносова на бракосочетаніе Петра III, и хотя разбираетъ ихъ съ силлабической точки зрѣнія, но все-таки заимствовалъ отсюда разнообразіе стиховъ и различное чередованіе ихъ между собою въ строфѣ. „Осьмой родъ стиховъ,—говоритъ онъ въ своей піитикѣ,—относящійся къ лирикѣ, бываетъ различенъ и разнообразенъ, судя по различію мѣры тона; ибо иной есть диколонъ, который содержитъ два рода стиховъ, иной—триколонъ, который три, другой—тетраколонъ, который четыре. И одни изъ этихъ родовъ имѣютъ больше слоговъ, другіе—меньше; одни съ цезурой, другіе безъ цезуры; у однихъ риѳмы лежатъ рядомъ и непосредственно однѣ за другими, у другихъ—чрезъ нѣсколько посредствующихъ стиховъ. Такъ написалъ оду свою господинъ Михаилъ Ломоносовъ, профессоръ химіи, 1745 года, августѣйшей императрицѣ нашей Елисаветѣ и великимъ князьямъ—наслѣднику ея Петру и супругѣ его Екатеринѣ, сказанную при бракѣ ихъ, которую начинаетъ такъ:

Не садъ ли вижду я священный,
Въ едемѣ Вышнимъ насажденный,
Гдѣ первый узаконенъ бракъ? и т. д.

Здѣсь въ каждой строфѣ два рода, изъ коихъ одинъ состоитъ изъ девяти, другой—изъ восьми слоговъ. Тотъ и другой безъ цезуры, и девятисложное двустишіе повторяется трижды, а восьмисложное дважды, при взаимномъ чередованіи между собою такимъ образомъ, что каждая строфа состоитъ изъ десяти стиховъ“ [1]). По такимъ правиламъ, отвлеченнымъ отъ образцовъ Ломоносова, Конисскій соста-

---

[1]) Труды Кіев. дух. Академіи, іюль, 1866 г. стр. 327—8.

вилъ канты свои къ трагедокомедіи „Воскресеніе мертвыхъ", въ которыхъ есть стихи отъ трехъ до восьми слоговъ, съ перемежающеюся иногда риѳмою. Въ послѣдствіи времени онъ совершенно оставилъ силлабическое стихосложеніе и писалъ стихи тоническимъ размѣромъ [1]).

Такъ какъ трагедокомедія и интерлюдіи Георгія Конисскаго имѣютъ нѣкоторое соотношеніе по содержанію, то мы разсмотримъ ихъ совмѣстно, каждое дѣйствіе трагедокомедіи съ соотвѣтствующимъ ему интерлюдіумомъ [2]).

Въ первомъ дѣйствіи выводится на сцену земледѣлецъ, который, осмотрѣвъ хлѣбные всходы на полѣ, отъ сгнившаго въ землѣ и прозябшаго зерна заключаетъ къ воскресенію тлѣннаго человѣческаго тѣла на страшномъ судѣ, а встрѣтившійся съ нимъ на дорогѣ священникъ объясняетъ ему, что въ будущей жизни не всѣ люди будутъ въ одинаковомъ положеніи: добрые будутъ блаженствовать, а злые—мучиться. И въ первой интерлюдіи тоже выводится мужикъ—литвинъ, осматривающій свою ниву. Онъ утѣшается предстоящимъ хорошимъ урожаемъ, обѣщая часть его отдать церкви Божіей.

То-то кажютъ, або такъ балагурятъ люде,
  Щіо будьто мудрагелѣ вгадаютъ щіо буде.
Ажъ и вгадали завтра! Хто то можетъ знати,
  Щіо намъ іого светая маетъ грѣшнимъ дати?
Хочъ пакъ вони по *гонумъ* (по звѣздамъ) мудрощей доходятъ,
  Та ба! да не дойдутъ того, якъ нивки зародятъ.
Куди пакъ имъ те знать,—таки кажю смѣло;
  Бо то не ихъ, то наше господарске дѣло:
Ми то люде пахарни, все веремя знаемъ,
  Коли яке насѣння въ поле засѣваемъ.

---

[1]) Кіевъ съ его древнѣйшимъ училищемъ Академіею, т. II, стр. 518, эпитафія Конисскаго самому себѣ.

[2]) Изд. въ „Древней и Новой Россіи" за ноябрь, 1878 года.

Дай-бе и до вѣку такъ, якъ у мене зродило!
Колибъ тулко безъ капости въ цѣлости доспѣло;
Бо ми за іого ласку и светую волю
Орюмъ и сѣюмъ на всякого долю,
Щіобъ невимовно перше, чимъ свѣтятъ одменити,
Да и чимъ куратъ у *онуй* (въ церквѣ) въ крамарувъ купити;
Требажъ и роковщинку, щіо школу зъучае,
И тому щіо *тимъ* (щипци) у *онуй* (въ церквѣ) *онее* (свѣчи) зривае.
Требажъ и тимъ, щіо миркаютъ, щіо нибудь уткнути,
А того пакъ щіо пака (попа) симъ-тимъ не отбути,
Ще жъ то и на правенти, тулко б зъ того дбати
И себе б то и саму з детми годовати,
Аби ми годни були да й іого хвалили.

Но въ это время сыновья мужика приводятъ къ нему пойманную въ ихъ житѣ бабу, которая будто бы дѣлала въ пашнѣ вредныя, по народному повѣрью, завивки или закрутки, и тѣмъ совершенно разбиваютъ надежды мужика на хорошій урожай. Къ нимъ является „москаль", называемый въ другомъ спискѣ „ярыгою". Москаль баетъ съ помощію мужика бабу и въ заключеніе прогоняетъ всѣхъ.

Въ остальныхъ дѣйствіяхъ трагедокомедіи любостяжательный Діоктитъ и терпѣливый Гипоменъ являются представителями злыхъ и добрыхъ людей. Во второмъ дѣйствіи Гипоменъ „исповѣдуетъ озлобленія, отъ Діоктита ему приключившіяся, ищетъ же и мѣста, гдѣ би отъ него скритися". Діоктитъ отнялъ у него имѣніе, лишилъ его чести въ глазахъ людей, разорилъ его домъ, вломился къ нему ночью и взялъ въ тюрьму его жену и мать. Не довольствуясь этимъ, Діоктитъ снова напалъ на Гипомена, связалъ его, заковалъ въ цѣпи и посадилъ въ темницу; а когда Гипоменъ напомнилъ ему о судѣ, Діоктитъ говоритъ:

Что онъ мнѣ судъ говоритъ? Вѣдь онъ тое знаетъ,
Что Діоктитъ на судѣ и самъ засѣдаетъ.

Начнетъ на мя челомъ бить, буду отрѣшенній,
Да будутъ судити мои единомисленни.
Чи не могутъ тѣ сдѣлать ему волокити?
Чи не знаютъ правъ къ моей части накрутити?
А буди бы сталъ на меня апелліовать више,
И въ вишшемъ судѣ маю патроновъ излишше.
Нехай толко кто схощетъ правду защищати,
А сей мой Юда малой (капшукомъ труситъ) можетъ доказати:
Ослѣплю очи дарми, руцѣ плѣню мздою;
Хотя бы онъ и святій, потягнетъ за мною.

Это мѣсто трагедокомедіи представляетъ собою довольно вѣрное отраженіе тогдашней малорусской дѣйствительности. Малороссія издавна слыла страною мелкаго чиновничества, вѣчныхъ споровъ и тяжбъ между сосѣдями, дававшихъ богатый матеріалъ для комическихъ сценъ Капнисту, Квиткѣ, Гоголю и другимъ [1]; а подъ польскимъ владычествомъ, при безсиліи польскаго законодательства и суда, она нерѣдко бывала театромъ насилій и вооруженныхъ наѣздовъ болѣе сильныхъ людей на слабыхъ. Подобное безправіе и насилія отъ поляковъ описываются и въ интерлюдіи ко второму дѣйствію. Жертвою польскаго безправія и насилія является здѣсь арендаторъ еврей. Онъ говоритъ:

О вей миръ! Каравъ мене Богъ с такимъ лихимъ паномъ;
Десь бы гирсого лиха не знавъ и подъ татарскимъ ханомъ,
Якъ подъ нимъ бувъ: забравъ всю сцо було худобу,
А еще колибъ бувъ не втѣкъ, прибивъ бы до гробу.
Нехай ему аренда и зунка и дѣти,
А узе больсъ не хоцу отъ него терпѣти;
Будто булшъ панувъ нема, тулко панъ Подстолій,
Отъ которого я утѣкъ тулко сцо не голій.

---

[1]) Причины этого явленія см. выше, въ мнѣніи Г. Теплова и во II томѣ „Записокъ о Южной руси“ Кулиша.

Такъ мене зо всіого, такъ ограбивъ цисто,
Сцо ни въ кагалъ явитись, ни вйти на мѣсто:
Забравъ миски, талѣрки, лозки и сукмани,
А послѣ хотѣвъ мене забити въ кайдани.
Я бацу, сцо лыхо; порадивсись зъ зоною,
Покинувъ еи зъ дѣтми, самъ утѣкъ ранніою зорою.
Пудъ такого-то пана попався бувъ въ руку,
Сцо минѣ зъ зункою и з дѣтми учинивъ розлуку.
Нехай іому, якъ казуть, и хомутъ и дуга.
Вунъ собѣ панъ Подстолій, я іому не слуга.
Будто луцсого пана не знайду другого.
Колибъ тулко не натрапивъ знова на такого.

Жидъ встрѣчается съ паномъ Бандоліемъ и хочетъ перейти къ нему, но подвернувшійся тутъ Подстолій не хочетъ отпустить отъ себя жида, бьется съ Бандоліемъ на сабляхъ и наконецъ приказываетъ мужику разрубить жида на части, чтобы онъ не достался ни тому, ни другому. Мужикъ не хочетъ осквернять о жида своей христіанской сѣкиры, которою онъ рубитъ свиней къ празднику пасхи. Изъ этой бѣды выручаетъ его москаль:

Москаль. Да за што ето тебе?
Муж. Іо? не знаешь за щіо? От за те,
Щіо чого наши батьки з роду не чювалы,
Щіобъ хрестянску сокиру да на жидахъ каляли.
Тую, щіо къ великодню свиннѣ рубаемъ.
Москаль. Еку беду, сматри ти, Ліешіонки възбудѣли,
Въ жива-ста чюпруна душу атрубили.
Да каво-жъ теперва въ падводъ взять, ейбогу не знаю.

По совѣту мужика, онъ запрягаетъ пановъ Подстолія и Бандолія, а наконецъ прогоняетъ и самаго мужика.

Въ третьемъ дѣйствіи трагедокомедіи олицетворенное Терпѣніе проситъ Господа объ освобожденіи Гипомена отъ Діоктитовыхъ притѣсненій и объ отмщеніи Діоктиту; но олицетворенная Отрада обѣщаетъ награду Гипомену и мщеніе Діоктиту въ будущей жизни. И въ интерлюдіи, въ со-

товѣтствіе приближающемуся къ смерти Гипомену, выводится на сцену цыганъ, чуть не умирающій отъ голода, какимъ онъ обыкновенно представляется и въ малорусскихъ народныхъ разсказахъ. Цыганъ не выпросилъ себѣ и кусочка сала и чуть не валится съ ногъ отъ голода. Онъ приходитъ къ своей больной и голодной женѣ, которая въ насмѣшку обѣщаетъ ему „наварить борщу, испечь комара", и укладываетъ его спать, а затѣмъ спутываетъ его сѣткою и бьетъ. Цыганъ освобождается и прогоняетъ жену изъ шатра.

Въ четвертомъ дѣйствіи трагедокомедіи умираютъ Гипоменъ и Діоктитъ: первый отъ ранъ, съ душевнымъ спокойствіемъ, а второй отъ пьянства, въ ужасныхъ мукахъ

Діоктитъ. Ляшку, дай толко фляжку! (піетъ и напившись
кричитъ): ахъ, несносное горе!
Огню излив на сердце, аки ножемъ поре
Внутренности моя. Вижу, прійшло погибати (ложится на
ложе)!
Якъ же я имѣю грунта оставляти?
Что дѣлать съ имѣніемъ? что денегъ зъ сумою?
Не приберу способу, какъ забрать зъ собою.
Чтó я говору—забрать? (смерть рубаетъ) се уже правая
Рука заклякла; (тожъ рубаетъ) се же клякнетъ и другая.
(Отрубаетъ вся) Ноги совсѣмъ отняло, уда ни едина
Не чую (напаваетъ смерть). Великая въ умѣ мѣшанина.

Соотвѣтственно содержанію этого дѣйствія, и въ интерлюдіи къ нему умираетъ молодой д..якъ, безвинно изрубленный ляхомъ, а ляхъ за убійство дьяка бросается мужиками въ болото и пропадаетъ тамъ. Интерлюдія открывается монологомъ литвина:

Слава ціебе Господзѣ, Свяцѣціелю Боже,
Што з ласки твоей святой паводзѣтся гоже
Високимъ властямъ, панамъ, и намъ людзямъ грешнимъ
Всіо харашенко твоимъ промисломъ паспешнимъ!
Хвалю ціебе, Господзѣ, што мы спорядзѣлѣ

На хвалу твою ціеркав, як зъмаглѣ намъ сѣли
(т. е. силы).
И званѣцу новую, и чатири звони,
Всѣ придались, звонятъ харашо въ разгони.
Имеимъ папа сіебіе честнаго старого;
Имѣимъ панамара и дзяка молодого,—
Але добрій и цѣхій, всѣхъ людей шануицъ
И церкви светой всіогды дзіень и ночь пѣлнуицъ;
Нѣ гарелки, нѣ бражки пяной а нѣ міоду,—
Нѣчого хмельного ніе пецъ апрочь воду;
А што салавей у церквѣ людзіомъ спѣваецъ
И дзѣціей харашенко въ школѣ обучаецъ.
Дай же Боже здаровье и щастіе всяму миру,
Штоб ніеслѣ ціебіе въ церковь ладанъ на офѣру,
Свіечи, красное вино, чистой столко муки,
Штоб съ праскуръ асталось и папу на шулики.

Но въ это время прибѣгаетъ шинкарка и приноситъ страшную для литвина вѣсть о смерти молодого дьяка:

Охъ минѣ лихо! Що мнѣ теперь робити?
Принюсъ ляха недобрій въ домъ мой чесній пити.
Пяница ледащиця всѣ вукна повибивавъ
И дячка молодого шаблею порубавъ,
И втѣкъ конемъ не знаю въ сторону якую.

Собравшаяся по этому случаю громада не знаетъ, что дѣлать. „Литвинъ сѣтку закидаетъ и ворожитъ булавою:

Ліесавие, баравие и балотние, ка мніе приходзѣціе
И въ гетой прозбіе ви мніе помажѣціе!

Дияволъ ляха гонитъ въ сѣтку". Напрасно ляхъ предлагаетъ за дьяка головщину: мужики присудили, чтобы голова за голову лягла, и утопили ляха въ болотѣ,

Штобъ знавъ собака, якъ хрестянъ забивацъ.

Пятое дѣйствіе изображаетъ судьбу Гипомена и Діоктина на томъ свѣтѣ,—Гипомена въ раю, а Діоктина въ адскихъ мукахъ. И пятая интерлюдія заставляетъ ксендза вызвать своими молитвами утопленнаго мужиками ляха

на этотъ свѣтъ для исповѣди. „Ляхъ ищетъ брата, котораго мужики за дьяка въ болото втопили“, встрѣчается съ ксендзомъ, который дѣлаетъ ему строгую нотацію за неуваженіе къ святому костелу и костельнымъ праздникамъ и сообщаетъ ему свои предположенія о смерти его брата. Оба они встаютъ на колѣна и слѣдующимъ образомъ молятся о возвращеніи утопленнаго на этотъ свѣтъ и о водвореніи въ чистилище:

Выслухай мне, выслухай, о свента Дорота!
Вырви шляхцица зъ тего смерджончего блота!
Змилуйсе надъ гинончимъ шляхцицемъ, Ягниска,
Выдвигни зъ плюгавего шляхцица багниска!
Нехъ му дода помоци твоя ренка, Ядвига,
Нехъ го зъ оней баюры якъ може выдзвига!

Дѣйствительно, утопленный шляхтичъ приходитъ и проситъ ксендза, чтобы онъ разрѣшилъ его отъ грѣховъ и препроводилъ въ чистилище; но и этому помѣшали неугомонные мужики. Они давно замѣчали, что въ ихъ селѣ по ночамъ бродитъ какой-то злой духъ, громадой пошли отыскивать виновнаго и натолкнулись на утопленнаго ляха съ его братомъ и ксендзомъ.

Мужикъ 1-й. Постуй лишъ, куди ти ведешь? сіого злого духа
Давно ми вже громада на іого чатуемъ,—
Яке лихо нучю човпе, цѣлимъ селомъ чуемъ.
2-й. Едъ се вунъ, коли хочь знать, щіо всюгди в ночѣ ходитъ,
Не тулко намъ, але и товаринѣ (скоту) шкодитъ.

Ксендзъ и ляхъ старались убѣдить мужиковъ, что мертвый безъ души и никогда не ходитъ; но мужики не убѣдились: наградили всѣхъ трехъ побоями и прогнали.

Сходна по характеру съ трагедокомедіей Георгія Кониского трагедокомедія Георгія Щербацкаго. Полное заглавіе ея слѣдующее: „Трагедокомедія, нарицаемая Фотій, т. е. о отступленіи западныя церквы отъ восточныя, учиненомъ найпаче во время Фотія патріарха Константинопольскаго, и о отсѣченіи рымлянъ, яко еретиковъ, отъ общенія вѣр-

ныхъ, дѣйствіями въ академіи Кіевской представленная 1749 года, мая въ 18 день, пречестнѣйшимъ іеромонахомъ Георгіемъ Щербацкимъ, бывшимъ на тотъ часъ учителемъ школы піитики“ [1]). Какъ и предыдущая трагедокомедія Кониcскаго, пьеса Георгія Щербацкаго раздѣляется на пять дѣйствій и отличается сравнительною чистотою русскаго языка; но по содержанію своему и нѣкоторымъ пріемамъ примыкаетъ къ трагедокомедіи Ѳ. Прокоповича „Владиміръ“. Выше мы сдѣлали предположеніе, что Ѳ. Прокоповичъ въ своей трагедокомедіи говоритъ о св. князѣ Владимірѣ и апостолѣ Андреѣ въ полемическихъ видахъ къ католикамы. Тѣ же лица выступаютъ изъ-за главнаго предмета и въ трагедокомедіи Щербацкаго, но уже съ прямою цѣлію утвердить православіе и обличить латинянъ. Сходство между обѣими трагедокомедіями простирается даже на нѣкоторыя частности. Въ трагедокомедіи Ѳ. Прокоповича князь Владиміръ высылаетъ своихъ дѣлей, совѣтовавшихъ ему принять православную вѣру, и разсуждаетъ самъ съ собою:

Отъидите на время! азъ здѣ совѣтую
Наединѣ со мною.

Подобнымъ образомъ патріархъ Фотій у Георгія Щербацкаго, услышавъ отъ монаха Митрофана о новомъ римскомъ догматѣ объ исхожденіи св. Духа и отъ Сына, высылаетъ Митрофана и разсуждаетъ самъ съ собою наединѣ:

Но отсюду,
Мытрофанъ! я самъ нѣчто здѣсь размышлять буду.

У Ѳеофана Прокоповича храбрый вождь, описавъ торжественность и величіе обряда крещенія св. Владиміра, прибавляетъ: „азъ же, объятый страхомъ радостнымъ, забыхъ, гдѣ есмь; сердце же во мнѣ трепеташе“. Подобнымъ образомъ въ трагедокомедіи Г. Щербацкаго передаетъ своѐ впечатлѣніе Филоѳей, бывшій на соборѣ святителей подъ предсѣдательствомъ Фотія:

---

[1]) Издана въ Трудахъ Кіев. дух. Академіи, за Декабрь, 1877 год.

. . . Я тутъ бѣдный мнѣлся восхищенный
Быть на третіе небо, и неизреченны
Слышати глаголы.

Какъ во „Владимірѣ“ Ѳ. Прокоповича вѣстникъ приноситъ грамоту отъ этого князя, такъ и у Щербацкаго „приходитъ чтецъ грамати патріаршей, посланной во всенародное извѣстіе о томъ, что не напрасно и съ добрымъ намѣреніемъ отвержены латины и анаѳемѣ преданы“. Послѣднія явленія въ обѣихъ пьесахъ тоже имѣютъ наружное сходство между собою.

Содержаніе трагедокомедіи касается интереснаго для южноруссовъ вопроса объ отношеніи между православіемъ и католицизмомъ, олицетворявшимися въ южноруссахъ и полякахъ. Общая мысль эта получаетъ иногда живыя краски и индивидуальные оттѣнки, благодаря присутствію въ пьесѣ народнаго и легендарнаго элементовъ и намековъ на современную дѣйствительность. Поэтому трагедокомедія эта должна была производить въ свое время большое впечатлѣніе, особенно на такихъ слушателей, какимъ былъ тогдашній Кіево-Печерскій архимандритъ Іосифъ, самъ, по выраженію трагедокомедіи, „много пострадавый ради *благочестія* (православія) и ради поправы нравовъ развратныхъ“.

Въ дѣйствіи первомъ первѣйшій сатана бесѣдуетъ съ другимъ бѣсомъ шуточнымъ о томъ, гдѣ ему больше всего было удачи, и гдѣ не удавалось. Сатана хвалится искушеніемъ Евы, всемірнымъ потопомъ, состояніемъ человѣческаго рода во время призванія Авраама и безплодіемъ послѣдняго съ Саррою, Садукеями и Фарисеями, Симономъ волхвомъ, первыми злыми еретиками и магометанствомъ. Но шуточный бѣсъ отыскиваетъ комическую сторону въ мнимоуспѣшныхъ дѣйствіяхъ Сатаны, при чемъ пользуется иногда произведеніями южнорусскаго народнаго юмора. Когда Сатана похвалился потопомъ, то шуточный бѣсъ, между прочимъ, говоритъ ему:

Носятся у нѣкіихъ народовъ такіи
Рѣчи: Египтянинъ ктось, ихъ зовутъ иныи
Циганами, алчущій, не имый чимъ душу
Свою препитати, злѣзъ на чужую грушу,
И какъ уже грушами оклался от доти,
Сшелъ зъ древа. Приходитъ хозяинъ: а хто,—
Сказуетъ,—чего злодѣй заслужилъ?—Лукавый
Египтянинъ на тое: мой пане ласкавый!
Выноватъ, прости! или, естьли не прощаешъ,—
Сѣчи, палы, убивай ужъ какъ ты самъ знаешъ,
Лишь законъ у насъ такой—черезъ плотъ не пересажуй!—
Глупъ хозяинъ пересадилъ: отъ, такъ де наказуй
Всегда!—а далѣ въ ноги! Хозяинъ и слѣду
Не ухватилъ.

Въ концѣ разговора собесѣдники замѣчаютъ какого-то приближающагося къ нимъ дряхлаго старика. Это былъ гречинъ Филоѳей, получившій изъ Рима извѣстіе, что папа Николай объявилъ себя неподлежащимъ земному суду и земнымъ богомъ. Сатана радуется этому извѣстію. Съ Филоѳеемъ встрѣчается другой гречинъ Аретофилъ,—и оба они сѣтуютъ о появленіи новаго язычества въ христіанскомъ мірѣ, надѣясь однакоже на противоборство Фотія папѣ. Выслушавъ разговоръ монаховъ, Сатана отправляется въ Римъ.

Во второмъ дѣйствіи выходятъ на сцену бѣглецы изъ еретическаго Рима—монахъ Митрофанъ и два простолюдина. Митрофанъ приходитъ къ убѣжденію, что наводненіе рѣки Тибра и моровая язва въ Римѣ при папѣ Пелагіѣ предзнаменовали потопъ ересей и язву душевную, открывшіеся въ Римѣ съ папою Николаемъ, который, вмѣсто Христа, призналъ себя главою церкви и отсѣкъ отъ великой четыредесятницы первую седмицу, сдѣлавъ ее сырною. Монахъ Митрофанъ собирается идти къ патріарху Фотію донести объ этомъ. Простолюдины, подслушавъ монологъ Митрофана, сочувствуютъ ему и вступаютъ съ нимъ въ разговоръ.

Они съ своей стороны разсказываютъ Митрофану, что они бѣжали изъ Рима отъ новомодныхъ священниковъ, которые причащаютъ народъ опрѣсноками и, будучи неженаты, становятся опасными для женъ прихожанъ. Митрофанъ одобряетъ поступокъ простолюдиновъ и идетъ къ патріарху. Между тѣмъ простолюдины, разсуждая о монахѣ Митрофанѣ и трудности его миссіи, встрѣчаются съ клирикомъ Пахоміемъ. Клирикъ говоритъ самъ съ собою:

Правду сказуетъ Павелъ: на вся есть полезно
Благочестіе; пока онаго любезно
У насъ держались, добре все у насъ велося;
Теперь благочестіе якъ пошло, прышлося
Не до добра; недавно в городѣ Кольони
У насъ палъ перунъ в церквѣ в образѣ дракони,
Дракони огнистого, и убили страшно
Три священники в церкви служащія разно,
Не въ одномъ олтарѣ, такожъ посполитыхъ
Людей шесть. Много мыслилъ я о событыхъ
Смертехъ, что за вина есть? вина не иная,
Токмо что правость вѣры пропала святая;
И тѣмъ видя гнѣвъ з неба, якъ Лотъ изъ Содому
Бѣжалъ я съ Колоніи изъ моего дому,
Изволяя странствовать, нежели...

На этомъ словѣ прерываетъ его второй простолюдинъ, узнавшій клирика, и проситъ послѣдняго, какъ хорошаго пѣвца, спѣть что нибудь примѣнительное къ бѣдственному положенію церкви. Клирикъ поетъ плачевную пѣснь, подражая извѣстному псалму—„На рѣкахъ Вавилонскихъ“.

Въ третьемъ дѣйствіи выходитъ патріархъ константинопольскій Фотій, разспрашиваетъ монаха Митрофана о томъ, что дѣлается въ Римѣ, и узнаетъ отъ него, что тамъ въ пятницу ѣдятъ мясо, а въ субботу постятся, что первая недѣля великаго поста превращена въ сырную, священники поставляются безженные, отличающіеся развращеніемъ нравовъ, что крещаемыхъ не мажутъ мѵромъ и признаютъ

исхожденіе Св. Духа отъ Отца и Сына: словомъ, Митрофанъ обвиняетъ римлянъ въ томъ же, въ чемъ обличали ихъ извѣстныя уже намъ Загоровскія стихотворенія XVII вѣка, о которыхъ упоминали мы при разборѣ трагедокомедіи Ѳ. Прокоповича „Владиміръ“. Патріархъ Фотій—въ сильномъ волненіи; онъ проситъ Митрофана выйти и наединѣ разсуждаетъ о новоизмышленномъ догматѣ объ исхожденіи Св. Духа и отъ Сына. Послѣ тонкихъ разсужденій объ этомъ предметѣ, Фотій признаетъ новоизмышленный римскій догматъ ересью и рѣшается созвать патріарховъ и предать еретиковъ анаѳемѣ.

Въ четвертомъ дѣйствіи разговариваютъ греки—Филоѳей, пришедшій съ собора, и не бывшій на соборѣ Аретофилъ. Филоѳей въ восторгѣ отъ того, что сподобился быть на соборѣ. Онъ описываетъ Аретофилу великолѣпіе храма, въ которотъ происходилъ соборъ, и мудрость святителей и особенно Фотія, обличившихъ лжемудріе латинянъ и предавшихъ ихъ анаѳемѣ, съ освобожденіемъ отъ нея тѣхъ, которые обратятся къ православію. Затѣмъ чтецъ читаетъ во всенародное услышаніе патріаршую грамоту „о томъ, что не напрасно и съ добрымъ намѣреніемъ отвержены латины и анаѳемѣ преданы“. Въ оправданіе анаѳемы указывается на цѣль ея—защитить церковь отъ соблазновъ и ересей, которые уже начали проникать въ Болгарію;

Ибо Болгары, наши любезныя дѣти,
Сея ереси архи сіи апостаты
Научили однако с собою держати.

Въ пятомъ дѣйствіи выходитъ патріархъ Фотій и, зная, какъ Богъ неоскуденъ въ людехъ рабѣхъ своихъ, „угадуетъ, что изыщетъ Богъ люди на мѣсто отпадшихъ римлянъ“. Фотій останавливается мыслію на престольномъ городѣ русской земли Кіевѣ:

Повѣствуютъ, что нѣгдѣ есть градъ надъ рѣкою
Бористеномъ; той славенъ вещію такою
Быть чтемъ: апостолъ святый Андрей возвѣщая

Тамо евангеліе и духомъ предзная
Будущая, верхъ хольма коегось большаго
Водрузылъ знаменіе Христа всесвятаго
Крестъ, съ пророческими такими словами:
Возсіяетъ благодать надъ сими горами.
Божія кто же вѣсть? Може, тотъ награду
Вмѣсто рымлянъ готуетъ Богъ своему стаду.

Предвѣденіе Божіе увѣряетъ Фотія, что отпаденіе римлянъ отъ православія дѣйствительно вознаградится Россіею. Въ устахъ Георгія Щербацкаго, слова предвѣденія Божія являются пророчествомъ о прошломъ и настоящемъ времени. Авторъ перечисляетъ, съ похвалами, рядъ русскихъ князей, царей и императоровъ, начиная съ Владиміра, и Кіевскихъ митрополитовъ, останавливаясь преимущественно на императрицѣ Елизаветѣ и Кіевскомъ митрополитѣ Тимоѳеѣ (Щербацкомъ), при чемъ упоминаетъ и тогдашняго Кіево-печерскаго архимандрита Іосифа. Объ Елизаветѣ Предвѣденіе говоритъ, въ духѣ Михаила Козачинскаго, слѣдующее:

Таже правительствуетъ тамъ Елисавета,
Елисавета славна, имя чудна свѣта,
Однымъ естествомъ жена, а мужъ въ словѣ, въ дѣлѣ,
Одна—что Ромулъ въ брани, Нума въ мирѣ были.
Хотя же подъ нею есть время и притрудно
Въ пищѣ, однакъ не стало совсѣмъ то и скудно:
Сискавъ способъ ко дѣлу, царскые доходы
Вмаленны, да спасуться сельскіе приходы.

Патріархъ Фотій желаетъ скорѣйшаго исполненія этого предсказанія.

V.

Со времени царствованія Екатерины II, ознаменованнаго чрезвычайнымъ оживленіемъ русской литературы на сѣверѣ Россіи, мы должны бы, повидимому, ожидать наибольшаго развитія и южнорусской литературы этого времени, особенно драматической. Между тѣмъ, собирая уцѣлѣвшіе остатки ея отъ этого времени, мы находимъ только рядъ черновыхъ набросковъ, неотдѣланныхъ діалоговъ и отрывочныхъ сценъ и—ни одной цѣльной трагедіи или трагедокомедіи въ прежнемъ духѣ, за исключеніемъ развѣ „комедіи уніатовъ съ православными" ех—уніата священника Саввы Стрѣлецкаго, и то писанной на польскомъ языкѣ. Притомъ же, большая часть этихъ произведеній уже не представлялась на сценѣ въ Кіевской Академіи и исключительно писалась или учащимися студентами, или священниками изъ бывшихъ студентовъ и преподавателей. Причинъ такого явленія нужно искать въ учрежденіи Московскаго университета и свѣтскихъ училищъ, въ отдѣленіи свѣтскаго образованія отъ духовнаго и въ цѣломъ рядѣ распоряженій и дѣйствій русскаго правительства, клонившихся къ уравненію Украйны во всѣхъ отношеніяхъ съ остальною Россіею. Вслѣдствіе дѣйствія этихъ причинъ, естественнымъ образомъ послѣдовали—отливъ многихъ лучшихъ силъ изъ

Украины и Кіевской Академіи въ университетъ и свѣтскія училища и подчиненіе мѣстной украинской литературы общему теченію русской литературы. Съ одной стороны—малорусскіе уроженцы, получая или только оканчивая образованіе въ сѣверно-русскихъ учебныхъ заведеніяхъ, невольно втягивались въ кругъ интерессовъ сѣверно-русской литературы, съ другой—южнорусскія школы подчинены были въ это время общимъ школьнымъ правиламъ, и Кіевская академія со времени Кіевскаго митрополита Самуила Миславскаго обязана была слѣдовать сѣверно-русскимъ литературнымъ образцамъ и подражать имъ. Вслѣдствіе этого, литературныя произведенія тѣхъ и другихъ изъ украинцевъ, относящіяся къ этому времени, въ большинствѣ случаевъ почти ничѣмъ не отличаются отъ литературныхъ произведеній сѣверно-русскихъ писателей. Бантышъ-Каменскій, Козицкій, Лука Сѣчкаревъ, Эминъ, Антонскій-Прокоповичъ, Сохацкій и другіе, получившіе образованіе свое въ Кіевской академіи и довершившіе его или въ сѣверно-русскихъ учебныхъ заведеніяхъ, или за границей, обыкновенно отчисляются къ разряду общерусскихъ писателей. Тѣмъ съ большимъ правомъ входятъ въ составъ исторіи русской литературы произведенія украинскихъ урожденцевъ Рубана, Капниста, Гнѣдича и др., получившихъ образованіе свое на сѣверѣ Россіи и вполнѣ сроднившихся съ его литературою. Въ самой Кіевской Академіи, не смотря на отдаленность ея отъ общерусскихъ литературныхъ центровъ, являются произведенія, мало чѣмъ отличающіяся отъ сѣверно-русскихъ. Мы приводили выше отрывокъ изъ оды Левандовскаго митрополиту Самуилу Миславскому на взятіе Очакова, 1769 года. Еще большею чистотою и отдѣлкою отличаются гимны Иринея Фальковскаго, 1791 года [1]), и оды, поднесенныя Кіевскою академіею кіевскому митрополиту

[1]) Exercitia pöetica, 1791 года, рукопись Кіево-Соф. собора, № 489. Сп. Труды Кіев. Дух. Академіи, Январь, 1867 года, стр. 80—90.

Іероѳеѣю въ 1796 году, изъ которыхъ мы тоже приводили отрывокъ.

Но тогда какъ лучшія, передовыя силы украинцевъ рѣшительно вступили на путь сближенія съ общерусскими интерессами и литературою, на югѣ Россіи не исчезли еще и прежнія литературныя преданія и формы и въ извѣстномъ смыслѣ продолжали даже развиваться, спускаясь все ниже и ниже въ сферы общественной и народной жизни и пародируя народную рѣчь и народные нравы. Сами авторы подобныхъ произведеній сознавали отсталость прежнихъ литературныхъ формъ южнорусскихъ и прежнее силлабическое стихотвореніе называли „ветхосѣннымъ штилемъ“ [1]) и употребляли его лишь въ видѣ курьеза, шутки, насмѣшки и пародіи. Поэтому большинство южнорусскихъ литературныхъ и въ частности драматическихъ произведеній этого времени отличается шутливымъ, комическимъ характеромъ.

Имѣя свою спеціальную задачу, мы не будемъ касаться общерусскихъ литературныхъ стремленій украинскихъ урожденцевъ въ разматриваемый періодъ и остановимся только на литературныхъ и драматическихъ опытахъ въ прежнемъ духѣ, отмѣченныхъ въ большей или меньшей мѣрѣ мѣстнымъ характеромъ. Къ такимъ произведеніямъ относятся: 1) Діалогъ или разговоръ пастырей—изъ какой-то рождественской пьесы; 2) Интермедѣя на три персоны: смерть, воинъ и хлопецъ, около 1788 года; 3—4) Двѣ сцены „Ярмарокъ“ и „Исповѣдь“, около 1789 года, священника I. Некрашевича, бывшаго студента Кіевской Академіи; 5) Разговоръ священника съ іеромонахомъ объ ожидаемомъ улучшеніи быта духовенства, послѣ 1775 года, около половины царствованія Екатерины II; 6) „Комедія уніатовъ съ

---

[1]) Рукопись Церковно-археологич. музея, 1789 г., № 188 по рукописному каталогу. Здѣсь, кромѣ „стиховъ ветхосѣннымъ штилемъ написанныхъ“, есть „баснь—попъ и апетиціальникъ“.

православными“, священника Саввы Стрѣлецкаго, 1797—1799 г., и др.

Въ діалогѣ пастырей, писанномъ послѣ 1750 года[1]), представлены разговаривающими два пастуха—Свиридъ и Овдѣй. Управившись со скотиною, они завели между собою разговоръ о стѣснительной для нихъ народной переписи, введенной недавно кесаремъ Августомъ. Главною, хотя и отдаленнѣйшею причиною этого зла, равно какъ и другихъ несчастій человѣческихъ, они полагаютъ преступленіе прародителями Божіей заповѣди о невкушеніи запрещеннаго плода. „От то такъ, якъ каутъ,—замѣчаетъ Овдѣй: хто, кае, кислицы поѣвъ, а (на) насъ оскома напала“.

Свир. Щожъ маемъ чинити? така наша доля!
Треба терпѣти, пока змилуется Божія воля.
Овд. Хибажъ еще треба ждать и(н)шой одлиги?
Свир. А якъ же! Геть то такъ каутъ святыя книги.
Это, каутъ, народится отроча само съ (с)воей волѣ,
Той визволить насъ изъ сей неволѣ.
Прирва [2]) по головамъ дѣдькамъ дастъ добра чоса
И старшому анцыболу утре добре носа.
Овд. Ой колибъ намъ, Свириде, сіого времени дождати!
То бъ не взяла насъ г... мати.
Свир. Да вже! коли не мы дождемъ, дакъ добри люде,
А вже те, що Бѣгъ сказавъ, то такъ конче буде.

Судя по ходу разговора, дальше предполагалось говорить о явленіи пастырямъ ангеловъ съ радостною вѣстію о рожденіи Спасителя и другихъ обстоятельствахъ этого міроваго событія.

---

[1]) Рукоп. Кіев. Акад., по печатн. описан. № 422, л. 475; сн. Труды Кіев. Дух. Акад., Декабрь, 1866 г., стр. 553—554.

[2]) Прирва—камень оторвавшійся отъ горы. Здѣсь разумѣется камень, безъ рукъ отсѣченный отъ горы, о которомъ пророчествовалъ пророкъ Даніилъ, и который знаменовалъ собою Іисуса Христа.

Къ какой либо рождественской пьесѣ относится и „Интермедѣя на три персоны: смерть, воинъ и хлопецъ“, найденная въ южнорусскомъ сборникѣ 1788 года [1]). Въ „интермедѣи“ выходитъ на сцену храбрый воинъ, искусившійся въ бояхъ, и высказываетъ желаніе побиться со смертію. Смерть дѣйствительно является къ нему, вооруженная косою, граблями и заступомъ. Она говоритъ воину о своихъ побѣдахъ надъ людьми сильными и славными и похваляется побѣдить и самаго воина. Начинается бой. Воинъ выстрѣлилъ смерти въ ребро и считалъ уже ее убитою. Но смерть неуязвима: она грозитъ воину лишеніемъ жизни и приглашаетъ его къ покаянію. Воинъ видитъ свой конецъ, прощается съ міромъ и безпрекословно отдается смерти. Воинъ этотъ—не кто иной, какъ герой старинныхъ русскихъ сказаній „о прѣніи живота со смертію“, встрѣчающихся и въ южнорусской редакціи [2]). Онъ является въ рождественской пьесѣ по родству своему съ Иродомъ, неизмѣннымъ героемъ всѣхъ кіевскихъ представленій на Рождество Христово. Въ рождественскихъ пьесахъ кіевскихъ царь Иродъ обыкновенно представляется въ борьбѣ со смертію, посланною умертвить его за жестокое избіеніе неповинныхъ младенцевъ: сначала онъ приказываетъ убить ее, а потомъ самъ умираетъ отъ ея руки [3]). И герой „прѣнія“ тоже представляется въ борьбѣ со смертію и падаетъ подъ ея ударами.

Священникъ І. Некрашевичъ занимается въ своихъ діалогахъ и сценахъ окружающей его крестьянской средой и предметами пастырскаго своего служенія [4]). Мы оставля-

---

[1]) Лѣтописи Русск. Литерат., кн. 5, отд. II, стр. 78—80; сн. Труды Кіевск. Дух. Академіи, Декабрь, 1866 года, стр. 556—558.

[2]) Описан. рукоп. Церковно-археол. муз. № 468, л. 52.

[3]) Обычаи, повѣрья, кухня и напитки малороссіянъ, Маркевича; вертепъ, явленіе 13.

[4]) Пьесы І. Некрашевича въ рукописи церковно-археол. Музея, по печатн. описанію № 666. „Исповѣдь“ издана въ Руководствѣ для Сельскихъ Пастырей, 1877 г., № 11.

емъ въ сторонѣ его „Разговоръ души съ тѣломъ", какъ не имѣющій литературнаго значенія, и останавливаемся на его ярмаркѣ и исповѣди.

Сцена „Ярмарокъ", повидимому, не имѣетъ опредѣленной цѣли и есть простая копія съ обыденной дѣйствительности украинскаго мужика. На ярмаркѣ встрѣтились два мужика—Хвилонъ и Хвеско.

Хвил. Здоровъ, Хвесько! що ты ярмаркуешъ?
Що добре тутъ продаешъ, себѣ що купуешъ?
Хвеск: Та мовчи, бра Хвилоне! продавъ свою клячу.
Хвил. А ну, бра, за що ты збувъ ту шкуру собачу?
Хвеск. Та ще за повъпета изопхнувъ насилу...
Хвил. Я онъ тобѣ давно казавъ: годѣ вже держати!
Сѣна завсѣмъ не вкусить и стала хромати.

Укоривъ Хвеську за неопытность въ торгашествѣ, Хвилонъ вызывается купить у него слѣпыхъ воловъ и торгуется съ нимъ.

Хвеск. Коли каэшъ, дакъ кай, та й будемъ сватами:
Нехай таки ще роднѣ прибуде межъ нами!
Хвил. Ну, вступишъ за повшнадцать, дакъ будемъ платити.
Колибъ тѣлко годились у плузѣ робити.
Хвеск. Куме, слухай! зъ моихъ рукъ щасте тобѣ буде!
Вони дуже робочи, нехай кауть люде.
Хвил. Спасибу жъ тобѣ, куме! нуможъ пить горѣлку!
Та ще треба землею стерти воламъ спинку.
Выпій же, свату, до дна, щобъ воли орали.
Хвеск. Отъ такъ, свату, въ гору хвись, щобъ тобѣ брикали.

Пьеса „Исповѣдь", по видимому, представляетъ сцену изъ дѣйствительной жизни тогдашняго священника. Предшественники Некрашевича по приходу, какъ видно, пренебрегали таинствомъ покаянія, исповѣдывали своихъ прихожанъ всѣхъ вмѣстѣ, давая всѣмъ имъ общіе вопросы, а не каждому порознь. О. Іоаннъ въ приходѣ своемъ Вишенкахъ ввелъ одиночную исповѣдь и спрашивалъ кающихся не только о явныхъ, такъ сказать вещественныхъ грѣхахъ,

но и о сокровенныхъ помыслахъ и пожеланіяхъ. Непривычные къ такимъ порядкамъ крестьяне возроптали на своего священника; но онъ наставленіями своими успокоилъ прихожанъ и пріучилъ ихъ къ одиночной исповѣди. Духовникъ спрашиваетъ кающагося о грѣхахъ его, на что́ послѣдній отвѣчаетъ:

Що жъ я коли зогрешу? я не такъ якъ люде,
Що иншій ледащо, да ще й звягать буде.
А я хлѣба да соли не збавивъ никого,
А бѣлше якихъ грехѣвъ не чуюсь ничого.
Горую да бѣдую, хочь хлѣба не маю,
А нѣколи нѣкого я не позываю.
Ой, чи я бы бѣдовавъ, якъ теперь бѣдую,
Якъ бы хотѣвъ грѣшити, запять речь чужую!

Дух. къ женщинѣ:

Говори жъ еще и ты, что́ ты согрѣшила,
Чимъ случайно и когда Бога оскорбила?
Различніи суть грѣхи, многи и велики,
Коимъ повинніи всѣ, жени й человѣки:
Ѣздила ль когда вездѣ ворожки искати,
Щастливое мѣсто бъ знать на постройку хати,
Шутки кощунные ль ты въ весѣлляхъ творила,
Иль и болше чимъ, скажи, и какъ ты грѣшила?

Женщина:

Нѣ, очченку, я чесна й роду не такого,
Якъ иншее бувае матки й оцця злого;
А мене бо навчили отецъ муй и мати
Колядувокъ и щедрювокъ Бога зухваляти.
Говѣю я цороку, пятюнку шаную,
Нѣ ѣмъ, нѣ пью, нѣ роблю до вечера въ тую.
Отъ, бризнуло на губу, акъ сыръ откидала.
Чого я не робыла? ввесь ротъ полоскала.
Ісусе, прости мене грѣшную такую!
А булше я на собѣ нѣчого не чую.

Духовникъ:

Единъ Богъ есть безъ грѣха, что́ ты се говоришъ?
А міръ весь во злѣ лежитъ, и ты тожде творишъ.

Женщина:

Развѣ ты, паночченку, по собѣ се знаешъ,
Що ты у мене грѣхювъ такъ довго питаешъ?
Еще жъ хиба за те грѣхъ, що брехнешъ, паноче,
Губою немитою,—се жъ дѣло охоче.
Я жъ таки не все й брешу, я чесна собою;
Десь ты по злобѣ почавъ такъ крутити мною...

Дух. къ дѣвицѣ:

Къ тебѣ убо дѣвицѣ, рѣчь я обращаю!
Покайся, то Богъ проститъ и я нынь прощаю;
Раскажи здѣсь подробну, безъ всякой утайки,
Всѣ грѣхи до послѣдной пустой какой байки!

Дѣвица:

А я що зогрѣшила? що я можу знати?
На вечюрки не хожу, не пускае мати.
Шесть разъ мене и торюкъ моя мати била
За те, що на юлицу разювъ съ пять ходила.
Единъ тулько разъ колись пѣсню заспѣвала,
Да й вигнала изъ хати, що й не ночовала.
Вжежъ теперъ добре роблю, у грѣхахъ не чуюсь,
Одъ теи доби й досѣ усе я шануюсь.

Духовникъ къ малолѣтнымъ:

И вы, дѣти, не крадьте, не будьте упрями,
Не брешѣте, не бійтесь межъ собою сами.

Малолѣтные:

Чи ще жъ и мы зогрешимъ? нѣ, очче, нѣчого!
Молимось, бьемъ поклоны, нѣчого худого.

Всѣ обще ропщуть:

А що жъ то пѣпъ нашъ почавъ всѣхъ насъ такъ нуждити?
Доки жъ уже мы іому будемо терпѣти?
Се жъ уже на споведѣ й брехню завдавае,
Коли скаэ хто іому, що грехювъ не мае.
Оццежъ какъ! а де іому грехювъ такихъ взяти?
Якъ нечого не грѣшивъ, щожъ мае казати?
Чи то мы такъ грешимо, якъ и инши люде?
Да абы були люде, а пѣпъ у насъ буде.
И іого бъ мы за попа всѣ посполу мали,
На проскуры бъ носили й іого бъ шановали;
Нехай бѣ вѣнъ перестав тѣлко мудровати,
Щобъ такъ по одинцю все всѣхъ насъ сповѣдати;
Еще жъ колибъ переставъ муштровать въ причастѣ,
Що одъ свити закаврашъ одрѣзавъ у Настѣ.

Духовникъ:

Нѣтъ возлюбленные, нѣтъ, не хотѣте й сами!
Вы йдѣть за духовникомъ, а не онъ за вами!
Іисусъ, свѣтъ истинній, свѣта есть податель;
Да просвѣтитъ же и васъ, яко благодатель!
Его познать, то и грѣхи познать буде можно,
Покаявшися жъ жить съ нимъ ей се есть неложно.

Всѣ роптавшіе:

Коли жъ такъ, дакъ мы тебе всѣ будемо слухать.
Да позвюль сивуху пить да табаку нюхать,
Расказуй тогдѣ що хочъ! бо мы всѣ слепыи,
Не знаемъ, чи за грехи есть кари якіи?
А мы будемъ пилненко на усъ те мотати,
Чи не станемъ хочъ трохи грехювъ познавати.
Теперъ же, хвала Богу, пришовъ пѣстъ великій,
Въ церквѣ не будутъ хиба саміи калѣки.
Который не бувъ чезъ рюкъ, теперъ побувае;
Хочъ уперше, коли пѣпъ людей сповѣдае,

Очи продере свои, побачить все злее,
  Що, якъ, колы зогрешивъ хочъ слово якее.
Ей Богу покаемся жѣнки й чоловѣки,
  Щобъ у небѣ зо Хрістомъ царствовать на вѣки.

Были въ разсматриваемое время со стороны южнорусовъ и попытки участвовать своимъ словомъ въ рѣшеніи вопросовъ внутренней политики и въ разныхъ преобразованіяхъ, которыми такъ богато было царствованіе Екатерины II. Въ подтвержденіе этого мы укажемъ на одинъ разговоръ священника съ іеромонахомъ объ ожидаемомъ улучшеніи быта духовенства, писанный послѣ 1775 года, около половины царствованія Екатерины II, и полученный изъ Черниговской епархіи [1]). Разговоръ этотъ хотя писанъ на русскомъ языкѣ, но съ примѣсью малорусскихъ словъ. Мѣсто разговора—Украина, по всей вѣроятности *тогобочная*, но—быть можетъ—входившая въ составъ кіевской митрополіи, до втораго польскаго раздѣла имѣвшей мѣсто на томъ берегу Днѣпра и простиравшейся до Глухова. Время разговора—средина царствованія Екатерины II, въ частности вскорѣ послѣ открытія намѣстничествъ, послѣдовавшаго въ 1775 и дальнѣйшихъ годахъ. Предметъ разговора—ожидаемое улучшеніе быта духовенства. Въ то время, когда милостями великой монархини было взыскано и дворянство посредствомъ жалованной грамоты, и среднее сословіе посредствомъ городоваго положенія, естественно было и духовенству ожидать себѣ всего лучшаго отъ правительства. И это ожиданіе было тѣмъ сильнѣе и естественнѣе, чѣмъ приниженнѣе, даже по закону, было прежнее положеніе духовенства. Лица разговаривающія—іеромонахъ и священникъ. Іеромонахъ, припоминая, что извѣстный указъ Петра Великаго отъ 31 Января 1724 года трактуетъ мона-

---

[1]) Рукоп. Кіев. Акад., по Описан. № 102, л. 142; изд. въ Кіев. Епарх. Вѣдом. 1874 г., № 24.

ховъ, какъ тунеядцевъ, не ожидаетъ для монашества никакихъ перемѣнъ къ лучшему. Священникъ же преисполненъ розовыми мечтами, предполагаетъ возможнымъ, что лучшіе представители бѣлаго духовенства будутъ возводимы прямо въ архіерейскій санъ помимо монашества. Онъ желаетъ выбора духовныхъ властей *шариками*, проэктируетъ устройство отъ правительства благолѣпныхъ храмовъ на 5000 душъ съ многочисленнымъ причтомъ и съ содержаніемъ ежегоднымъ по 1800 руб. на церковь, съ готовыми домами и угодьями для причта и съ десятью дворами приписныхъ къ церкви подданныхъ для услуги; онъ желаетъ пенсіи для сиротъ духовенства; онъ желаетъ наконецъ, чтобы содержаніе духовенства шло не въ формѣ взиманія доходовъ за требоисправленіе, а въ формѣ жалованья. Многія pia desideria священника не исполнились и до настоящаго времени; но замѣчательно, что сто лѣтъ тому назадъ идеалъ улучшеннаго быта у бѣлаго духовенства былъ почти такой же, какъ теперь. Исключеніе составляетъ развѣ проэктируемое екатерининскимъ священникомъ введеніе многочисленнаго причта при одномъ храмѣ, чего современное духовенство, быть можетъ, не пожелало бы.

Ко времени царствованія императора Павла I относится одно кіевское драматическое произведеніе, притомъ же писанное не на русскомъ языкѣ. Это—„Комедія уніатовъ съ православными“, на польскомъ языкѣ, священника Саввы Стрѣлецкаго, бывшаго учителемъ польскаго языка въ кіевской академіи при кіевскомъ митрополитѣ Іероѳеѣ Малицкомъ (1796—1799 г.) [1]. Она говоритъ о начавшемся въ 1794 году, послѣ втораго раздѣла Польши и присоединенія южнорусскаго края къ Россіи, возвращеніи уніатскихъ приходовъ къ православію и о взаимныхъ по этому поводу от-

[1]) Рукопись хранится въ библіотекѣ Кіево-Софійскаго собора. Въ переводѣ на русскій языкъ издана Л. С. Мацѣевичемъ въ Кіев. Епарх. Вѣд., 1869 г., №№ 22—24; см. газету „Кіевлянинъ“, 1870 года, № 5, и Кіев. Епарх. Вѣд., 1871 г., стр. 281—6.

ношеніяхъ между уніатскимъ и православнымъ духовенствомъ и уніатскими прихожанами. Авторъ комедіи, самъ бывшій уніатомъ, конечно, хорошо былъ знакомъ съ тѣмъ дѣломъ, которое взялся представить въ лицахъ; а потому его комедія, хотя и слабая въ литературно-художественномъ отношеніи, вѣрна дѣйствительности и представляетъ немаловажный интересъ историческій. Съ одной стороны, она мѣтко характеризуетъ корыстолюбивое уніатское духовенство, согласно съ ходячими въ народѣ представленіями о немъ [1], его составъ, образованіе, отношеніе къ православному народу и духовенству, съ другой—показываетъ несостоятельность самой уніи и стремленіе здѣшняго народа къ благочестію предковъ. Въ концѣ пьесы затронуты мелочныя причины, удерживавшія уніатскихъ священниковъ отъ перехода въ православіе. Авторъ посвятилъ свой трудъ кіевскому митрополиту Іероѳею, при которомъ уже окончено было дѣло возсоединенія уніатовъ Подольской, Волынской и отчасти Кіевской губерній съ православіемъ, совершенное главнымъ образомъ предшественникомъ Іероѳея, митрополитомъ Самуиломъ, чрезъ особо командированныхъ имъ изъ Кіевской епархіи окружныхъ протоіереевъ—Радзимовскаго, Левандовскаго и другихъ, съ благочинными и лучшими священниками.

„Комедія уніатовъ съ православными" состоитъ изъ двухъ актовъ. Въ первомъ актѣ изображается жизнь уніат-

---

[1]) Ср. напр., полукнижную „балладу изъ временъ уніи" въ „Запискахъ о Южной Руси" Кулиша, т. II, стр. 83—96. Баллада изображаетъ красками, очевидно взятыми съ натуры, попа уніата, продающаго прихожанамъ церковныя требы тѣмъ дороже, что они просятъ его исполнить ихъ *съ благочестіемъ*, т. е. по обрядамъ православной церкви. Постигшее его бѣдствіе (приросла къ нему шкура, которою онъ хотѣлъ напугать мужика и взять у него найденный имъ кладъ) выражаетъ иносказательно убѣжденіе народа, что завистливая жадность къ деньгамъ господствовала въ этихъ людяхъ надъ всѣми другими чувствами, и что, поставленные учить добру прихожанъ, они не имѣли въ сердцѣ своемъ никакого добра.

скаго духовенства, насквозь пропитаннаго корыстолюбіемъ; во второмъ актѣ являются представители православнаго духовенства, увлекаютъ за собой народъ къ благочестію и убѣждаютъ даже самихъ уніатскихъ ксендзовъ перейти на ихъ сторону.

Дѣйствующими лицами перваго акта являются—суррогатъ, соотвѣтствующій прежнимъ протопопамъ нашимъ, дзѣканъ, соотвѣтствующій нашему благочинному, двѣнадцать курсовъ учившійся логикѣ, и убогій аспирантъ, чающій получить священническое мѣсто. Актъ открывается кантомъ, въ которомъ достопочтенное собраніе, наполнявшее обширный залъ (академическій), приглашается успокоить помыслы и, настроивъ мысли и чувства вниманіемъ и любопытствомъ, дозволить говорить тѣмъ, кому само Провидѣніе, натура и мѣсто указываютъ, и прежде всего, разумѣется, уніатамъ. Въ это время изъ-за стола, уложеннаго книгами, бумагами и разными канцелярскими принадлежностями, выходитъ суррогатъ и начинаетъ рѣчь свою панегирикомъ уніатамъ, которые одни, ревностно подражая своимъ предкамъ, мужественно, твердо и постоянно сохраняютъ свою вѣру; при этомъ онъ вспоминаетъ объ Іосафатѣ Кунцевичѣ, извѣстномъ уніатскомъ изувѣрѣ XVII вѣка. Но дальнѣйшій ходъ пьесы рѣшительно идетъ въ разрѣзъ съ этимъ самовосхваленіемъ уніатовъ. Къ дзѣкану,—другому уніатскому духовному лицу, является несчастный аспирантъ, проситъ его взглянуть на его несчастное положеніе, принять въ духовное званіе и дать должность для препровожденія остатка дней. Дзѣканъ гордо и презрительно отказываетъ аспиранту въ просимомъ. Послѣдній, опустивъ руку въ карманъ, снова обращается къ дзѣкану:

— „Чѣмъ богатъ... Соблаговоли, панъ, посмотрѣть на эти блѣдныя руки и не откажи справедливо просящему! (суетъ деньги).

Дзѣканъ (принимая деньги): Чего жъ ты доискиваешься?

Аспир. А того, чтобы быть священникомъ и имѣть парохію (приходъ).

Дзѣканъ. Понимаю. Ну, такъ и говори. А то городитъ мнѣ чортъ знаетъ что! Видя теперь въ особѣ васъ—пана человѣка порядочнаго и почтительнаго, я постараюсь удовлетворить твоимъ желаніямъ. Но прежде всего вотъ что: скоро придетъ сюда его милость ксендзъ суррогатъ, человѣкъ не менѣе умный, какъ и милостивый,—такъ вотъ только ему, васъ—панъ, постарайся зарекомендоваться.

Аспирантъ. Это для меня пустяки.

Дзѣканъ. А во вторыхъ,—признаюсь тебѣ,—онъ до того скрупулезенъ, что ни одного аспиранта не принимаетъ безъ экзамена.

Услышавъ о предстоящемъ экзаменѣ, аспирантъ не надѣется на себя и требуетъ обратно денегъ. Дзѣканъ успокоиваетъ его, увѣряя, что экзаменъ удастся ему какъ нельзя лучше,—слѣдуетъ только выучиться одному секрету. Секретъ этотъ состоялъ въ томъ, чтобы отвѣтить по-латыни на два вопроса, предлагаемые суррогатомъ всѣмъ экзаменующимся, именно: unde venis? quid vis? Аспирантъ долженъ былъ отвѣчать: Belzitiis; ad ordines. Затвердивъ требуемые отвѣты, аспирантъ скрылся на время. Оставшись одинъ, дзѣканъ считаетъ полученныя отъ аспиранта деньги: „пять старыхъ... И того съ пальца не высосешь! а къ томужъ бѣдняга какой—то“.

Является суррогатъ съ письмомъ отъ Радомышльскаго, т. е. жившаго въ Радомышлѣ митрополита уніатскаго, съ предписаніемъ собрать слѣдуемую съ духовенства дань, а также держать духовенство въ строжайшемъ надзорѣ и порядкѣ и внушать ему, чтобы хорошо обходилось съ парохіанами. Но это предписаніе, вызванное угрожавшею отъ православія опасностію для уніи, дало новую пищу корыстолюбію и жадности суррогата и дзѣкана.

Суррог. Вытянувши отъ духовенства сборъ, когда насяду на нихъ и возьмусь по своему, то и мнѣ что нибудь перепадетъ.

Дзѣканъ. А мнѣ?

Сурроі. А когда строго вникну въ отношенія священниковъ къ громадѣ, то вдругъ буду имѣть...

Дзѣканъ. А я жъ?

Суррогатъ. Подожди—ка! Славная мысль пришла мнѣ въ голову—вмѣшаться помежь милыхъ жидковъ и священниковъ. Они, вѣдь, ведутъ между собою дѣла; [1]) такъ быть не можетъ, чтобы...

Дзѣканъ. Что касается этого,—выбери меня, панъ, своимъ орудіемъ! Увѣряю, что будешь имѣть и водки цѣлыя куфы, и денегъ сундуки.

Суррогатъ. О, дай—то Богъ! Съ этою цѣлью выѣзжай—ка ты, мой дзѣканъ, съ визитою,—и сдѣлаемъ мы себѣ такъ, какъ дѣлаютъ охотники: чтобы нагнать на себя звѣря, спокойно сидящаго въ лѣсу, они высылаютъ облаву, доѣзжачихъ напримѣръ; успѣхъ бываетъ удивительный. Такъ и васъ—панъ: когда, наѣхавши въ деканаты, надѣлаешь тамъ шуму и крику, словно въ лѣсу,—тогда, лишь бы кто двинулся только съ своего мѣста, желая уйти отъ твоихъ сѣтей, я попаду въ него такъ, что...

Дзѣканъ. (смѣясь). Божусь, что и ногою не дрыгнетъ.

Суррогатъ. Ну, вотъ видишь! Такъ, однако, поступай тонко, чтобы тебя приняли за патріота, горячо заботящагося о благѣ страны, любящаго справедливость и спокойствіе.

Дзѣканъ. А если случится, что можно содрать.

Суррогатъ. Чего? лыка—то?

Дзѣканъ. Ну, да.

Суррогатъ. Лишь бы только дралось: тогда дери, когда дерется.

Разговоръ прерывается появленіемъ аспиранта, котораго дзѣканъ рекомендовалъ суррогату, какъ своего пріятеля и человѣка ученаго. Но, сверхъ ожиданія, суррогатъ

---

[1]) Мы имѣемъ свѣдѣнія, что бывшіе уніатскіе священники напивали у жидовъ водки рублей на 80 и закладывали имъ свои ставленыя грамоты и презенты. См. рукоп. Церковно-археол. Музея, по рукописному каталогу № 264.

измѣнилъ обычный порядокъ своихъ вопросовъ и тѣмъ обнаружилъ невѣжество аспиранта.

Суррогатъ. Quid vis?

Аспирантъ. Belzitiis.

Суррогатъ. Unde venis?

Аспирантъ. Ad ordines.

Дзѣканъ. Пусть не дивится панъ этой ошибкѣ! случается, что такіе великіе философы, какъ онъ, понадѣявшись слишкомъ на себя, чаще всего ошибаются.

Вновь повторены были вопросы и вновь послѣдовалъ такой же неудачный отвѣтъ. Суррогатъ хотѣлъ было уже совсѣмъ отказать аспиранту въ просьбѣ, но послѣдній впору прибѣгнулъ къ болѣе вѣрному, испытанному уже имъ средству.

Аспирантъ (падая къ ногамъ суррогата). Ахъ, умилосердись, панъ, и соблаговоли не отринуть просьбы бѣднаго сироты! Сжалься (цѣлуетъ руку и суетъ въ бумажникѣ деньги) и благоволи принять!

Суррогатъ (принявши). „Даръ, поданный тайно, смягчаетъ запальчивость, и подарокъ, вложенный въ пазуху, укрощаетъ великій гнѣвъ“ (Притч. гл. 21). А къ тому же „грядущаго ко мнѣ не иждену вонъ“ (Іоан. гл. 6). Сицилійскую скалу, а не сердце, носилъ бы въ груди тотъ, кто не возъимѣлъ бы сожалѣнія надъ симъ бѣднымъ человѣкомъ. Хоть онъ немножко тамъ и сбивается по-латыни, все же можетъ быть священникомъ, да и хорошимъ, въ особенности если поучится теологіи.—Принимаю васъ—пана въ духовное званіе; а для того, чтобы ты былъ принятъ въ Радомышльскую Семинарію, я дамъ тебѣ записочку.

По удаленіи аспиранта, суррогатъ и дзѣканъ продолжаютъ свой прежній разговоръ о предпринимаемой ими охотѣ на подчиненное имъ уніатское духовенство. Суррогатъ совѣтуетъ дзѣкану подущать священниковъ, чтобы они увеличили плату за требы прихожанъ, имѣя въ виду возбудить жалобы прихожанъ и, по поводу ихъ, выжать послѣдніе соки изъ духовенства.

Во второмъ актѣ комедіи, кромѣ суррогата и дзѣкана, являются православный протоіерей съ благочиннымъ и крестьяне. Дзѣканъ уже собрался было въ путь на ловлю своего духовенства, какъ неожиданно остановленъ былъ пріѣздомъ православнаго протоіерея, который, вмѣстѣ съ другими довѣренными лицами, посланъ былъ русскимъ правительствомъ для возсоединенія уніатскихъ приходовъ съ православною церковію. Заѣхавъ по-пути къ суррогату, протоіерей встрѣченъ былъ у него довольно безцеремонно и грубо.

Суррогатъ. Вотъ, смотри, невидаль-то!... Какой у меня гость! Вырвался гдѣ-то изъ тюрмы, можетъ быть нѣсколько сутокъ днемъ и ночью маршировалъ; можетъ быть, нѣсколько мѣсяцевъ, ходя какъ брытанъ на цѣпи, муку на сито сѣялъ, а тутъ сейчасъ ему ѣсть и пить!

Дзѣканъ. Ѣсть и пить? Такъ вотъ въ чемъ тутъ дѣло!... Нѣтъ ли у пана *вороньяго ока* (ядовитаго растенія, служащаго отравой для крысъ)?

Суррогатъ. Вотъ у меня его мосць! Брюхо свое носитъ словно торбу, набитую сѣчкой, и хотѣлъ бы то онъ напаковаться чужимъ обѣдомъ, который иногда такъ горько намъ приходится... Нѣтъ, дудки!

Протоіерей. Но развѣ неприлично подорожнему человѣку заѣхать и попросить куска хлѣба?

Суррагатъ. Въ корчму!..

Протоіерей Вѣдь мы жъ христіане...

Дзѣканъ. Диссиденты, схизматики, отщепенцы!

Въ это время является къ протоіерею благочинный, съ донесеніемъ, что онъ успѣшно исполнилъ возложенное на него порученіе и присоединилъ уніатскія церкви съ ихъ священиками къ православію, за исключеніемъ только нѣкоторыхъ священниковъ, которыхъ не желаютъ имѣть прихожане, и затѣмъ снова отправляется для дальнѣйшей дѣятельности. Суррогатъ и дзѣканъ озадачены и раздражены.

Дзькань. Какъ вижу, къ намъ вяжется какая-то бѣда.

Суррогатъ. И немалая! Мнѣ необходимо написать къ святому отцу и донести ему объ этихъ лжепророкахъ, которые разрушають святую уніатскую церковь... Я увѣрень, что это не понравится святой апостольской столицѣ. А послѣ этого я прикажу во всѣхъ церквахъ и костелахъ съ колокольнымъ звономъ и при зажженныхъ свѣчахъ предать ихъ анаѳемѣ.

Дзькань. Охъ, далъ бы то Богъ! Я въ своей церкви выберу самую большую свѣчу, прикажу бить въ звоны какъ на великдень и, переворотивши, до тѣхъ поръ буду палить ее, пока вся до конца не скапаетъ [1]).

Чрезъ нѣсколько времени благочинный снова возвращается и доноситъ протоіерею о новыхъ успѣхахъ своей миссіонерской дѣятельности. Протоіерей благодаритъ его за его „поистинѣ апостольскій трудъ“ и вмѣстѣ съ нимъ старается склонить къ православію и суррогата съ дзѣканомъ. Суррогатъ скоро подался на увѣщанія протоіерея, какъ только послѣдній объявилъ ему, что православный архипастырь «умѣетъ и любитъ воздавать каждому соотвѣтствующую награду, и не только имѣющимъ distinctoria (наперстные кресты) дозволитъ украшаться ими, но и для неимѣющихъ, но достойныхъ по его мнѣнію онъ самый заботливый попечитель въ изобрѣтеніи подобающихъ имъ отличій». Несравненно упорнѣе оказался дзѣканъ. Сначала онъ ссылался на своихъ прихожанъ, которые будто бы желаютъ остаться при своихъ уніатскихъ обрядахъ и церемоніяхъ, и особенно надѣялся на двухъ изъ нихъ—Лаврина и Тымка. Но, призванные протоіереемъ, прихожане съ радостью изъявляютъ согласіе принять православіе и оставить унію и во главѣ ихъ Лавринъ и Тымко.

---

[1]) Существуетъ народное повѣрье, что если зажечь свѣчу нижнимъ концомъ, то врагъ зажигающаго истаетъ, какъ эта свѣча. Суевѣрія этого придерживался и дзѣканъ.

Протоіерей. Исполняя волю прежде всего Божію, а потомъ Всемилостивѣйшаго Императора, мы пріѣхали къ вамъ.

Дзѣканъ. О, небось напрасно!.. Затронь только, если хочешь, бѣду затронешь.

Лавринъ. Богъ милостиво послалъ васъ къ намъ, исполняя желанія дѣдовъ нашихъ, хотя уже и покойныхъ, и наши собственныя.

Дзѣканъ. Какъ это? Вѣдь ты жъ хотѣлъ говорить нѣчто другое?

Тымко. Правда, что нѣчто другое. Унія, которой, кромѣ нашихъ дѣдовъ, не видалъ и не слыхалъ никакой народъ въ свѣтѣ, и которая, неизвѣстно откуда взявшись, насильно къ намъ втерлась, давно уже намъ стала костью въ горлѣ. Поэтому мы горячо молили Всевышняго Бога, чтобы благословилъ насъ вѣрою соборной апостольской восточной церкви. Всеблагій Богъ услышалъ наши молитвы,—и вотъ теперь чрезъ своего помазанника, нашего наияснѣйшаго монарха, и черезъ васъ удовлетворяетъ нашимъ желаніямъ.

Протоіерей и благочинный пошли въ церковь присоединять къ православію, а дзѣканъ все—таки упорствовалъ. Но причины этого упорства были слишкомъ мелочны и ничтожны, такъ что протоіерею и благочинному весьма легко было ихъ устранить, что они и сдѣлали по возвращеніи изъ церкви.

Дзѣканъ... Признаюсь, я и сейчасъ бы готовъ пристать (къ православію), если бы еще не связывали меня двѣ причины.

Протоіерей. Какія же это двѣ?

Дзѣканъ. Первая—это наша непривычка запускать бороду и усы: дѣло это и некрасивое, и противное... Мы мущины еще можемъ выносить и скорѣй привыкнуть къ этому, но наши жены—никогда! Мущину, а особенно священника съ бородой, терпѣть не могутъ. Еслибъ я запустилъ бороду и явился къ моей Касѣ, ручаюсь, что она коцюбой (кочергой) прогнала бы меня прочь не только со двора, но даже изъ села.

Протоіерей. Развѣ жъ такая злая?

Дзѣканъ. Нѣтъ, не то! Женщина, знаете, молодая: любитъ, чтобы ходить прилично, всегда въ сюртукѣ, съ плотно застегнутыми пуговицами, въ башмакахъ, словомъ чтобъ галантно... А я, когда облекусь въ эту хламиду и запущу при этомъ бороду,—то, право, не дастъ и поцѣловать.

Благочинный. Ничего, можно достигнуть этог! я научу секрету... [1]) Такъ и моя, бывало, сначала какъ начнетъ: „а ты цапъ, кацалапъ!" то, право, не знаю, гдѣ она и вокабуламъ такимъ понаучивалась; словомъ, бывало,—ни на глаза. А теперь будто не та женщина: такъ хорошо цѣлуетъ въ бороду, какъ и жиды лучше не могутъ въ свое „тфытимъ".

Протоіерей. Какая жъ другая причина?

Дзѣканъ. Что жъ? можетъ быть, вы будете смѣяться и надъ нею; а по нашему мнѣнію она, право, самая важная. И признаюсь, она больше всего внушаетъ нашимъ сопротивленія и отвращенія.

Протоіерей. Какая жъ однако?

Дзѣканъ У васъ страхъ какъ много трудовъ для священника по части богослуженія: напримѣръ, литургіи святыя всегда поются, у насъ же онѣ могутъ быть и вычитываемы; у васъ псалтирь, каноны и другія правила всегда и всѣ нужно непремѣнно читать въ церкви, у насъ же—однѣ дьякъ въ школѣ, а другія священникъ и дома вычитываетъ... Но страннѣе всего эти молебствія: ради ихъ священникъ, словно невольникъ, не можетъ никуда ни уѣхать, ни уйти. Это для насъ тяжелѣе всего [2]).

---

[1]) Вѣроятно, здѣсь намекается на секретъ, воспѣтый въ одной народной пѣснѣ того времени, которая начинается словами:

Зажурилась попаденька своею бідою:

Ой я нещасна—мій піпъ зъ бородою!

[2]) Слич. „балладу изъ временъ уніи" въ „Запискахъ о Южной Руси" Кулиша, 1857 г., т. II, стр. 83—96.

Протоіерей. Удивительная причина!

Благочинный. А правду онъ сказалъ, что будете смѣяться. Смѣха и удивленія достойны эти причины: что ни скажетъ,— все пусто, какъ съ мосту.

Дзькань. Ужь вамъ, какъ вижу, хоть какую трудную квестію (вопросъ) задай, вы непремѣнно ее разрѣшите. Вотъ же признаюсь вамъ,—для кого инаго никогда бы этого не сдѣлалъ, а для вашей дружбы долженъ: дѣлайте со мной, что хотите!

Благочинный. Какою ужь разгорѣлся онъ любовію къ православію!

Протоіерей. Итакъ, идемъ въ церковь! тамъ всему будетъ конецъ.

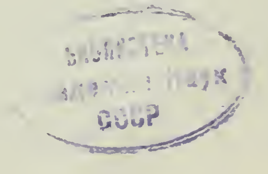
Дзькань. Васъ это не интерисуетъ, такъ вы идите, а я побѣгу (бѣжитъ).

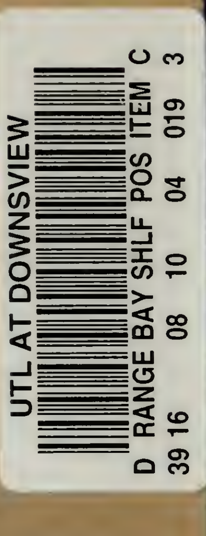
Съ паденіемъ уніи разрушилась одна изъ послѣднихъ преградъ, отдѣлявшихъ Южную Россію отъ Сѣверной, и открылась широкая дорога къ сближенію ихъ между собою и сліянію Южной Россіи съ Сѣверною. Это сліяніе должно было совершиться и въ литературной области, какъ и дѣйствительно оно, начавшись еще задолго до того возсоединенія уніатовъ, которое изобразилъ въ своей комедіи Савва Стрѣлецкій, завершилось къ концу XVIII вѣка: послѣ комедіи Стрѣлецкаго мы не видимъ уже въ Кіевской Академіи какихъ либо литературныхъ и въ частности драматическихъ произведеній, отзывающихся преданіями старины и запечатлѣнныхъ мѣстнымъ характеромъ.

Правда, внѣ Кіевской Академіи, въ концѣ XVIII вѣка, начинается, съ перелицованной Энеиды Котляревскаго, новое, повидимому, литературное движеніе, которое въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи проложило путь новѣйшей украинской литературѣ нынѣшняго вѣка; но, по нашему мнѣнію, 1) это движеніе не есть что либо новое и является только непосредственнымъ отзвукомъ предыдущаго развитія кіевской искуственной литературы XVIII вѣка, о которой мы

вели рѣчь; 2) оно подновлено только воздѣйствіемъ на него идей, вкусовъ и пріемовъ сѣверно-русской литературы и потому, несмотря на мѣстный колоритъ, большею частію идетъ по слѣдамъ этой послѣдней литературы и съ ея словъ повторяетъ только зады. Въ этомъ отношеніи украинская литература нынѣшняго вѣка не есть какая-либо самостоятельная отрасль общерусской литературы, и потому она должна быть разсматриваема не отдѣльно, сама по себѣ, а въ тѣсной связи съ обще-русскою. Соотвѣтственно моментамъ развитія русской литературы съ конца XVIII вѣка и до послѣдняго времени, въ новѣйшей малорусской литературѣ можно различать слѣдующіе періоды: 1) періодъ противодѣйствія псевдоклассицизму и пародированныхъ поэмъ, представителемъ котораго является Котляревскій, который, вслѣдъ за Богдановичемъ, Осиповымъ и Котельницкимъ, пишетъ свою перелицованную Энеиду и даже подчиняетъ ее правиламъ тоническаго стихосложенія; 2) періодъ сентиментальной украинской литературы, открывающійся повѣстями Квитки или Основьяненка, которыя, по признанію самихъ изслѣдователей исторіи украинской литературы, стоятъ въ тѣсной связи съ русской повѣствовательной литературой того времени; 3) періодъ украинофильской литературы, появившейся въ концѣ сороковыхъ годовъ подъ вліяніемъ панславизма и русскаго славянофильства, и 4) періодъ такъ называемой хлопоманской литературы, со времени крестьянской реформы, одинаково пробудившей вниманіе образованныхъ классовъ общества и на сѣверѣ, и на югѣ Россіи. Это послѣднее направленіе продолжаетъ существовать и до послѣдняго времени, но нерѣдко съ сильнымъ оттѣнкомъ соціализма, непонятнымъ образомъ подающаго руку племенному партикуляризму.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

UTL AT DOWNSVIEW
D RANGE BAY SHLF POS ITEM C
39 16 08 10 04 019 3